

ВСЕМИРНАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПИРАТЫ

GELEOS

MOCKBA

УДК 359(091)(100)(084.121)(031.021.4)
ББК 63.3(0)-75я20+63.3(0)-68я20+68.53(0)-1я20 В84
П27

Главный редактор Мария Григорян

Перье, Никола.

Пираты. Всемирная энциклопедия / Никола Перье. — М.: Гелеос. — 256 с.: ил.

ISBN 978-5-8189-0711-6 (в пер.)

Агентство СІР РГБ

Детальные, до мельчайших подробностей, описания морских сражений, поисков кладов, правдивые истории жизни самых известных флибустьеров, романтиков и злодеев, жестоких убийц и покровителей угнетенных — все, что вы хотели узнать о пиратстве, собрано в этой книге.

Почувствовать вкус эпохи вам помогут рассказы о нравах и обычаях морского братства, подробные карты, изображения кораблей, оружия, одежды, предметов обихода, которыми богато иллюстрирована энциклопедия.

Просторы морей и океанов ждут вас! Окунитесь в мир захватывающих приключений!

© ЗАО «Издательский дом «Гелеос», 2008

© ЗАО «ЛГ Информэйшн Груп», оформление, 2008

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПИРАТСТВО

КАК ОНО ЕСТЬ

КРАСНОБОРОДАЯ БРАТИЯ, ИЛИ ГРЯЗНАЯ ПЕНА МОРЕЙ

Пиратство возникло в Средние века, достигло апогея в XVI и XVII столетиях и было искоренено усилиями многих стран и наций лишь около полутора веков назад. Центром его тогда являлось Западное Средиземноморье, действующими лицами — жители берберийского (варварийского) берега, который простирался от западных границ Египта до северо-западного побережья Африки и получил свое название от африканских племен — берберов.

После распада Римской империи морские разбойники почти исчезли. Причина банальна: на протяжении почти тысячи лет на море просто нечем было по-настоящему поживиться.

Затем начались крестовые походы; венецианские и генуэзские предприниматели возродили славу восточной торговли. Соблазны выросли, и решительные люди в тюрбанах и белых одеждах засновали на весельных судах от островов к побережью, подстерегая роскошные галеры с безмятежными пассажирами, следовавшими из богатых итальянских городов. Разбойники не боялись возмездия — не родилось еще силы, способной противостоять им!

Туркам не удалось взять Константинополь, и они распространили свое влияние на Северную Африку. Ну а Венеция, Генуя и Франция оказались достаточно сильными, чтобы защищать свои суда от разрозненных шаек «грязной пены морей», как называли тогда пиратов.

Одна из самых ранних попыток усмирить берберийских корсаров имела место в 1390 году, когда генуэзцы, раздосадованные частыми поражениями на морях, «собрали значительное число лордов, князей и джентльменов из Франции и Англии» и атаковали пиратов в их же логове у Метредии, на Тунисском побережье. Английский контингент находился под командованием Генри Ланкастера, ставшего впоследствии королем Генрихом IV. Главный удар при высадке нанесли лучники, стрельба которых сломила сопротивление врага на побережье и позволила ворваться в крепость. У христиан не доставало огневой мощи, чтобы захватить укрепления. Наступавшие силы устроили осаду, ставшую самой долгой и тяжелой в истории средневековых войн. Болезни выгнали защитников крепости быстрее, чем голод и лишения: спустя два месяца был заключен мир. Европейцы отплыли домой.

С тех пор пираты поубавили свою прыть, отваживаясь лишь на небольшие вылазки.

НОВАЯ РАСА КОРСАРОВ

В 1492 году положение круто изменилось. Испания при Фердинанде и Изабелле захватила власть над всем Иберийским полуостровом и отбросила мавров обратно за Гибралтар, в Северную Африку. И это после семи с лишним веков их господства на Пиринейском полуострове!

Таким образом, в Северную Африку, где от силы насчитывалось всего несколько десятков торговцев и купцов, были выброшены сотни тысяч цивилизованных, образованных, гордых людей без определенных занятий, с амбициями и неутоленным чувством мести.

Желание исправить собственные ошибки и, конечно, стремление компенсировать потерянное имущество возбудили в маврах необузданную враждебность по отношению к Испании и повлекли за собой жестокие столкновения на религиозной почве против всей западной христианской цивилизации!

У изгнанников имелись значительные преимущества в их разбойничьих вылазках. Они знали испанский язык, были знакомы с торговыми обычаями, знали всех знатных испанских богачей — бывших соотечественников. Все это обеспечивало успех предприятия.

Характер средиземноморского пиратства круто изменился после изгнания мавров из Испании. Новая раса корсаров начала строить большие и быстроходные суда, заменяя весла на паруса. Был введен четкий порядок на кораблях, увеличено число рабов на галерах благодаря вылазкам внутрь страны, большие суда снаряжались только обученными людьми. Корсары ввели систему выплаты процента (как правило, десятой части добычи) местным царькам, тем самым обеспечив себе защиту и поддержку на побережье, а также рынок для продажи пленников; шейх обеспечивал торговлю добытыми товарами по окончании каждого пиратского рейда.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ БАРБАРОССЫ

Первый такой рейд невиданного масштаба состоялся в 1504 году и поверг христианский мир в глубокий ужас и тревогу. Глава католической церкви папа Юлий II отправил две большие галеры, оснащенные необходимым вооружением, чтобы перевезти ценности из Генуи в Чивитавеккья. Ведущий корабль ушел на несколько миль¹ вперед, потерял из виду второй и уже миновал остров Эльбу, когда команда заметила галеот, но не придавала ему значения и спокойно продолжила путь. Капитану Паоло Виктору и в голову не могло прийти, что это пираты, ведь берберские корсары не показывались в этих водах уже много лет, да и в любом случае не посмели бы напасть на столь огромное судно. Но неожиданно галеот изменил направление и лег на параллельный курс.

Когда итальянцы заметили на его палубе множество белых тюрбанов, было уже слишком поздно. Без шума и криков, еще до того как суда соприкоснулись бортами, град стрел и пуль обрушился на итальянский

---

¹ 1 морская миля равна 1,852 км. (Прим. ред.)

Харуджи (Арудж) Барбаросса

корабль, и мгновение спустя мавры набросились на команду, руководимые полноватым бородачем. За несколько минут огромная галера стала пленницей, а уцелевших членов экипажа ударами палок согнали на нос.

Затем краснобородый капитан приступил к осуществлению следующей части своего коварного плана — захвату второго папского судна. Кое-кто из подчиненных попробовал возразить против этой авантюры, дело представлялось слишком опасным: сохранить одну половину добычи уже трудно, не говоря о второй... Предводитель резко оборвал их возражения. Он придумал план. Пленникам приказали сбросить одежды, которые тут же нацепили пираты, заняв места на галере, а свое судно взяли на буксир, как будто оно захвачено папским кораблем.

Простая хитрость удалась. Корабли сошлись, команда второй галеры сбежалась на борт поглазеть в чем дело. Снова засвистели стрелы и загремели выстрелы, произошла короткая схватка. Вскоре вместо освобожденных рабов-мавров к веслам своей же галеры оказалась прикована команда папского судна. Не прошло и двух часов после встречи с первым кораблем, как пиратские галеры взяли курс на Тунис.

Таково было первое боевое крещение Харуджи², старшего из двух братьев Барбаросса, сыгравших большую роль в пиратской истории Средиземноморья. Сын грека-горшечника Якова, осевшего в Митилини после турецкого завоевания, еще юношей добровольно принял ислам. Записавшись в команду турецкого пиратского корабля, Харуджи вскоре сам стал капитаном, бороздящим Эгейское море. Ростом он был невысок, но хорошо сложен и коренаст. Волосы, и особенно борода, имели удивительный красноватый оттенок. Глаза — живые и блестящие, нос с горбинкой, как у римлянина, смугловатый цвет кожи.

Харуджи не превратился, подобно многим, в турецкого вассала в Западном Средиземноморье, а стал независимым искателем приключений. Как только он почувствовал свободу, то сразу убедил команду отказаться от подчинения Великой Порте и следовать за ним, что освобождало от необходимости делиться добычей с жадными константинопольскими хозяевами.

Но какая-то поддержка все же была нужна: порт на случай бури и приемлемый рынок сбыта награбленного. Харуджи отправился в Тунис и заключил удачный договор с местным беем, который согласился поддерживать пиратов за 20 процентов от прибыли, позже сократив эту сумму до десяти, после того как корсары стали достаточно сильными, чтобы диктовать свои условия.

Удачные рейды Харуджи — особенно захват двух папских галер — притягивали к нему, словно магнитом, авантюристов со всего Южного и Восточного Средиземноморья, как, впрочем, и отщепенцев из других мест. Барбаросса стал для многих примером для подражания, и вскоре все Средиземноморье наводнили разношерстные шайки магрибских пиратов.

Страховые суммы поднялись до огромных размеров, торговля стала убыточной. Фердинанд, король Испании, признанный покровитель христианства и властитель сильнейшей морской державы, страдал больше других, чувствуя свою ответственность за деяния бывших хозяев и нынешних врагов Испании. Встав во главе мощного флота, он за два года (1509 и 1510) блокировал побережье Орана, Бужи и Алжира — в те времена заповедные

² Согласно другим источникам, старшего брата звали Арудж. (Прим. ред.)

ПИРАТСТВО КАК ОНО ЕСТЬ

твердыни пиратов. По условиям мира алжирцы обязались платить дань королю как залог преданности в будущем. Чтобы подчеркнуть свою власть, Фердинанд распорядился возвести мощную крепость Пеньон напротив гавани, таким образом лишив разбойников пристанища.

Пока Фердинанд был жив, пиратов удавалось сдерживать, и обе их попытки отвоевать Бужи в 1512 и 1515 годах провалились. В одной из схваток Харуджи лишился руки, которую прострелила пуля, пущенная из

Средневековая карта побережья Северной Африки

аркебузы. Но после смерти испанского короля в 1516 году алжирцы восстали и пригласили на правление Салима эд-Теуми, араба из Блиды. Салим дал согласие и вскоре осадил крепость Пеньон. Поняв, что своими силами ему не обойтись, Салим отправил послов к Харуджи, который незадолго до этого захватил у генуэзцев Джирджил (Шершель). Тот сразу же во главе пятидесяти тысяч войска выступил маршем на Алжир, а его брат, ужасный и жестокий Хейрэддин, который во многом превзошел брата, отправился туда же со своим флотом. Прибыв на место, Харуджи, быстро разобравшись, что двойное командование до добра не доведет, и, заручившись поддержкой турецкого султана, собственными руками задушил Салима и стал единоличным военачальником.

КОНЕЦ КРАСНОБОРОДОГО

Маленький испанский гарнизон в Пеньоне проявлял чудеса мужества, и пираты никак не могли захватить крепость. А вообще, Испания не прилагала особых усилий, чтобы выручать своих подданных. Флот, посланный в 1517 году регентом, кардиналом Хименесом, под командованием дона Диего де Веры, был рассеян: 7000 испанских ветеранов обращены в беспорядочное бегство, а об остатках флота позаботился шторм. Но защитники крепости героически держались еще на протяжении целых 12 лет.

Тем временем Харуджи Барбаросса укреплял свои позиции. Вскоре все территории, ныне именуемые Алжиром, были включены в его владения, которые, расширяясь, охватили Тунис и Тилимсан. Алжирцы вскоре поняли, что правление Барбароссы еще более тяжелое, чем его предшественника, и в 1518 году восстали, призвав на помощь испанцев. Император Карл V, обеспокоенный растущей мощью пиратских вождей, воспользовался случаем и послал 10 тысяч хорошо вооруженных опытных солдат. Барбароссу застали врасплох возле Тилимсана, с войском всего в 1500 человек. Прихватив сокровища, он подался в Алжир, преследуемый испанцами под командованием губернатора Орана.

Дело принимало серьезный оборот. Харуджи, надеясь отвлечь неприятеля, бросал позади себя золото и драгоценности, а неумолимые испанцы подбирали «дары» и рвались следом. Они настигли мусульман, когда те перебирались через реку Рио-Саладо. Самому Харуджи удалось переплыть поток, но, увидев, что его арьергард подвергся нападению, он бросился в воду и вступил в битву. Практически вся его армия была уничтожена, а вместе с ней погиб и командующий — краснобородый корсар.

НОВАЯ ПИРАТСКАЯ ЗВЕЗДА

Харуджи Барбаросса являлся в своей среде гением, к тому же первым в мусульманском мире, в чьих жилах текла христианская кровь. Но его младший брат, крещеный Кизром, но известный мусульманам как Хейрэддин, даже превзошел его. Обладая всеми дарованиями и военными способностями Харуджи, он пробился из рядов обычных бандитов с большой дороги в ранг высших чинов мусульманского мира.

Необходимо отметить, что в мусульманских именах часто встречаются повторы, а все вожди корсаров имели приставку «рейс», которая означала «капитан».

Действительно, Хейрэддин Барбаросса оказался круче своего братца, и не только внешне. «Роста он был значительного; наружность привлекательная, даже броская, хорошо сложен и коренаст, исключительно волосат, с огромной бородой, брови длинные и узкие; волосы, перед тем как поседеть, были каштановые».

Хейрэддин Барбаросса

Побережье Алжира

Первое, что сделал Хейрэддин после унаследования имени и положения брата, — отправил послов в Константинополь для представления великому владыке его новой провинции и провозглашения себя смиренным вассалом Османской империи. Султан, только что присоединивший Египет, был рад увеличить свои новые владения и, в благодарность за подношение, назначил Хейрэддина беглер-беем, или губернатором, Алжира. Таким образом, пират заручился поддержкой одного из самых могущественных правителей

тогдашнего мира и в то же время оставался независимым из-за значительного расстояния этих земель от Константинополя, что ему и было нужно.

Первое существенное преимущество, которым воспользовался Хейрэддин, — личная охрана из двух тысяч отборных янычар, присланных его новым сюзереном. Новый вице-король постарался организовать свое правление как систему договоров с соседями и наметил план захвата тех земель, которые представлялись ему наиболее важными. Один за другим прибрежные города, столь мучительно отвоеванные Фердинандом, были отобраны у Испании. Осталась лишь та многострадальная крепость Пеньон у входа в алжирскую гавань.

Один за другим уничтожались и отряды, посланные из Испании для охраны своих владений. Быстро добившись владычества над многими сотнями миль побережья на запад и восток от Алжира, Хейрэддин восстановил флот и стал преследовать все христианские суда, нападать на европейские города. Отныне он стал не только вождем-одиначкой, но и хозяином целой группы флотов и «коллекции» пиратов-профессионалов. Среди них выделялись свирепый Драгут, мусульманин с Родоса, Синан — иудей из Смирны, владевший черной магией и способный определять положение судна в открытом море с помощью арбалета; и Айдин, бывший христианин, прозванный испанцами Дьяволом-молотильщиком.

Каждую весну, как только устанавливалась погода, эти пираты отплывали от алжирских берегов в Восточное Средиземноморье, поджидая жертву на оживленных морских путях у побережья Испании и Балеарских островов, а случалось, выходили даже через Гибралтар в Атлантику и перехватывали испанские торговые суда, следовавшие с грузами из Нового Света в Кадис.

БИТВА ПРИ ФОРМЕНТЕРЕ

Практика подобных грабежей настолько утвердилась, что почти не прерывалась защитными действиями испанского флота. В 1529 году Дьявол-молотильщик отбыл с очередной экспедицией на Балеары. После того как были сделаны обычные захваты, включающие несколько судов и множество рабов, он получил известие, что в Оливе, небольшом порту на побережье близ Валенсии, находится много морисков, которые намереваются хорошо заплатить за возможность бежать из Испании. Прибыв в Оливу ночью, Дьявол посадил на борт две сотни морисков и отбыл к острову Форментера. Едва он скрылся из виду, как новость дошла до генерала Портундо. Снарядив восемь галер, испанец пустился в погоню в сторону Балеарских островов. Дьявол, справедливо сочтя свои суда неподходящими для гонок, ибо на них находилось слишком много беженцев, высадил бывших пленников на Форментере и приготовился к неравной схватке.

Испанские суда подошли ближе, но, к изумлению алжирцев, не сделали ни единого выстрела. Испанский командующий хотел поторговаться: владельцы морисков-рабов согласны были выплатить 10 тысяч дукатов, если генерал вернет их в целостности и сохранности, поэтому он опасался, что рабы утонут, если испанцы ударят своей бортовой артиллерией по пиратским судам. Корсары, углядев в его колебаниях коварство, перешли в наступление, «обрушившись со всей яростью орлов и окружили восемь галер, пока изумленные

испанцы не поняли, что произошло». В мгновение ока генерал Портундо был убит, семь галер блокированы, а восьмая удрала на Балеары — за несколько миль от того места.

Тем временем корсары снова посадили на суда две сотни морисков, в ужасе наблюдавших с берега за битвой, освободили от цепей несколько сотен мусульман на веслах галер, заменив их членами корабельных команд, и отбыли в Алжир, где им устроили торжественную встречу.

В том же году Хейрэддину наконец удалось подавить сопротивление героических защитников крепости Пеньон. До того он неоднократно бросал мощные силы против этой твердыни, но безуспешно. Захватить ее было делом чрезвычайно важным: ведь, контролируя всю округу, крепость не пропускала в гавань ни одного корабля, и пиратским судам приходилось изыскивать другие маршруты. Все это слишком осложняло жизнь корсаров.

Атака на крепость отличалась особой жестокостью. После бомбардировки, которая длилась без перерыва 16 дней и ночей, уцелевшие участники сопротивления были вынуждены сдаться. Мужественный командир крепости дон Мартин де Варгас получил множественные раны и был забит палками до смерти. Форт уничтожили, стерли с лица земли и принялись за сооружение огромного мола, который и сейчас закрывает гавань Алжира. Огромный труд многих тысяч несчастных христианских рабов продолжался целых два года.

Но на этом несчастья для Испании не закончились. Через 140 дней после падения Пеньона вблизи алжирских берегов появились 9 тяжелогруженных судов с амуницией и подкреплением для гарнизона крепости. Ошеломленные исчезновением порта, испанцы были атакованы пиратами, чьи длинновесельные галеоты быстро захватили суда конвоя и 2700 пленных, не говоря уже об оружии, продовольствии и тому подобном.

БЕГСТВО ИЗ АЛЬКОВА

В центре всех этих событий стоял Барбаросса. В 1534 году, построив по собственным проектам флотилию из 61 галеры, он решил нанести удар христианскому миру в самое сердце. Пройдя Мессинский пролив, рыжебородый пират неожиданно возник у Реджио, захватив все суда в порту и сотни белых рабов, а на следующий день штурмовал замок св. Лучиды. Взяв в плен 800 человек, он подался на север, сея вокруг разрушения и убийства.

В дороге он услышал историю очаровательной Джулии Гонзаго, герцогини Тражетто и графини Фонди, и это заставило его совершить деяние иного рода. Молодая вдова считалась одной из самых красивых женщин Испании, поэты слагали стихи в ее честь, а на гербе было высечено: «Цветок любви». Корсар решил, что сей цветок станет отличным подарком его новому повелителю — Сулейману Великому. Дама находилась в Фонди. Туда пираты и направились, передвигаясь главным образом по ночам. Но слухи о приближении корсаров опережали их самих, и у женщины хватило времени, чтобы выбраться из своего алькова и ускакать на лошади чуть ли не в ночной рубашке в сопровождении единственного стражника. Побег удался. (Впоследствии она приказала казнить своего спутника, поскольку решила, что тот вел себя слишком фамильярно во время ее ночного бегства.)

Хейрэддин, разъяренный неудачей, предал Фонди огню и мечу, отдав его на четыре часа своим головорезам. Но истинный предмет его вожелений еще не был достигнут. Пока дворы европейских правителей на все лады обсуждали его зверства и поджоги вдоль обоих побережий Италии и считали награбленное им и доста-

вляемое в Константинополь имущество, Барбаросса неожиданно повернул на юг, пересек Средиземноморье, вошел в гавань Туниса, обстрелял город и за один день захватил его. Султан Хассан, ставленник Испании, бежал, а вместе с ним улетучился и перевес сил в пользу Испании. Разрушенной оказалась не только главная испанская твердыня в Северной Африке, но и Сицилии теперь угрожала изоляция с запада и востока.

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ...

Карл V

Христианский мир больше терпеть такое положение не мог. Карл V срочно собрал огромный — более 600 кораблей — флот в Барселоне под командованием генуэзца Андреа Дориа, самого значительного адмирала той эпохи. В мае 1535 года флот отбыл в Тунис. Войска состояли из итальянцев, немцев и испанцев, по дороге к ним присоединились рыцари ордена св. Иоанна с Мальты. Как и большинство подобных экспедиций, эта строилась по принципу крестовых походов. После сильного шквального огня в стенах крепости Голетте, сторожившей вход в гавань, была пробита брешь. Шевалье Поссье повел сынов ордена на штурм и водрузил знамя св. Иоанна над крепостью. Командующий, Синан-иудей, отбил три атаки, но после жестокой рукопашной схватки мавров все-таки выкурили. Барбаросса сам встал во главе войска и решил дать бой христианским силам на подступах к городу. Но армия его бежала, и Хейрэддин со своими верными Синаном и Дьяволом укрылся в Боне — порте, расположенном в нескольких милях от Туниса. Здесь корсар, со свойственной ему предусмотрительностью, оставил свой флот.

Тем временем тысячи освобожденных белых рабов присоединились к своим спасителям, грабя город. На три дня король отдал Тунис своему войску. Кровавые оргии продолжались до тех пор, пока опьяненные свободой и легкостью добычи бывшие рабы не повернули оружие против солдат и не стали отбирать друг у друга награбленное. Даже в католических хрониках вспоминают об этом со стыдом, ибо жертвами стали простые жители, а не пираты, — те, кто еще год назад считались друзьями Испании и вынуждены были подчиниться Хейрэддину лишь под угрозой расправы.

Король заключил с султаном мирный договор. Отныне Карлу принадлежали крепость Голетте и ежегодная дань, султан также обещал пресечь пиратство.

В августе Карл ушел из Туниса, поручив Дориа добыть Хейрэддина живым или мертвым. Король вернулся домой триумфатором, защитившим честь и достоинство христиан.

Поэты воспевали Карла V, художники его увековечивали, но Барбаросса снова стоял на тропе войны. В Боне ему удалось собрать 27 галеотов, которые вскоре двинулись в сторону Менорки, неся на мачтах испанские флаги. Островитяне, до которых уже дошли слухи о победах короля в Тунисе, думали, что эти суда — часть его армады, возвращающаяся домой, и приготовили прием. Орудия в порту отдали салют, в ответ — меткий залп бортовых пушек. Город и верфь, где стояли суда, полные грузов, были очищены добела, и Барбаросса отбыл в Константинополь, чтобы передать Сулейману 6 тысяч рабов в качестве компенсации за потерю Туниса. Султан остался доволен своим кровавым любимцем и назначил беглер-бея Алжирского верховным адмиралом всех флотов Османской империи.

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Следующие два года Дориа гонялся за Барбароссой. Каждый из них наносил другому определенный ущерб, однако решающих столкновений не происходило. В 1537 году испанский адмирал разбил османские силы и захватил 12 галер в Мессинском проливе. Алжирцы ответили разграблением Апулийского побережья. Венеция, конечно, встала на сторону противников ислама. Узнав об этом, Барбаросса пошел на Корфу, тогдашнее владение Венеции, и высадил на острове 25 тысяч человек с 30 пушками. Четыре дня спустя к нему присоединилось еще 75 военных кораблей. Именно тогда было задействовано самое большое на тот момент орудие. Оно стреляло 50-фунтовыми³ снарядами 19 раз за три дня и почти всегда попадало в цель. Но, несмотря на это, крепости удалось выдержать осаду. Сулейман отозвал свои войска, заметив, что ты-

³ Фунт — мера веса. Совр. англ. фунт равен 453,59 г. (Прим. ред.)

сдачи таких крепостей не стоят жизни и одного из его храбрых воинов. Хейрэддин не согласился с ним, но подчинился и закончил сезон кровавым рейдом по Адриатике, убивая жителей и сжигая все, что ему хотелось. Барбаросса вернулся с тысячами пленных, среди которых имелись представители самых знатных венецианских родов. Списки его добычи включали десятки тысяч изделий из золота, 1000 девочек и 1500 мальчиков. В подарок султану он отослал двести мальчиков, одетых в алые ткани, по 200 золотых и серебряных шаров, сотни штук дорогой материи и отделанные драгоценностями кошельки.

В 1538 году Барбаросса снова вышел на охоту, когда пришло известие, что враг уже в Адриатике. Флот Дориа был самым внушительным со времени борьбы с корсарами. Хейрэддин, оценив свои силы — 150 кораблей, — решил рискнуть. Отложив выгодный поход в окрестности Крита, он отправился в Ионическое море. Вражеский флот обнаружился в бухте Превеза.

25 сентября две крупнейшие морские силы, два врага стояли лицом к лицу. У Дориа имелось 80 венецианских, 36 папских и 30 испанских галер, что вместе с 50 парусниками составляло около 200 боевых кораблей, несших 60 тысяч человек и 2500 пушек.

Хейрэддин собрал сливки всех исламских военно-морских сил и высококвалифицированных офицеров, которых сам воспитал. Здесь находились и Драгут, и Синан, и Мурад, который со временем унаследовал власть Барбароссы, но потерпел сокрушительное поражение 35 лет спустя от христианских сил в заливе Лепанто.

Но сражение почему-то откладывалось. Ни тот ни другой командующий не хотел начинать первым, маневрируя и наблюдая за действиями противника. Дориа, казалось, потерял свою былую прыть. Несмотря на превосходящие силы, он словно прилип к порту и потерял преимущества для маневра. Его нерешительность непонятна. То ли виноват возраст, то ли ненависть, питаемая старым генуэзцем к древнему врагу — Венеции, по чьему повелению он вел этот бой.

Только 28 сентября Андреа Дориа вывел свой флот из порта. Погода благоволила туркам. Началась ожесточенная битва, в которой христианские силы потерпели поражение, а когда ветер перерос в шторм — бежали, оставив значительную часть своих людей в руках неприятеля.

Отныне флаг Сулеймана Великого реял над всем Средиземноморьем.

В малоизвестном отечественному читателю романе «Меч ислама» английский писатель Рафаэль Сабатини (автор более популярных «Одиссеи капитана Блада» и «Хроник капитана Блада»), опираясь на архивные источники, приводит красочные описания морских сражений между христианами и мусульманами, а точнее, европейцами и берберийскими и турецкими пиратами. Многие персонажи вымышлены (как, например, главный герой флотоводец Просперо), но это не делает описание менее достоверным, ведь автор опирался на данные британского Адмиралтейства и мальтийских архивов...

После поражения христианского флота прошло три года. Европа собрала силы, чтобы дать новое сражение. Было решено изгнать пиратов из их главного логова — Алжира, и снова во главе этого предприятия оказался Андреа Дориа. С ним находились старые союзники, и, кроме того, каждая христианская страна послала своих добровольцев. В английский контингент вошел сэр Генри Кневет, посол Генриха VIII при испанском дворе, а также друг семьи сэр Томас Шаллонер, лондонец, придворный, набожный человек и истинный католик, ставший впоследствии министром при английском дворе. Среди испанцев находился Кортес, покоритель Мексики, о котором хронист Морган писал, что он «потерял, как салфетку, повязанную

Андреа Дориа

на шею, два самых ценных корабля, битком набитых изумрудами на 300 тысяч дукатов».

Барбароссы в то время в Алжире не было. Он вернулся туда лишь после того, как султан провозгласил его верховным адмиралом турецкого флота. Его замечал сардинский ренегат Хасан, еще мальчиком похищенный пиратами со своего родного острова и проданный хозяину, которому приглянулся благодаря своей необычайной живучести, хотя алжирец и приказал кастрировать его.

Фернандо Кортес

Итак, армада, состоящая из 500 кораблей и 12 тысяч моряков, направилась к Алжиру 19 октября 1541 года. Дориа отказывался от рейда: в водах Северной Африки ожидалась шторма. Но Карл не признавал возражений адмирала. Видимо, поражение при Превезе уменьшило веру короля в способности адмирала, или же он считал, что в конце сезона все морские силы пиратов окажутся в Алжире. Во всяком случае, Карл был настолько уверен в непобедимости своей армады, что взял с собой несколько знатных испанских дам, чтобы те смогли лицезреть победу и аплодировать победителям. Сам король шел на флагманском корабле вместе с Дориа, а сухопутными силами командовал герцог Альба, великий воин XVI столетия.

Предсказания адмирала вскоре подтвердились. По прибытии армады в Алжир начался шторм, прервавший связь с берегом дня на три, и даже когда он стих, высадка оказалась слишком сложной и опасной, большинство солдат вынуждены были передвигаться по шею в воде.

Оказавшись на берегу, испанцы уже не испытывали трудностей в продвижении к городу и окружили его, ибо у Хасана было мало войска. Начался обстрел стен из тяжелых орудий, и пехота уже собиралась начать штурм цитадели. Победа казалась совсем рядом, но тут разразилась новая буря с проливным дождем. Испанцы так спешили завоевать Алжир, что не захватили с собой ни палаток, ни съестных припасов, не говоря уже о смене одежды. Всю ночь они простояли по колено в воде и грязи, стегаемые струями дождя и дрожа от холода.

Утро застало их голодными и не способными стрелять, ибо порох вымок. Неожиданно турки сделали вылазку и обрушились на христиан, те дрогнули и побежали, и никто уже не мог предотвратить избиения — даже мальтийские рыцари с их холодным мужеством...

Шторм тем временем крепчал, и несколько судов выбросило на берег. Дориа вышел в открытое море с остатками флота, а когда буря поутихла, вернулся в бухту и с большими трудностями забрал остатки войск. Уменьшившийся в размерах флот был настолько перегружен людьми, что пришлось выбросить за борт всех лошадей.

2 ноября флот наконец отошел от алжирских берегов, и тут началась новая ужасная буря. Несколько судов выбросило на мель, и их команды попали в плен.

Жалкие остатки некогда великой армады спустя три недели наконец добрались до Испании.

Такого поражения эта страна еще не знала: 300 офицеров и 8 тысяч солдат погибли от ран или утонули. Бараки для рабов — баниос — были настолько переполнены, что несчастных стали менять на реччатый лук. Место, где полегли христиане, до сих пор известно в Алжире как «рыцарская могила».

ПРЕВРАТНОСТИ... ЛЮБВИ

Поражение в Алжире стало тяжелейшей раной, нанесенной Испании. Это событие перенесло дату окончательной расправы над пиратством далеко вперед. Увы, за два века пиратского царствования на море великие, могущественные европейские державы так и не удосужились договориться между собой, не смогли подняться выше собственных склок.

Так, Франциск I, король Франции, призвал мусульман помочь ему решить свои проблемы с королем Карлом — альянс, который даже его приближенные расценили как нечестивый. В 1543 году Франциск заключил первое соглашение с Сулейманом, и Хейрэддин Барбаросса отправился в Марсель. По дороге он взял несколько призов, но в основном придерживался возложенной на него миссии, как вдруг губернатор Реджио в Мессинском проливе открыл огонь по его кораблям. Это так разъярило свирепого капитана-пашу, что тот, не имея поначалу таких намерений, немедленно высадил на берег 1200 человек и подверг город полному разорению.

Как обычно, Хейрэддин взял пленных, но случилось так, что и он стал пленником... любви. Среди захваченных оказалась дочь губернатора, очаровательная 18-летняя девушка, в которую корсар влюбился, да так, что, вопреки многолетним традициям, женился на ней и в качестве подарка даровал ее родителям свободу. Первые дни медового месяца они провели в Чивитавеккья — городе, где много лет назад нашли свой конец две папские галеры из Генуи. Далее Хейрэддин пошел в Марсель, его встретили с необычайным торжеством. В честь Барбароссы был поднят французский адмиральский флаг, рядом взвился полумесяц — спектакль, который пришелся не по душе многим марсельцам.

После церемонии корсар отбыл в Ниццу, тогда входившую в герцогство Савойское, где провел несколько дней, хладнокровно выдерживая нападки

Паоло Симеони, мальтийского рыцаря, который был когда-то пленником Хейрэддина. Потом Барбаросса направился в Тулон, где зарекомендовал себя весьма дорогостоящим незванным гостем. Среди сотен галерных рабов на его судах находилось много французов, которых союзники просили выпустить. Барбаросса не только отклонил их просьбу, хотя люди мерли как мухи, но и заменил «свежими», забрав их из окрестных селений. Когда несчастные умирали, он не следовал христианскому обряду погребения и не пользовался местными колоколами — для него то была дьявольская музыка. Расходы на питание и оплату своих людей Хейрэддин переложил целиком на французское казначейство. Все время он оставался в Тулоне, занимаясь опустошением казны французского короля, лишь однажды совершив вылазку, чтобы досадить испанскому королю.

Французы не могли больше выносить подобные издевательства — соглашение с Сулейманом стоило слишком дорого. За это время Барбаросса собрал значительную сумму для себя и своих людей, — достаточную для того, чтобы идти к Босфору и испросить свободу для 400 мусульманских галерных рабов, а затем покинуть Тулон.

То был его последний вояж. Оставшиеся несколько лет жизни Барбаросса посвятил строительству красивой мечети и велел похоронить себя в ней, что и произошло в июле 1546 года.

После его смерти ходило много слухов. Например, тело Барбароссы четыре или пять раз находили вне погребения — никто не мог заставить пирата спокойно лежать в могиле, пока один греческий маг не посоветовал сжечь вместе с останками черную собаку. После этого все успокоилось, никто больше не пугал служителей усыпальницы.

Много лет после смерти Барбароссы ни одно турецкое судно не покидало Золотой Рог без салюта в честь великого турецкого адмирала и могущественного средиземноморского пирата. Его имя живет и поныне — в страшных легендах и рассказах моряков.

НАСЛЕДНИКИ БАРБАРОССЫ, ИЛИ ОБНАЖЕННЫЙ МЕЧ ИСЛАМА

Наследниками дел великих братьев Барбаросса стали их любимцы, возвращенные и выученные ими же. Ни один из них не дотянул до славы и умений своих учителей, но пиратами они являлись, несомненно, одаренными, жестокими и нанесли тяжелый урон европейской торговле.

ЗВЕЗДА ДРАГУТА

Первым из них стал мусульманин от рождения Драгут, выходец из Малой Азии, Анатолии, что лежит напротив острова Родос (современная Анталья). Его родители были крестьянами, «но эта мрачная и нудная жизнь» мало соответствовала характеру молодого Драгута. Он бежал на море в возрасте 12 лет, записался на борт турецкого военного корабля и скоро завоевал репутацию отличного штурмана и лучшего стрелка. Вскоре он смог купить собственный галеот и с успехом бороздил на нем воды Леванта.

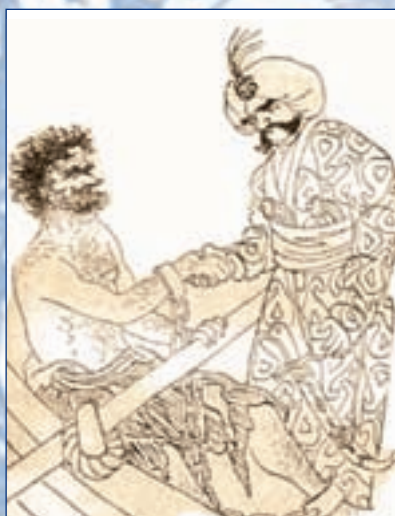
Слухи о приключениях молодого пирата достигли ушей Хейрэддина, и тот, быстро разобравшись в наклонностях моряка, пригласил Драгута в Алжир, дал ему командование над 12 галерами и отправил на поиски фортуны. С тех пор ни одного лета не проходило без набегов на побережье Италии и нападений на христианские суда. Если команда оказывала сопротивление, Драгут уничтожал ее, а если все же добыче удавалось ускользнуть — обрушивался на прибрежные селения, увозя жителей в рабство.

Его «успехи» оказались настолько велики, что Карл V в 1540 году отдал особый приказ адмиралу Дориа, и тот устроил за ним уже описанную ранее охоту, чтобы избавить всеми возможными средствами море от этого наглеца. Адмирал перепоручил это дело своему любимому племяннику Джаннеттино Дориа, который пустился за Драгутом и захватил его врасплох на Корсике, где тот с командой занимался починкой кораблей после бури. После непродолжительного боя Драгута взяли в плен. Молодой Дориа сделал своему дяде шикарный подарок — живого Драгута, и последующие четыре года корсар провел в качестве раба на веслах собственной галеры.

Свободу работник получил неожиданно. Это случилось в период альянса с Францией, когда его патрон Барбаросса бросил якорь в бухте Тулона. Жан де ла Валетт, человек большого мужества и благоразумия, впоследствии ставший магистром Мальтийского ордена, отправился с визитом к Дориа-старшему и... обнаружил знаменитого корсара среди рабов на галере. Ла Валетт сам однажды был рабом на судне Барбароссы и знал в лицо способного командира Драгута. Он мог, как никто другой, оценить его ужасное положение, кроме того, являлся любезным кавалером старой школы.

- Синьор Драгут, — обратился он к пленнику, — это обычай войны.
- Превратности судьбы, — холодно парировал корсар.

Христианин стал посредником между Дориа и Хейрэдином, и в конце концов Драгут был выкуплен за три тысячи дукатов — сделка, о которой и сам адмирал и весь христианский мир впоследствии очень пожалеют!

Такие сделки не являлись исключительными, даже при всей ненависти христиан к магрибским пиратам. Обе стороны соглашались на это, поскольку знатного человека с богатыми друзьями гораздо выгоднее оставить живым, к тому же все боялись мести. Даже в следующем веке, когда корсаров поставили вне закона и все страны Запада объединились для отпора пиратам, предусматривалась система выкупа — и она действовала!

Драгут возвратился к своим командирским обязанностям одновременно с отбытием Хейрэддина в Константинополь. Ему было поручено командование всеми судами Барбароссы в Западном Средиземноморье, и вскоре он, по свидетельству одного турецкого историка, стал «обнаженным мечом ислама». Имелись в виду прежде всего его беззаветная храбрость и честность. Именно тогда он захватил мальтийскую галеру, а с ней и 70 тысяч дукатов, предназначенных для ремонта укреплений в Триполи. А ведь очень немногие корсары отваживались нападать на приверженцев св. Иоанна!

Карта Северо-Западной Африки, 1865 г.

Когда Драгут решил, что Алжир больше не подходит для роли базы, и огляделся в поисках более удобного места, то заметил остров Джербу, что у берегов Туниса и напротив Мальты, который на протяжении двух сотен лет являлся собственностью семейства Дория. Адмирал, конечно, был в бешенстве, но остров в мгновение ока перешел к Драгуту и стал самой неприступной твердыней, какие только возводили пираты в Старом Свете. Кроме того, пират одним рейдом захватил Сус, Сфакс и Монастир, только недавно отвоеванные Дория для Испании, а также тунисский порт Махдийя, или Африка, как его называли средневековые европейские авторы.

Обеспокоенный король снова вынужден был принимать меры — ведь мавры опять захватили тунисские берега. Такого испанская гордыня не могла снести. Экспедиция вышла в Махдийю в июне 1550 года под командованием... кого бы вы думали? Правильно, адмирала Дория. Драгут в это время находился в летнем рейде, бороздя Генуэзский залив, кстати, родные места Дория, а его племянник, Гисар-рейс, правил городом. Гисар долго сопротивлялся осаде, ожидая, когда вернется с подмогой дядя, но решительная атака, предпринятая 8 сентября, все же выбила защитников из города.

Драгут получил сообщение о случившемся еще до возвращения и укрылся на Джербе. Не ожидая здесь нападения, он расположился на берегу озера, связанного с морем каналом, вытащил галеры для починки, как вдруг появилась эскадра Дория и погнала пиратов в глубь острова. Дория тут же послал гонцов в Мадрид и другие столицы, чтобы известить всех о победе, а сам задержался на острове, ожидая, когда зверь сам выйдет на него и сдастся. Ждал он долго, однако никаких признаков появления Драгута не было... Дория пошел дальше по каналу и обнаружил, что хитрый корсар ускользнул. Объяснение оказалось простым и вместе с тем гениальным: Драгут собрал 2 тысячи крестьян со всего острова и заставил работать вместе со своей командой и рабами, чтобы прорыть новый канал в другой части озера. По нему пиратские суда ушли в море. Пока Дория ждал, Драгут пустился в плавание, во время которого перехватил галеру из Генуи, шедшую с подкреплением для испанского адмирала на Джербу..

Драгут прожил еще 15 лет, в которые султаном константинопольским были предприняты две попытки изгнать из Средиземноморья своих вечных и незабвенных врагов — рыцарей Мальтийского ордена. В этих экспедициях Драгут играл первую скрипку, но рейды потерпели неудачу, а во второй экспедиции свирепый пират погиб.

С РОДОСА НА МАЛЬТУ

Аристократическое братство ордена госпитальеров св. Иоанна было основано в Иерусалиме еще во время первого крестового похода. Братство создало штаб-квартиру в Священном городе и рьяно принялось за искоренение противников веры до тех пор, пока в 1291 году их не выгнал Саладин. После многолетних странствий в поисках нового прибежища они объединили усилия с известным генуэзским пиратом Виньоло ди Виньоли и захватили остров Родос. Здесь они возвели целый ряд крепостей, которые могли бы выдержать любую атаку. Так начался второй период их сложной и лихой истории. Тут, на Родосе, рыцари ордена в совершенстве овладели двумя профессиями — торговлей и пиратством: остров лежал на морских путях между Александрией и Константинополем. Захват рабов стал их основным занятием. Не брезговали они ни турецкими, ни венецианскими судами, проходившими прямо перед ними. Не было такой нации, которая однажды не пострадала бы от их захватов или же, наоборот, не нашла у них защиты.

Турки сделали несколько попыток выкурить врага, но неизменно терпели поражения, пока в 1522 году Сулейман Великий не навалился на остров с такой силой, что после шести месяцев осады измученные и сломленные защитники были вынуждены отдаться на милость победителей. Изгнанные с Родоса, рыцари ордена не могли найти себе приюта в течение восьми лет, в то время как Великая Порта захватила полную власть над всем Восточным Средиземноморьем, а братья Барбаросса подбирались к Западному.

Восточное Средиземноморье

Наконец, прибежищем братства стала Мальта, которую Карл V уступил им в 1530 году, вместе с городом Триполи, расположенным не так далеко. Королем не владели ни христианское сочувствие, ни стремление дать кров бездомным: Мальта и Триполи не представляли для него большой ценности, однако занимали важное стратегическое положение. Его католическое величество правильно рассчитал, что рыцари, потеряв всю свою собственность, согласятся на

роль полицейских псов в заморской политике Испании и будут охранять моря от турок и корсаров.

ГАЛЕРЫ СВЯТОГО ИОАННА

Рыцари ордена отнеслись к новым обязанностям со всей ответственностью. Они возвели укрепления, да такие, которые раньше никто не строил, и придумали галеры, ставшие грозой любого мусульманского корабля. Их удачные рейды были у всех на устах, и даже самый сильный и большой турецкий корабль не имел практически никаких шансов в схватке с мальтийской галерой. Если бы у рыцарей имелся флот побольше, пиратов-мусульман изгнали бы из всего Средиземноморья! Но ордену принадлежало всего 7 больших галер, но каких! Шесть — ярко-красных, а флагман, выкрашенный в мрачный черный цвет, наводил на врагов ужас. Рабами на этих громадинах были мусульмане, и все корабли имели прекрасное вооружение. Многие годы рыцари ордена св. Иоанна жили, воюя с врагами своей веры и посвящая жизнь чистоте, милосердию и благочестию.

Карта Мальты

Первая попытка захватить Мальту не увенчалась успехом. Флот, ведомый Синаном и Драгутом, подошел к стенам цитадели, когда евреи, коих в числе нападавших было много, вдруг объявили место неприступным и, обменявшись несколькими выстрелами, повернули на юг, в сторону Триполи. Эта твердыня рыцарей оборонялась всего лишь 400 воинами, с которыми Синан с отрядом в 6 тысяч человек легко справился, после чего отплыл, причинив больше вреда своим единоверцам, чем врагу.

Самая запоминающаяся попытка мусульман проучить рыцарей имела место в 1565 году. Султан собрал огромный флот из 185 кораблей, из которых более сотни были королевские галеры, вместившие около 30 тысяч солдат под ко-

мандой Пиали-паши, хорвата, находившегося как бы «на полпути» от Креста к Полумесяцу. Он присоединился к Драгуту перед Мальтой вместе с эскадрой алжирских военных галер.

ЗАВОЕВАННОЕ БЕССМЕРТИЕ

Экспедиция готовилась долго, и у рыцарей имелось достаточно соглада-таев, предупреждавших их, но они не смогли вовремя отправить гонцов за помощью в Европу. Тогда главным магистром ордена являлся 70-летний Жан де ла Валетт, прошедший всю жизнь в братстве, один из тех, кто защищал Родос 43 года назад. Он знал всех «ведущих» корсаров в лицо и по имени. Именно он вел переговоры с Дориа 20 лет назад о выкупе того самого Драгута, который ныне собирался высадить своих ужасных берберов, веря, что последняя глава в истории крестовых походов пишется сейчас кровью их руководителей.

То была одна из великих осад в истории. Целых шесть месяцев турки обстреливали крепость ядрами, пробивая бреши в стенах и выкашивая целые ряды защитников веры, которые не боялись умирать. Целых шесть месяцев рыцари Мальтийского ордена, сильно сократившиеся в численности, вели ответный огонь, совершали безрассудные по смелости вылазки. Их отбрасывали назад, но они дрались, как львы, каждый раз, когда враги проникали на территорию крепости. Исход полностью зависел от прихода испанцев.

Долгое лето тянулось и тянулось, а испанцев все не было. Поражение казалось неизбежным: рыцари не могли больше держаться, а обещанная помощь все не появлялась.

Испанцы так и не пришли, пока все не кончилось, но все-таки именно они, хоть и косвенно, спасли Мальту. В один прекрасный день, когда изнуренные, покалеченные защитники находились буквально на последнем издыхании, турки узнали, что из Испании движется огромный флот. Их охватила паника, они сели на корабли и в спешке отплыли.

Великая осада кончилась, мальтийские рыцари обрели бессмертие. И до сегодняшнего дня память о Великом магистре живет в названии столицы острова, который он так доблестно защищал, — Ла-Валетта!

Одним из тысяч погибших при осаде стал Драгут, сражавшийся до конца, пока турки не побежали.

Несмотря на то что престиж Турции и пострадал на Мальте, флот Османской империи все еще оставался мощной устрашающей силой. В то время Улудж Али, известный в христианском мире как Очиали, странствовал по свету с той же непринужденностью, что и его предшественники. Пиратский налет круто изменил жизнь калабрийца. Парень был угнан в рабство. Изучение ислама, выдающиеся способности и любовь к морю — все это вскоре способствовало тому, что он перебрался с галерной лавки на ют, откуда командовал уже собственным кораблем.

Много лет Очиали служил у Драгута, который доверял ему безгранично. Участвовал он и в осаде Мальты, после чего попался на глаза турецкому султану, который назначил его беглер-беем Алжира вслед за Хасаном, сыном Хейрэддина. Хасан прервал морскую традицию алжирских пашей и придерживался более выгодных мусульманских обычаев — держаться подальше от моря. Очиали же, следуя «заветам Барбароссы», любил море и оставался там, пока позволял климат.

Жан де ла Валетт

Первым его делом после назначения стало повторное занятие Туниса (кроме крепости Голетте) во имя Селима II, который в 1566 году унаследовал трон Сулеймана Великого.

Пиратский уголок побережья Туниса

В июле 1570 года Очиали взял реванш за фиаско на Мальте. Плывая вдоль берегов Сицилии, он вдруг наткнулся на четыре рыцарские галеры. Довольный такой встречей, Очиали дал сигнал к атаке. После кровопролитной схватки три из четырех галер были захвачены, в том числе и флагманский корабль, где находился командующий, Сан-Клеман. 60 рыцарей и братьев ордена были убиты или взяты в плен. Очиали отдал приказ бросить галеры, а сам скрылся с сокровищами.

Гордость рыцарей была задета. Сан-Клеман вернулся на Мальту. Его чуть не растерзала толпа, и только вмешательство великого магистра спасло Сан-Клемана от расправы. В результате он был предан суду, по приговору которого задушен, а его тело в мешке бросили в море.

Поражение, а тем более трусость, члены ордена не прощали никому.

ФЛОТ-МСТИТЕЛЬ

Следующей целью Очиали стал Кипр. Этот остров принадлежал Венеции. Главным промыслом местных жителей являлся морской разбой, который Очиали, кстати, строго-настрога запретил. Кипр служил перевалочным пунктом для христианских корсаров, которые «паслись» на сирийских берегах. Очиали решил сделать Кипр базой своего морского флота в Восточном Средиземноморье, подходящим местом для высадки войск и хранения имущества. После 48-дневной осады Никосия, столица Кипра, пала, и 9 сентября Очиали устремился к Криту, грабя каждый остров, город или селение, что попадались ему на пути.

Али-Паши

Хуан Австрийский

В августе 1571 года Кипр был завоеван, и в конце сентября корсары, соединившись с главным турецким флотом под началом Али-паши, наследника Очиали, бросили якоря в бухте Коринфа, не подозревая, что совсем скоро будут вовлечены в последнюю величайшую морскую битву в истории ислама, повлиявшую на судьбы народов.

Захват Кипра подействовал на христианский мир как никакие другие преступления корсаров. Хотя Венеция не отличалась хорошим отношением к своим братьям по вере, но на этот раз они проявили редкостное единение и договорились преподать туркам такой урок, какого те еще не получали. Папа Пий V благословил поход и призвал всех христиан присоединиться к нему, чтобы победить неверных.

В едином порыве объединились все искатели приключений Европы, были даже англичане, хотя их королеву папа отлучил от церкви в прошлом году. Их представлял доблестный рыцарь сэра Ричард Гренвилл. Официальная поддержка была не столь энергичной. Лишь Испания прислала большой флот под командованием Джованни Андреа Дориа, племянника умершего адмирала. Командование всеми сухопутными силами возложили на 24-летнего Хуана Австрийского, сына Карла V и красавицы Барбары Блумберг, одного из самых романтически настроенных рыцарей XVI века. Скромным участником этой эпопеи оказался и будущий автор «Дон Кихота», Мигель Сервантес, позже поднявший на смех странствующее рыцарство.

Флот-мститель насчитывал 206 галер и 98 тысяч человек. Но даже эта мощная сила действовала со всеми предосторожностями, боясь, что, пока они будут искать основной турецкий флот под командой Али-паши, Очиали ускользнет от них.

Получив данные, что христианский флот наконец вышел в море, турецкие адмиралы бросили якоря в заливе Лепанто.

Битва в заливе Лепанто

Рано утром 2 октября 1571 года оба флота сошлись. Из-за парусов галер не было видно поверхности моря. Джованни Андреа Дориа взметнул белый флаг — сигнал к битве. Перед решающей схваткой рабов усиленно кормили мясом и поили вином — верный признак предстоящей тяжелой работы.

Офицеры союзнических войск хотели собраться у Хуана Австрийского на совет, однако тот отклонил просьбу принять их, заявив, что время для сове-

тов миновало. «Можете не утруждать себя ничем, кроме боя». Переплывая на лодке от галеры к галере и всходя на палубы, он, держа в руках распятие, благословлял солдат и призывал их к мужеству, а те отвечали восторженными криками. Вернувшись на свое судно, Хуан Австрийский развернул священное знамя с изображением спасителя и упал на колени, призывая Господа на помощь.

Около полудня в мертвой тишине флоты стали сходитьсь. Возможности маневрировать не было, так как суда шли бортами к берегу. Начался обстрел, пушки подняли невообразимый грохот. Один корабль таранил другой, весла ломались, словно спички.

Турки дрались, как львы, снова и снова прыгая на борта с ятаганами и мечами, чтобы быть сметенными ураганным мушкетным огнем. Наконец к вечеру сопротивление турок ослабело, и союзные войска одержали полную победу.

В ту октябрьскую ночь 1571 года прекратила свое существование великая Османская морская империя, чтобы уже никогда не возродиться. Еще века африканские корсары продолжали нападать и грабить христиан в Средиземноморье, но то были лишь одиночные вылазки. От сильной морской державы не осталось и следа.

Очиали, уцелевший в битве и бежавший вместе со знаменем, прожил до 1580 года. С ним закончилась династия морских властителей. После него рождалось много корсаров. В XVII веке число морских разбойников значительно превышало то, что было в веке XVI. Вплоть до XIX века продолжалось пиратство в Алжире. Но эти шайки не породили тех личностей, с которыми можно было чего-то достичь.

ВОСХОЖДЕНИЕ МУРАДА

В этих краях действовали рейдеры Мурада

Достаточно значительной фигурой в пиратском мире стал Мурад, набравший силу и при Хейрэддине, и при Очиали. Как и многие люди его круга, он родился христианином у албанских родителей, был взят в плен ребенком и уведен в рабство. Его хозяин, Кара-Али, алжирский корсар, полюбил 12-летнего мальчугана, заменив ему отца. Обнаружив в нем способности, он доверил ему командование галеотом, ибо тот проявлял дарования, не соответствовавшие его годам. В молодости Мурад присутствовал при осаде Мальты, но после случившейся неудачи ему наскучили дисциплина и монотонность морской службы в Османской империи, он бросил флот и пошел искать удачу на собственном корабле. Так и не успев ее найти, Мурад в бурю не удержал корабль, и тот налетел на скалы. Но команду и имущество удалось спасти, и капитан высадил их на островок у побережья Тосканы. Отсюда потерпевших забрали проходившие мимо алжирские суда.

Мурада доставили обратно в Алжир, где он предстал перед разгневанным Кара-Али, который в знак недовольства забрал у него рабов, а самого выгнал прочь. В ответ на это Мурад, у которого все зудело от желания заняться собственным делом, добыл маленький 15-весельный кораблик и затерялся у берегов Испании. Через семь дней он вернулся, ведя на буксире три испанские бригантины со 150 христианами. Этот смелый поступок создал ему выгодную репутацию и так возвысил в глазах патрона, что тот вскоре дал ему новый галеот. Мурад тут же хотел отбыть на нем, чтобы попытать счастья, но попал в поле зрения более старого и опытного корсара — Очиали. Их экспедиция закончилась пленением трех мальтийских галер у берегов Сицилии.

К началу 1578 года Мурад командовал эскадрой галеотов и действовал как полноправный капитан, или рейс. Ничего особенного не происходило. Правда, он задержал герцога Тьерра-Нуову и захватил вице-короля Сицилии. А вот в 1580 году Мурад провернул дело, благодаря которому стал знаменит не меньше Фрэнсиса Дрейка, который в то время как раз возвращался из своей кругосветки.

Покинув Алжир в апреле 1580 года с двумя галеотами, Мурад спокойно курсировал у тосканских берегов, когда вдруг заметил за мысом высокие мачты двух галер, стоявших на якоре. То была собственность его святейшества папы Григория XIII, и одна из галер являлась «Капитанией» — его флагманским кораблем!

Мурада потрясло увиденное, но даже этот столь мужественный человек усомнился в целесообразности атаки на два хорошо вооруженных корабля. Пока он решал, что делать, на его счастье, мимо проходили две алжирские галеры, похожие на его корабли — на веслах и с парусами, и сообразительный корсар нашел способ их использовать. Папские галеры с подозрением отнесутся к четырем неизвестным судам, тогда как парочка покажется им не опаснее рыбацких лодок.

Мурад взял алжирцев на буксир, приказал сложить мачты и следовать к ничего не подозревающим галерам. Сценарий сработал. Папским экипажам не удалось рассмотреть суда, следовавшие на буксире, пока все четыре галеры не взяли их в круг. Офицеры находились на берегу, и команду охватила паника, как только она разглядела белые тюрбаны. После короткого боя обе галеры были захвачены.

Это стало настоящим триумфом для Мурада — галеры ломались от драгоценностей и... христиан. К веслам были прикованы мавританские и турецкие рабы, а также европейцы, которых сослали на галеры за какие-то преступления перед Господом. Мусульманских рабов освободили, а их место заняли экипажи захваченных судов вместе с несчастными христианами, которые сменили тюремщиков, но не тюрьму.

Триумфальные успехи Мурада вызывали сильную ревность среди его единомышленников. Адмирал Алжира Арно Меми вышел в море с 14 галерами, чтобы показать, что сей бизнес вовсе нетруден для настоящих мастеров. Арно исчез на два месяца и после метаний по Средиземноморью вернулся на стоянку с «великолепным» результатом — одним-единственным слепым христианином, плененным на острове Турсия.

КУРС НА КАНАРЫ

Тем временем Мурад-рейс, безразличный к этим спорам, шел своим путем. Через три года после сногшибательного круиза, который на самом деле явился для великого рейса не более чем уик-эндом, он устроил самое яркое представление и сделал то, о чем ни один алжирец даже и не мечтал.

Речь шла о плавании через Гибралтар и смелой экспедиции в Атлантику. До сих пор пираты, пусть даже самые храбрые, предпочитали ходить под парусами вблизи берегов, без нужды не пересекая Средиземноморье...

Мурад вышел из Алжира в 1585 году с тремя боевыми галеотами. Задержавшись в Саллее, знаменитом пиратском гнезде Марокко, которое с недавнего времени стало так же известно, как Бужи в Алжире, он подкрепил свои силы несколькими маленькими бригаantinaми. Объединенная эскадра миновала Гибралтар и преодолела 700 миль океана до Канарских островов, еще неведомых магометанам и открытых европейцами за два века до этого.

У Мурада имелся пленник, который знал курс и стал штурманом. После многодневной тяжелой гребли — паруса поднимали лишь иногда, в поле зрения попали острова. Однако штурман усомнился в правильности своего курса и заявил Мураду, что «боится, что они отклонились и это не Канарские острова». На это Мурад возразил: «Поскольку я никогда не бывал здесь, то будем держаться прежнего курса, любое открытие желательно».

Он оказался прав в выборе маршрута. Вскоре показался остров Лансароте, мирно сияющий в лучах летнего солнца. Завидев берег, пираты опустили мачты, убрали паруса, чтобы остаться невидимыми для островитян. Когда стемнело, они снова пустились в путь. Осторожно подойдя к берегу, Мурад высадил 250 стрелков возле главного поселения острова, что оказалось для местных жителей полной неожиданностью. Они не нашли даже времени для обороны. Поселение было разграблено, и 300 пленников взяты на борт. Сам губернатор, испанский вельможа, укрылся, однако его мать, жена и дочь были взяты в качестве приза.

Утром Мурад выбросил флаг переговоров, чтобы те, кто остался на берегу, внесли выкуп за своих друзей и близких. Первым явился губернатор. Его обрали до нитки, и он забрал семью. Остальные благоразумные жители

поступили так же, и «только самые несчастные и нищие остались в положении униженных».

Не теряя времени, Мурад двинулся в обратный путь, но чуть не лишился всего. Новости о его деяниях шли впереди него, и испанец дон Мартин Падилья попытался перехватить корсаров у Гибралтара.

Мурада вовремя предупредили, чтобы он не наткнулся на Падилью, но он не успевал проскочить пролив до того, как испанцы займут позиции. Прорываться было бесполезно — у испанца имелось 18 кораблей, выстроенных в

Канары называли «счастливыми островами». Но жертвы пиратов их так назвать не могли

линию. Мурад скрывался месяц в маленькой гавани на марокканском побережье, а потом в одну штормовую ночь пробился со своей эскадрой через блокаду и ушел в родные воды.

ВЕЛИКИЙ СТРАТЕГ

Следующее предприятие Мурада состоялось четыре года спустя. На этот раз он вышел в рейд всего с одной галерой. Взяв один или два приза на Корсике, он поплыл на Мальту, где повстречал французское судно, которое вело за собой мальтийскую галеру «Сирена», шедшую в Триполи, перед тем захваченную турками и отбитую французами.

Мурад предусмотрительно притаился за островком, который, как он предполагал, галера непременно будет проходить. Офицеры говорили ему, что он напрасно теряет время, но Мурад, как большинство людей его круга, верил в черную магию, сверился с «Книгой судеб» и вычитал там, что надо выждать еще немного. На следующее утро показалась огромная галера с призом на буксире. «Книга судьбы» подсказала правильно, однако размеры галеры вызвали опасения и были явно не в пользу Мурада: маленький галеот против галеры первого класса. Капитан решил провести совет с командой. Он собрал всех в кружок и произнес речь, закончив ее возвышенно: «Не бойтесь смерти, вы, покинувшие свои дома во имя благосостояния и обновления, отдающие все силы нашему прекрасному пророку Магомету!» Речь имела успех, и корсары тихо приветствовали командира.

В это время мальтийский корабль был уже на подходе, рабы трудились не покладая рук. Рыцари даже собирались скрываться от врага, да и вся команда «Сирены» не предполагала, что одинокий галеот может представлять опасность. Капитан приказал впередсмотрящему доложить, сколько еще кораблей следуют в кильватере. Убедившись, что пират одинок, командир «Сирены» отдал приказ взять корсара в плен.

Но счастье сразу изменило экипажу галеры. Первый же залп с пиратского судна уничтожил весь артиллерийский расчет христиан. Не прошло и получаса, как обезоруженные мальтийцы вынуждены были сдаться.

Невероятно довольный собой, Мурад повернул к Алжиру, а его пленники покорно гребли следом. Когда они шли вдоль африканского берега, Мурад заметил судно некоего альоркского корсара и пошел ему наперерез. Таким соревнованием по перерезанию глоток нельзя было пренебречь. Мурад захватил «коллегу» и заполнил его командой 45 вакансий на лавках гребцов. Пару дней спустя Мурад-рейс триумфально входил в алжирский порт с двумя призами, и «его приход был отмечен выстрелами из всех калибров, а порт украшен разноцветными флажками». Весь город высыпал на набережную встречать своего славного сына, а паша не только выслал ему почетный эскорт янычаров, но и собственную лошадь для доставки в свой дворец.

Мурад закончил свою карьеру алжирским адмиралом. Это звание он получил в 1595 году. Несмотря на свои прямые обязанности, каждый «сезон» он не забывал и о промысле.

После последней схватки Мурад, раненный пятью пулями христиан, вернулся в Алжир. Но от ран умер Мурад или от старости — об этом история умалчивает.

ВИКИНГИ ИЛИ ПИРАТЫ?

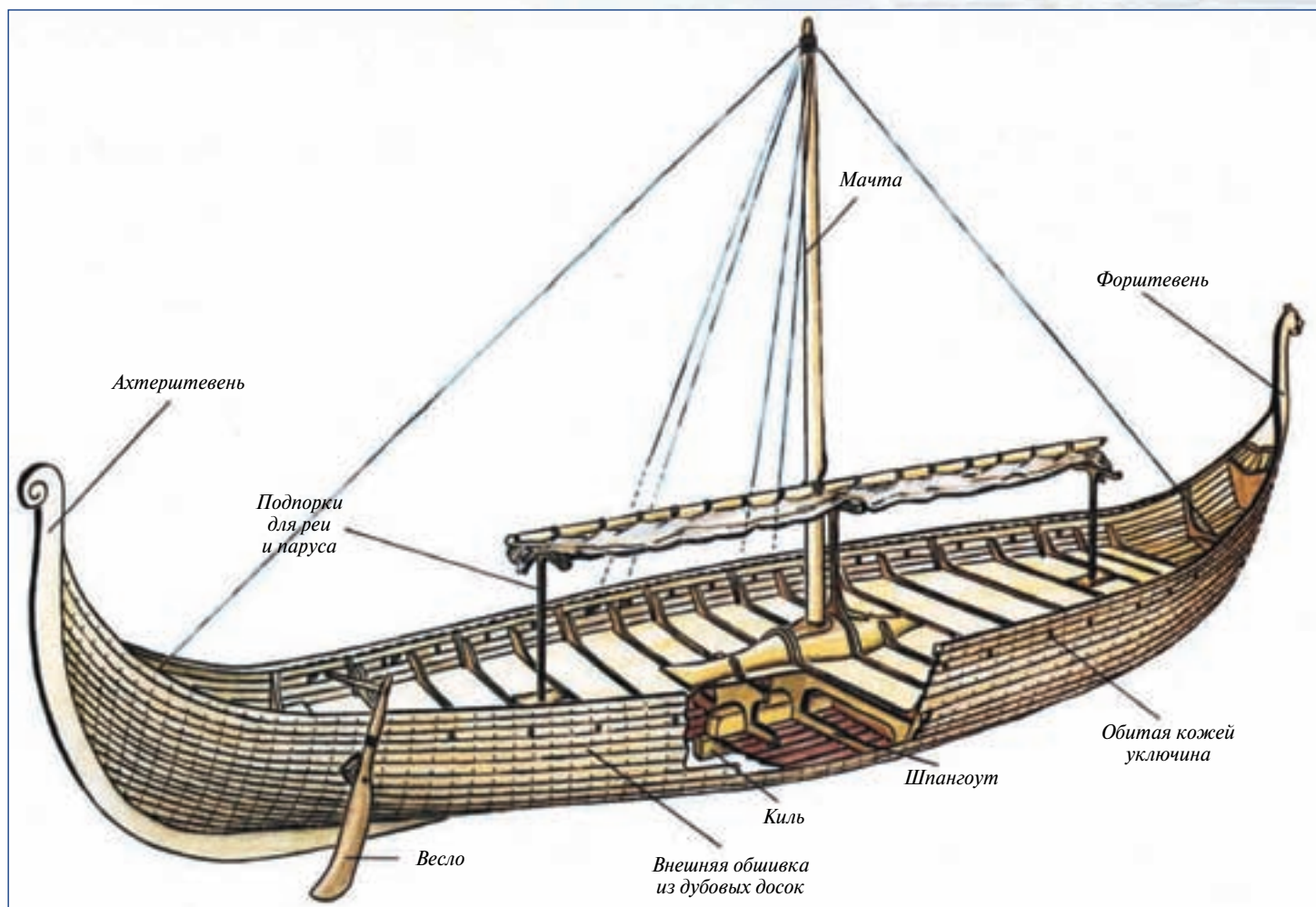

Военный корабль норманнов

Северные морские пираты, больше известные как викинги, появились на побережье Западной Европы в Средние века, достигнув вершины могущества около XII века. Впоследствии их поселения превратились в цепь приморских государств, протянувшуюся с самого дальнего Севера чуть ли не до берегов Северо-Западной Африки.

Слово «викинг» означает «морской разбойник», но эти скандинавские пираты не являлись простыми бандитами, ибо были хорошо организованны и имели кодекс законов, устанавливающих раздел добычи и каравших за дезертирство, измену или воровство. Участие юного скандинава в походе викингов считалось такой же важной частью его образования, как, например, путешествие — для английского джентльмена XVIII века. Буйные и кровавые даже для того жестокого времени, древние скандинавы все же испытывали явное уважение к власти и всегда стремились к колонизации. Они оставили неизгладимый след всюду, где селились, особенно в Нормандии и Англии.

СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ НА ГАЛЕРАХ

Согласно современным представлениям, их корабли не годились для дальних плаваний, однако именно на них викинги совершали путешествия на огромные расстояния не только в Средиземноморье, но даже к берегам Америки за 500 лет до Колумба. Длинные, узкие, с небольшой осадкой суда обычно приводились в движение веслами. Имелась и мачта с большим прямым парусом, который ставился при попутном ветре. Сначала корабли имели не больше десяти весел по каждому борту и команду из 60 человек, сменявших друг друга у весел (позже, на более крупных судах, использовалось 60 гребцов одновременно). В отличие от галер Средиземноморья ладьи викингов несли только свободных людей, каждый из которых являлся отличным, закаленным воином. На бортах корабля висели круглые щиты с эмблемами или гербами их владельцев. Оружием служили дротики, копья, стрелы и мечи, а доспехи состояли из короткой кольчуги.

Впервые викинги появились на британском побережье, согласно хронике, в 789 году. Три корабля подошли к берегу Дорсета и высадили отряд, который убил управляющего портом, разграбил округу и ушел. С тех пор ежегодно случались набеги на Англию, Шотландию и Ирландию, и скоро скандинавы

Норманнский воин в боевом одеянии

обосновались на побережье островов. Отсюда они в любой момент могли броситься на материк и взять все, что хотели: пищу, питье, женщин, монахов. Постепенно викинги завоевали соседние земли, расселились, обзавелись семьями и сформировали независимые общины, главным занятием которых являлось все то же пиратство.

Первая вылазка в Ирландию произошла в 795 году. Тогда викинги захватили остров Лэмби, откуда стали совершать постоянные рейды в страну. Самый могущественный из викингов, Тургезмус, вскоре подчинил себе половину Ирландии. Специально для своей жены он даже основал там знаменитый монастырь. В 845 году Тургезмус погиб в бою, оставив в Ирландии две колонии. К этому времени его пираты уже добрались до Шотландии и разорили все поселения на ее западном побережье.

К середине IX века северяне занялись поисками более богатой добычи, чем могли принести Британские острова. Их взор пал на страны Западной Европы. Они плыли вверх по Шельде, Рейну, Сомме и Сене, а к 912 году заполонили страну, которая получила имя Нормандия. Потомки викингов — норманны — вторично покорили Англию в 1066 году. В это же время был сожжен Гамбург, затем флотилия норвежских кораблей отплыла в Испанию, а оттуда — к берегам Северной Африки. Через три столетия этот край станет убежищем столь же страшного племени — уже известных нам мусульманских корсаров. Продвигаясь на восток, викинги добрались аж до Италии.

До тех пор пока викинги не перешли к оседлому образу жизни, они оставались ночным кошмаром прибрежного населения во всем христианском мире. Даже к тексту церковной литании в те времена прибавлялись слова: «Избавь нас от ужасных норманнов».

«Боже, сохрани нас от ужасных норманнов»

ГАНЗЕЙЦЫ ПРОТИВ КОРСАРОВ

Карта Балтийского моря и Скандинавии, 1662 г.

Ганзейский союз, один из самых могущественных во времена Средневековья, обязан своим возникновением именно страху, который внушали корсары далекого Севера. В 1241 году города Любек и Гамбург объединились, чтобы защищать свои торговые суда от нападений корсаров, подстерегавших их в Северном и Балтийском морях, у входа в германские реки. Постепенно другие свободные города присоединялись к этому союзу, штаб-квартира которого располагалась на острове Готланд.

Дальше начинается долгая история борьбы между окрепшим союзом и пиратами. В конце концов ганзейцы одержали верх, но это стоило им невероятных усилий.

Следуя правилу «подобное лечи подобным», германские купцы и сами нередко прибегали к пиратству. Во второй половине XIV века от него особенно страдали английские торговые суда. В свою очередь и английские корсары стали злейшими врагами германских кораблей. Из письменных документов тех лет трудно понять, как вообще вели дела купцы Северного моря. Вероятно, частично они возмещали свои убытки повышением цен, а частично — грабежом конкурентов. Тайное пиратство позволяло почтенным торговцам сводить концы с концами и даже получать прибыль.

Наибольшую известность приобрели два ганзейских пирата — Тодекинс и Штертебекер. Промышляли они обычно вместе, хотя ведущую роль играл Штертебекер, разорившийся дворянин и горький пьяница (его прозвище в переводе означает «Кубок одним глотком»).

Ганзейский корабль времен виталийских братьев

На таких судах выходили в море ганзейцы

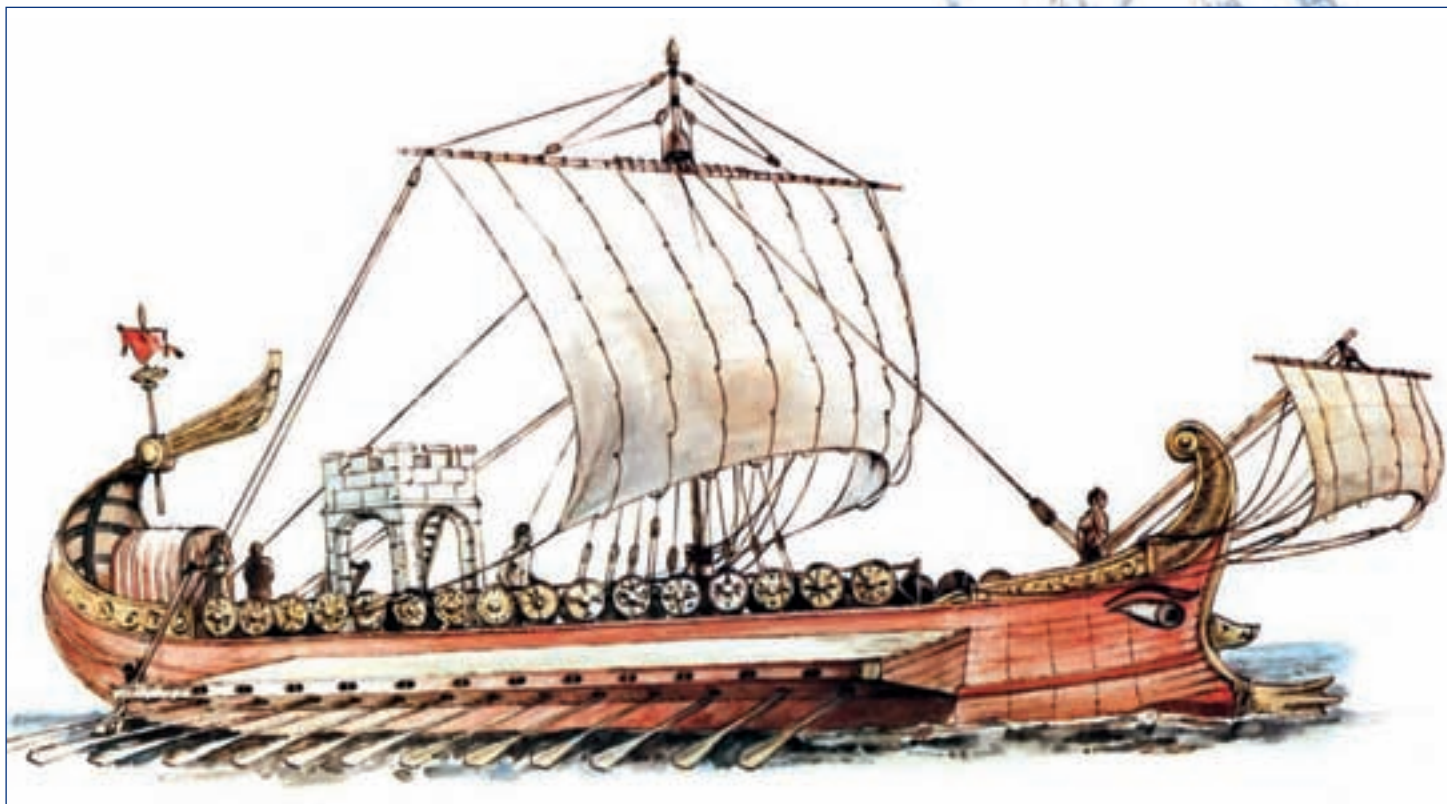
В конце концов парочка отъявленных головорезов выступила против своих нанимателей, чего и следовало ожидать. Ведь «Ганзейский союз» сам проводил опасную политику поощрения морского разбоя, заключая союзы с пиратами во время конфликтов с Данией. Позже ту же недалекость проявляли в отношениях с берберийскими корсарами державы Южной Европы. Объединившись с двумя другими разбойниками — Мальтке и Мантойфелем, Тодекинс и Штертебекер сформировали эскадру, называющую себя «Братья-кормильцы», или «Друзья Бога и Враги Мира». Это братство пополнялось отбросами всех портовых городов Балтийского побережья, становясь с каждым годом все более мощным и опасным. К 1392 году оно стало настолько сильным, что разграбило и сожгло Берген, тогда главный город Норвегии, захватило его богатейших купцов и держало их до получения выкупа. Ни одно торговое судно в Северном или Балтийском морях не могло даже надеяться уйти от пиратов или победить в бою корабль братства. После разграбления Бергена оказались заброшены даже места наибольшего скопления сельди, ибо ни одна рыболовная лодка не осмеливалась выходить в море!

Угроза стала настолько серьезной, что было послано несколько экспедиций, дабы покончить с разбойниками. Первая, снаряженная королевой Швеции при помощи Ричарда II Английского, полностью провалилась. Вторая, отправленная в 1394 году ганзейскими городами, включала 35 кораблей и 3000 солдат, но добилась лишь частичного успеха.

Ганза сумела совладать с собственным творением лишь в 1400 году. В море вышел флот под командованием Симона Утрехтского; на флагманском корабле развевался вымпел с Пятнистой короной (это имя до сих пор носят многие гамбургские суда). В ожесточенном бою адмирал разгромил пиратов. Штертебекер был схвачен, привезен в Гамбург и казнен. В пустотелой мачте его корабля победители обнаружили целую сокровищницу — множество золотых слитков. Их стоимость не только окупала военную экспедицию, но и перекрыла все убытки, нанесенные пиратами гамбургским купцам. Оставшееся золото благодарные ганзейцы употребили для изготовления золотого венца на шпилье церкви св. Николаса в Гамбурге.

В жилах англичан смешалась кровь лучших пиратов раннего Средневековья — викингов, саксов и норманнов. Но еще до появления иноземных захватчиков, чьи корабли пересекали Северное море и Ла-Манш, коренные жители Британских островов приобрели репутацию опытных мореходов и поднаторели в пиратском ремесле, которому впоследствии подарили самых прославленных представителей.

Римская боевая галера

МЕТАМОРФОЗЫ КАРАУЗИУСА, ИЛИ ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ

Именно деятельность неукротимых бриттов, населявших южный Альбион, вызвала вторжение Юлия Цезаря в Британию в 55 году до н. э. Свирепые венеты — пираты Бретани — оказались серьезной помехой завоевателю Галлии, а большая часть их вербовалась за Ла-Маншем. Цезарь понял, что лучший способ подчинить венетов — завоевать бриттов, и последовало вторжение. Этот урок мог бы использовать Филипп II Испанский, который шестнадцатью веками позже тщетно пытался подчинить себе восставшие Нидерланды, поддерживаемые Англией.

Корабли венетов и бриттов имели небольшую осадку. Они строились из дуба, укрепленного железом, а вместо веревочных канатов использовались железные цепи. Хотя они имели и весла, но зависели главным образом от парусов, сделанных из дубленых шкур, а палубы достигали фута⁴ толщиной. В общем, эти маленькие суда были построены так крепко и добротно, что римляне не могли потопить их своим излюбленным способом — тараном. Лишь после того, как Цезарь приказал резать оснастку пиратских кораблей острыми крючьями, прикрепленными к шестам, ему удалось нанести им поражение на море.

⁴ Фут — мера длины; 1 фут равен 30,48 см. (Прим. ред.)

К 43 году н. э. завоевание Англии было завершено, и страна на три века стала частью Римской империи. Но пиратство продолжало процветать даже под имперским владычеством, вопреки суровому римскому законодательству. Это продолжалось до тех пор, пока в 286 году н. э. император Максимилиан не решил навести порядок в Ла-Манше и Ирландском море.

Экспедицию снарядили под руководством Марка Аврелия Караузиуса. Воды, в которых предстояло действовать, были знакомы ему чуть ли не с пеленок. Марк Аврелий быстро очистил север и запад Ла-Манша, разогнав франкских и британских пиратов по их берлогам.

Сам Караузиус родился то ли в Шотландии, то ли в Бельгии — точно не установлено. С ранних лет он ходил на судах лоцманом, приобретя известность как первоклассный моряк. Позже он вступил в римскую армию, где благодаря необычайному таланту и энергии быстро достиг высокого чина. Но такая награда за профессиональные заслуги вскоре начала казаться ему недостаточной. Подобно многим до и после него, Караузиус вошел в соглашение с пиратами, обещав им защиту в обмен на долю в добыче. Имперское правительство разоблачило его и приговорило к смерти.

Получив своевременное предупреждение, он бежал через Ла-Манш в Британию. Здесь Караузиус объявил себя независимым правителем. Его поддерживали римский островной гарнизон и большое количество франкских пиратов. В течение семи лет он являлся кем-то вроде корсарского короля Англии, строя и снаряжая флот, оказавшийся достаточно сильным, чтобы разгромить посланную против него римскую флотилию. Смерть Караузиус нашел в 293 году. Он был убит начальником собственных телохранителей.

ПРЕДТЕЧА МОРСКОГО МОГУЩЕСТВА

Распад Римской империи оставил Англию совершенно неподготовленной и незащищенной от вторжения пиктов, скоттов и целых орд северных пиратов, которые скоро заполнили страну. В течение нескольких столетий после ухода римлян они использовали несчастный остров как неистощимые охотничьи угодья, совершая жестокие налеты на прибрежные селения и города.

Бесчинства и грабежи северных пиратов временно приостановил король Альфред. Жизнь в стране стала относительно спокойной, сильная власть обеспечивала защиту жителей. Более того, в 897 году Альфред приступил к созданию первого английского военно-морского флота. Согласно саксонской хронике, его корабли были нового типа, а некоторые из них, вдвое большие, чем прежние, приводились в движение шестьюдесятью веслами. Альфред издал закон, по которому все норманны объявлялись пиратами, подлежащими в случае поимки немедленной казни без всякого выкупа.

Действенность политики Альфреда проявилась во время царствования его внука, короля Ателстана, который повел английский флот против датчан, напавших на Сэндвич, и разбил их в первом в английской истории настоящем морском сражении. Часть датских кораблей была захвачена, оставшиеся бежали. Датчане вновь приплыли в Англию в 991 году, опустошили побережье Эссекса, встретив лишь слабое сопротивление. Жителям пришлось тогда откупиться десятью тысячами фунтов серебра.

Но скоро датчане вернулись и к 1014 году уже завоевали всю страну.

Король Альфред

Впрочем, новые правители принесли с собой одно несомненное благо — сильный флот, который на долгое время обеспечил стране сравнительную неприкосновенность от других пиратских налетов.

ЛИГА ПЯТИ ПОРТОВ

В эпоху позднего Средневековья, когда Англия заняла важное место среди европейских государств и ее торговля разрослась, пиратство вновь расцвело пышным цветом, особенно в Ла-Манше и прилегающих водах. Ко временам Генриха III опасность, грозившая торговым судам от ирландских, шотландских, уэльских и французских разбойников, была уже настолько велика, что суда редко осмеливались в одиночку покидать гавань. Последовала закономерная реакция — сокращение торговли и рост цен. Развитие флота и энергичная военно-морская политика при Генрихе и его наследниках — Эдуарде I и Эдуарде II — привели к временному ослаблению морского разбоя, но после смерти в 1327 году Эдуарда II, «короля морей», военно-морской флот быстро пришел в упадок, а многие из лучших кораблей были проданы частным владельцам. Все вернулось на прежний уровень. И купцы наконец поняли, что могут рассчитывать лишь на свои собственные силы.

Следуя примеру Ганзы, они решили объединить усилия и воспрепятствовать злу. Так родилась Лига Пяти Портов. Первоначально союз включал в себя пять городов — Гастингс, Ромни, Хаит, Дувр и Сэндвич. Позднее к ним присоединились еще два «древних города» — Уинчелси и Рэй. Лига обязалась защищать от пиратов юго-восточное побережье Англии и поддерживать порядок

на соседних морях. За эти услуги король жаловал городам некоторые привилегии, самой доходной из которых являлось право обыскивать все купеческие суда, кроме английских, проходившие по Ла-Маншу. Нетрудно догадаться, к чему это привело. Капитаны Пяти Портов имели собственное толкование подобного права, и вскоре суда дружественных держав, не исключая и английские суда, начали страдать от «защиты», которую предоставляла Лига. С подобными «законными» пиратами положение в Ла-Манше и даже в Северном море стало еще более скверным, чем до них. Высшие должностные лица городов сами становились главарями разбойников. Так, в 1322 году мэра Уинчелси, Роберт де Баттейл, попросту отобрал у двух шербурских купцов и корабли, и груз.

Множество жалоб ежегодно стекалось в Тайный совет, и вскоре правительство, разочаровавшись в своем алчном детище, прибегло к наказаниям. Например, известно, что в 1435 году Уильям Морфот, член парламента от Уинчелси, испрашивал королевского помилования за побег из тюрьмы Дуврского замка. А причиной заключения «почтенного» парламентария стал морской разбой на корабле с экипажем, набранным из сотни его... избирателей!

Другие города на побережье Англии, естественно, негодовали по поводу привилегий Пяти Портов и той свободы, с которой предоставленные права трактовались заинтересованными лицами. Однажды эта ненависть привела к настоящему сражению между товарищами по оружию. После боя с общим противником эскадра Ярмута атаковала флот Пяти Портов. В результате 25 ярмутских кораблей были сожжены. Взаимные обвинения по этому поводу продолжались почти двести лет. В общем, появление полицейской флотилии в Ла-Манше лишь усугубило плачевное состояние торговых путей.

Самыми бескомпромиссными противниками Лиги Пяти Портов стали города западных графств — Девон и Корнуолл. Поначалу грабежи, совершаемые разбойниками из западных графств, ограничивались соседними городами, деревнями и кораблями, проплывающими близко к их портам. Но, постепенно осмелев, они заплывали все дальше и дальше, пересекая пролив и опустошая побережье Франции. А бретонцы — не такие люди, чтобы спокойно переносить подобное обращение, и очень скоро жителям западных графств пришлось столкнуться с необходимостью оборонять свои жизни и имущество от сильного внешнего врага.

ГРАФИНЯ ИДЕТ НА АБОРДАЖ

Вот одна из самых романтических историй тех времен. Все началось 2 августа 1313 года. Графа Оливье де Клиссона, одного из знатнейших аристократов города Нанта, обвинили в сговоре с Англией, привезли в Париж, где он был обезглавлен. Его голову отослали в Нант, и по тогдашним обычаям, выставили на городской стене в назидание прочим.

Вдова казненного, Жанна де Бельвиль, дама, известная необыкновенной красотой всему королевству, поклялась отомстить за смерть супруга. Она заложила свои поместья, продала драгоценности и обстановку замков, а на вырученные деньги купила и оснастила три прочных корабля. Во главе этой маленькой эскадры графиня Клиссон (под этим именем она вошла в историю пиратства) занялась морским разбоем, уделяя особое внимание побережью Франции. Вдова не щадила никого, кто попадал ей в руки, перерезая глотки, топя корабли, сжигая деревни. В морском бою она всегда первой шла на абордаж. При ней находились два сына-подростка, таких же смелых и свирепых, как мать. Конец графини Клиссон, к сожалению, неизвестен.

Пиратами были не только мужчины

ЗАДОЛГО ДО ДРЕЙКА, ИЛИ ХОЛИ И ПЭЙ

Особенно страдала от нападений французских корсаров торговля Дартмута. И вот в 1399 году купец Джон Холи решился на «смелое предприятие против назойливых негодяев». Он зафрахтовал все корабли, стоящие в Дартмутской гавани, и поплыл к берегам Нормандии и Бретани. Эта частная война купеческих капитанов оказалась удачной для англичан. Холи захватил 34 французских корабля с грузом, среди прочего включающим полторы тысячи бочек вина, которые не преминули открыть по случаю победы. Весь Дартмут «покраснел от сладкого французского вина».

Холи явился типичным примером купца-авантюриста, с успехом сочетавшего пиратское ремесло с торговлей. Он стал очень богатым человеком, а также отличился на государственной службе в качестве заместителя адмирала. Но, даже занимая столь высокий пост, он не забросил своей пиратской деятельности. В 1403 году, собрав эскадру кораблей из Дартмута, Плимута и Бристоля, он вышел в море, вернувшись обратно, разграбив сем генуэзских и испанских галер.

Еще большую известность приобрел выдающийся современник Холи — Гарри Пэй из Пула, во многом предвосхитив методы и взгляды Дрейка. По собственной воле он решил покарать испанцев. В конце XIV — начале XV века Пэй являлся истинным бичом всего Кастильского побережья. Особенную ярость испанцев вызвала совершенная им кража распятия из церкви св. Марии на мысе Финистер.

Время от времени, подобно Дрейку, Пэй конфликтовал с собственным правительством, но всегда ухитрялся выйти сухим из воды, поскольку власти нуждались в его незаурядных мореходных способностях. Получив очередное прощение, он снова гнул свою линию. Так, в 1403 году Пэй служил под командованием адмирала, лорда Томаса Беркли. А в следующем году, как утверждает летопись, он с пятнадцатью кораблями, уже в собственных интересах, захватил 120 французских торговых судов. Пэй являлся героем Пула так же,

как Дрейк — героем Плимута. Когда он возвращался с трофеями, в городе начиналось всенародное ликование.

Как-то раз Пэй вернулся из экспедиции, предпринятой к бретонским берегам, ведя за собой больше сотни трофейных судов (старинные хроники не уточняют, какую долю из них составляли обычные рыбацьи баркасы). «Весь город на радостях предался кутежу, во время которого было открыто множество бочек хорошего портвейна и бочонков бренди... так что едва ли в городе остался хоть один трезвый человек. Несколько дней никто не думал ни о делах, ни о чем-нибудь еще, кроме еды, выпивки и веселья».

Но Пэй, являясь благодетелем родного города, был еще и пиратом. Главные его жертвы — испанцы — еще не стали самой могущественной державой Европы, но это был гордый и мужественный народ. В том самом 1406 году, когда Пэй гонялся за французскими трофеями у берегов Бретани, испанцы под командованием грозного Перо Ниньо обстреляли с моря укрепленный порт Пула, подвергнув его достаточно основательной обработке. После этого некий Филпот, видный гражданин Пула, нанял тысячу человек, посадил их на корабли и послал в море для отмщения. Англичанам удалось захватить пятнадцать испанских торговых судов с грузом, но это стало лишь слабой компенсацией за опустошения, положившие конец торговому значению Пула.

Военное противостояние на море

ДЕЯНИЯ ФАУЭЙСКИХ МОЛОДЦОВ

Трудно представить, что неприметный городок Фауэй когда-то пользовался громкой славой. Однако в XIV, XV и XVI столетиях он был таким же видным среди морских портов Англии, как Пул или Плимут. Джон Лиленд, антиквар, объяснял процветание города «воинской доблестью и предприимчивостью жителей, а также пиратством. Все, кто торговал, быстро богатели, множество судов разных стран теснилось в гавани, и фауэйские корабли заходили во все концы христианского мира». Но ни один из корнуоллских портов, кроме Фауэя, не пользовался такой дурной репутацией. А все из-за пиратских подвигов своих жителей. Здешние моряки, величавшие себя «Фауэйскими молодцами», жгли и опустошали Нормандское побережье уже во времена Эдуарда III. В ходе Столетней войны король был весьма рад их помощи в борьбе против французов. А когда наступал мир, «Фауэйские молодцы» сражались против Лиги Пяти Портов — главного врага и конкурента всех девонских мореплавателей. Однажды, проплывая мимо Уинчелси и Рэя, «молодцы» отказались «почтительно снять шляпы по требованию этих городов». Разгневанные такой дерзостью, союзники кинулись в погоню. Но, как пишет современник, «смелое начало не имело счастливого конца: фауэйцы оказали нападавшим такой суровый прием, что те рады были убраться восвояси, так и не истребовав извинения у своих оскорбителей».

РАСПОЯСАВШИЕСЯ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ УДАЧИ

Карикатура на морскую владычицу Англию

В те времена каждый порт в Западной Англии имел своего пиратского вождя. Тот делал все, что ему вздумается, и всегда в полном согласии с местными лордами и графами. Эксмут мог похвастаться капитаном Уильямом Киддом (это имя возродилось около трех столетий спустя, вероятно, потому, что было самым знаменитым среди пиратов). В Портсмуте хозяйничал Клей Стивен, а в Сент-Айвсе подобных «джентльменов» собралось так много, что перечислить всех едва ли возможно. Их славу поддерживали не только пиратские подвиги, но и неслыханное пьянство и разврат. Всякий раз, когда корабли возвращались из Бристольского залива, в портовых тавернах устраивались грандиозные попойки. Еще многие годы после того, как последний пират Сент-Айвса закончил жизнь на виселице, городские девушки напевали песенку-предостережение, повествующую о соблазнах корнуоллского порта:

*Девы юные, спешите,
Торопитесь, уходите
Из Сент-Айвса лучше прочь —
В чащу, в горы, в дождь иль в ночь.
О, глотните хоть чуток
Ветра свежего глоток.
Сами будете не рады
Всем прельщеньям и усладам,
Всем уловкам моряков
Из портовых кабаков.
Чистым девам не в почет
Пляски ночи напролет,
Их не блазнит злата звон.
Так бегите ж тотчас вон!*

Временами правительства пытались положить конец национальному бедствию. Однако, как правило, их старания перечеркивали местные землевладельцы. Практически все сквайры Западной Англии, жившие близ побережья, приложили руку к пиратским делам. Облеченные судебной властью, они издавна получали щедрые проценты с тех самых лиц, против которых, по букве закона, следовало назначить расследование по подозрению в пиратстве. Было бы крайне странно, если бы лорды стали отправлять на виселицу таких выгодных компаньонов. К тому же во время почти непрерывных войн XIV и XV столетий пираты являлись лучшими моряками среди всех, имевшихся в распоряжении английского командования.

Генрих V добился определенных успехов, заключив весьма разумный договор с Францией и Испанией, по которому стороны обязывались не использовать услуги корсаров и бороться с ними совместными усилиями. Согласно договору, ни одному вооруженному кораблю не разрешалось покидать порт без надлежащей лицензии и внесения каким-либо поручителем крупного денежного залога за достойное поведение капитана. Чтобы усилить действенность этих мер, Генрих издал суровые законы, карающие за морской разбой, и начал раздавать пропускные охранные свидетельства торговым судам. Все эти меры привели к незначительным улучшениям, но за двадцать лет королевский

Генрих VIII

военно-морской флот снова пришел в упадок, и купцы опять были вынуждены возмещать свои убытки либо силой, либо хитростью.

В период правления Генриха VI (1422–1461) бедствие достигло невиданных масштабов. Английские пираты грабили корабли соотечественников без всяких сомнений или угрызений совести. Положение стало настолько скверным, что море — естественный и в обычное время самый дешевый путь торговых перевозок — оказалось почти недоступным. Теперь уже товары из Лондона в Венецию было выгоднее отправлять сухопутным путем, вверх по Рейну и далее через Альпы. Дороговизна морских перевозок обуславливалась огромной стоимостью защиты от пиратов. Один венецианский капитан, который отважился идти морским путем, сообщил по прибытии в Лондон, что он взял на борт полсотни солдат и двадцать два канонира из страха перед неминуемым нападением. Предосторожность оказалась не лишней, так как в пути ему пришлось отбиваться от норманнских пиратов.

Во времена царствования Генриха VII (1457–1509) был изобретен новый метод, который, как надеялись, остановит пиратов, но в действительности это только ухудшило положение. Мы говорим о выпуске каперских свидетельств, которые широко использовались в течение нескольких веков. Эти грамоты давали купцам право собственноручно возмещать убытки. Например, если английский купец был ограблен французским пиратом и потерпел ущерб на сумму 500 фунтов, то правительство обеспечивало его грамотой, разрешающей отобрать товары на такую же сумму у любого встреченного французского судна. Ясно, что подобный закон принес лишь новые беды. Ярким примером этого служит история шотландского купца Эндрю Бартона, ставшего пиратом и... народным героем.

Заявив, что его отца много лет назад ограбили португальцы, он получил от короля Шотландии Якова IV грамоту, дававшую ему право взять реванш. Заручившись этим документом, Бартон снарядил два мощных корабля — «Лев» и «Дженнет Первин» — и отплыл к фламандскому побережью. Здесь он принялся грабить суда всех стран, включая и английские. Вскоре негодующие лондонские купцы подняли шум, и король Генрих VIII послал двух сыновей графа Суррея, чтобы покарать негодяя. В ожесточенном сражении шотландские пираты были разбиты, а Бартон погиб в бою. Его корабли отвели в Блеквелл и включили в состав английского военно-морского флота.

Шло время. Корабли становились все крупнее, британские моряки — все смелее и искуснее, морские путешествия — все дальше. Но самыми лучшими мореходами оставались пираты, и это признавали их современники. Морской разбой, сражения и грабежи губили торговлю, но в то же время выковали поколение замечательных мореплавателей, которые, пиратами они были или нет, делят с королевой Елизаветой славу той эпохи.

РАБСТВО И ВЫКУП

Торговля рабами во все времена являлась стимулом и наградой для любого средиземноморского пирата. Она достигла невероятных размеров. В Алжире, Тунисе и Триполи даже были сформированы специальные компании для финансирования кораблей, которые выходили в море только за тем, чтобы привезти живой товар. Не существует никаких численных данных, но едва ли найдется хоть один год, в который тысячи европейцев не исчезли бы в утробе жестокого промысла. Только в Алжире в 1634 году имелось 25 000 христианских рабов. И это не считая 8000 христиан, обращенных в магометанство.

На невольничьем корабле

ЖИВОЙ ТОВАР ПО РАЗНАРЯДКЕ

Когда пленников доставляли в порт, их отправляли в хорошо укрепленную подземную тюрьму. Там несчастных опрашивали переводчики, выясняя имя каждого заключенного, страну, где он родился, и род занятий. При наличии богатых родственников определяли сумму выкупа и оставляли его в покое до тех пор, пока дело не улаживалось. Других поспешно отправляли на большой невольничий рынок, где людей выставляли на аукцион подобно скоту. Обычно покупателем становился посредник, который затем сдавал рабов внаем.

Иногда с рабами обращались с дьявольской жестокостью, но, если не считать галер и общественных работ — самая ужасная участь, ожидавшая несчастных, это являлось скорее исключением, нежели правилом. Турецкий или мавританский рабовладелец смотрел на своего христианского невольника не как на преступника (хотя считал его неверным и называл собакой), а как на скотину, вроде лошади, которая будет лучше работать, если кормить и ухаживать за ней. В этом магометане довольно сильно отличались от

христиан, для которых мусульманские пленники были еретиками и подвергались соответствующему обращению.

Судьба невыкупленных пленников была различна. Если они являлись искусными мастерами или людьми с ценной профессией, то пользовались огромным спросом. Это особенно касалось врачей, с которыми обращались весьма уважительно, хотя из-за важности оказываемых ими услуг, владельцы крайне неохотно соглашались на их освобождение, даже за выкуп. Другие обращались в ислам. Этим они спасались от рабства, но навсегда лишались христианского общества. Вероотступники обладали определенной свободой и иногда добивались важных постов при турецких правителях. Отбросы же европейских портов надевали тюрбан, видя в нем лишь средство вернуться к пиратству.

Но большинство пленных-рабов умирали из-за крайне напряженного физического труда. Мавры являлись неутомимыми строителями, и в любом берберийском городе можно было видеть закованных в кандалы христиан, дробящих камень, ведущих земляные работы, строящих дома, крепости и порты. О судьбе пленных женщин легко догадаться. Молодые исчезали в гаремах, старые же попадали в богатые дома в качестве прислуги.

«ЖИЗНЬ» НА ГАЛЕРЕ

Но самая худшая участь ждала галерного раба. Человека, как правило непривычного к физическому труду, приковывали к веслу бок о бок с четырьмя, пятью или шестью такими же несчастными. Дневным рационом служили несколько галет, иногда с глотком жидкой каши, а для питья — вода с уксусом. Труд же галерного раба лежал за пределами человеческой выносливости. Между двумя рядами гребцов пролегал помост, по которому прохаживались надсмотрщики с длинными хлыстами, то и дело обрушивая их на обнаженные спины недостаточно поворотливых или уставших.

Вот два свидетельства, оставленных очевидцами. Один из них изведал жизнь гребца на собственной шкуре, другой судил со стороны.

Сообщение, датированное 1707 годом, принадлежит Жану Мартейлю де Бержеру.

«Представьте себе 6 человек, прикованных к одной скамье, совершенно обнаженных. Руки сжимают непомерно тяжелое весло (около 5 метров длиной). Все сидят лицом к корме. Напрягая последние силы, они толкают конец весла вперед и вверх; затем, откидываясь назад, тянут его на себя. Часто гребцы работают без перерыва по 10—20 часов, не имея ни минуты отдыха. Бывает, что боцман или другой моряк, сжалившись, кладет в рот несчастному кусок хлеба, намоченного в вине, чтобы предотвратить обморок. Капитан приказывает не жалеть плетей. Если раб, обессилев, падает на весло (что случается часто), его забивают до смерти, после чего выбрасывают в море».

Второе описание принадлежит анонимному свидетелю.

«Кто не был на галере, особенно во время погони или бегства, тот не сможет представить зрелище, которое потрясает любое сердце, способное к состраданию. Перед вами ряды полуголых, голодных, обожженных солнцем тощих бедняг, прикованных к доске, откуда они не сходят по нескольку месяцев (обычно полгода). Под непрерывными ударами бича, в нечеловеческом напряжении, день за днем они надрываются на самой изнуряющей работе, какую только можно себе представить. Особенно ужасна их участь во время погони, когда одна сторона, подобно хищному стервятнику, торопится за своей добычей, а более слабая спешит прочь в надежде сохранить жизнь и свободу».

Многовесельная галера

Галера, движимая рабами

Эти отрывки написаны европейцами — политическими и религиозными врагами ислама. Но, судя по имеющимся данным, не более гуманным было обращение с рабами и на христианских галерах. Сохранилась история о мавре, который был прикован к испанскому веслу. Почувствовав, что не вынесет этой работы, он от отчаяния отрубил себе левую руку, надеясь, что теперь хозяева

волей-неволей дадут ему какое-нибудь иное занятие. Однако добился лишь того, что культю левой руки вновь приковали к веслу — на этот раз с помощью особого крепления, а надсмотрщики стали уделять ему повышенное внимание. Со временем слух о нем дошел до алжирского дэя, который известил испанского резидента, что он не обменяет больше ни одного пленника до тех пор, пока не будет выдан однорукий гребец.

Но никакие описания не могут сравниться с рассказами самих несчастных. Мы находим их в письмах, тайно переправленных домой, или в дневниках, впоследствии опубликованных сбежавшими или выкупленными рабами. Письмо Томаса Свита — лишь одно из множества жалобных воззваний, постоянно приходивших в Европу. Оно так типично и трогательно, что приводится здесь полностью.

«Дорогие друзья.

Прошло уже около шести лет с тех пор, как я, на мою беду, захваченный янычарами на берберийском побережье, являюсь пленником в Алжире. За это время я неоднократно писал в Лондон — мистеру Саутвуду Ричарду Барнарду с Дакс-плейс, Ричарду Кугу из Бэнксайда и мистеру Лингеру, галантейщику в Крукед-лэйн. В свое послание м-ру Саутвуду я вложил письмо для отца, если он жив, и другие письма — моим братьям и друзьям. Мне никто не ответил, и это заставляет думать, что либо письма не дошли, либо все скончались, либо переехали в другие места. Я знаю, что столь добрые христиане, как вы, не оставили бы меня в нынешнем положении. О друзья мои, я снова повторяю вам, что я — несчастный пленник в Алжире. Мой хозяин — некий барон, французский вероотступник. Сам он живет за городом, но сдает меня и другого протестантского пленника, м-ра Ричарда Робинсона из Норфолка, внаем в Алжире. Возможно, нас увезут из города, и в этом случае вам уже никогда не доведется услышать о нас. Вся наша беда в непомерной величине назначенного выкупа — двести пятьдесят фунтов стерлингов. М-р Робинсон также писал своим друзьям, но не получил ответа. Мы так глубоко привязались друг к другу, что просили своих родных и близких заняться нами обоими.

Ах, отец, брат, друзья и знакомые, постарайтесь найти какие-нибудь пути и добыть денег для выкупа. Многие сотни рабов освободились с тех пор, как мы попали сюда, и это вселяло в нас надежду, что мы можем быть следующими, потом опять следующими, но пока что все надежды оставались обманутыми. Мы умоляем вас, ради Господа Христа, употребите все возможные средства к нашему освобождению. В Англии есть благотворительное общество, известное добрыми делами по всему христианскому миру. Отправьте наши адреса этим благородным людям — во имя Христа, ради которого мы страдаем. Никогда прежде мы так хорошо не понимали значения того псалма, написанного евреями в вавилонском плену: «Увод Вавилона мы сидим и плачем, когда вспоминаем тебя, о Сион». Так же и мы вспоминаем тебя, о Англия. О добрые друзья, мы надеемся, что эти вздохи дойдут до ваших ушей и вызовут жалость и сострадание.

Нам рассказали, что в Лондоне живет торговец, некто мистер Стеннер из Сент-Мэри-Экс; он или его агенты могут указать вам скорейший путь для нашего выкупа. Не отказывайте

нам хотя бы в своих молитвах, если уж не можете сделать ничего большего. Было бы таким утешением получить весточку от друзей. Лондонская почта переправляет письма во все части света, и вы можете, если захотите, дать нам знать о себе в течение месяца или шести недель. Пусть Господь направит ваши мысли по пути милосердия и укрепит наши веру и терпение.

*Ваш достойный жалости друг и брат во Христе
Томас Свит, Берберия, 29 сентября 1646 года».*

К сожалению, ни один список выкупленных рабов не содержит имен Томаса Свита и Ричарда Робинсона. Вероятно, их, как они и боялись, отправили в глубь страны, откуда не возвращался ни один раб.

ОДИССЕЯ МИСТЕРА ОКЛИ

Несмотря на строгую охрану, некоторым рабам удавалось бежать. Истории этих побегов всегда являются цепью невероятнейших приключений.

Одно из таких повествований — небольшая книжка, изданная в 1675 году. Она озаглавлена: «Эбenezер, или Небольшой памятник Великому Милосердию, написанный мною, Уильямом Окли». Автор предваряет свой рассказ длинным аллегорическим стихотворением, начинающимся словами: «Сей автор никогда не печатался прежде и (приятно это или нет) никогда не будет впредь».

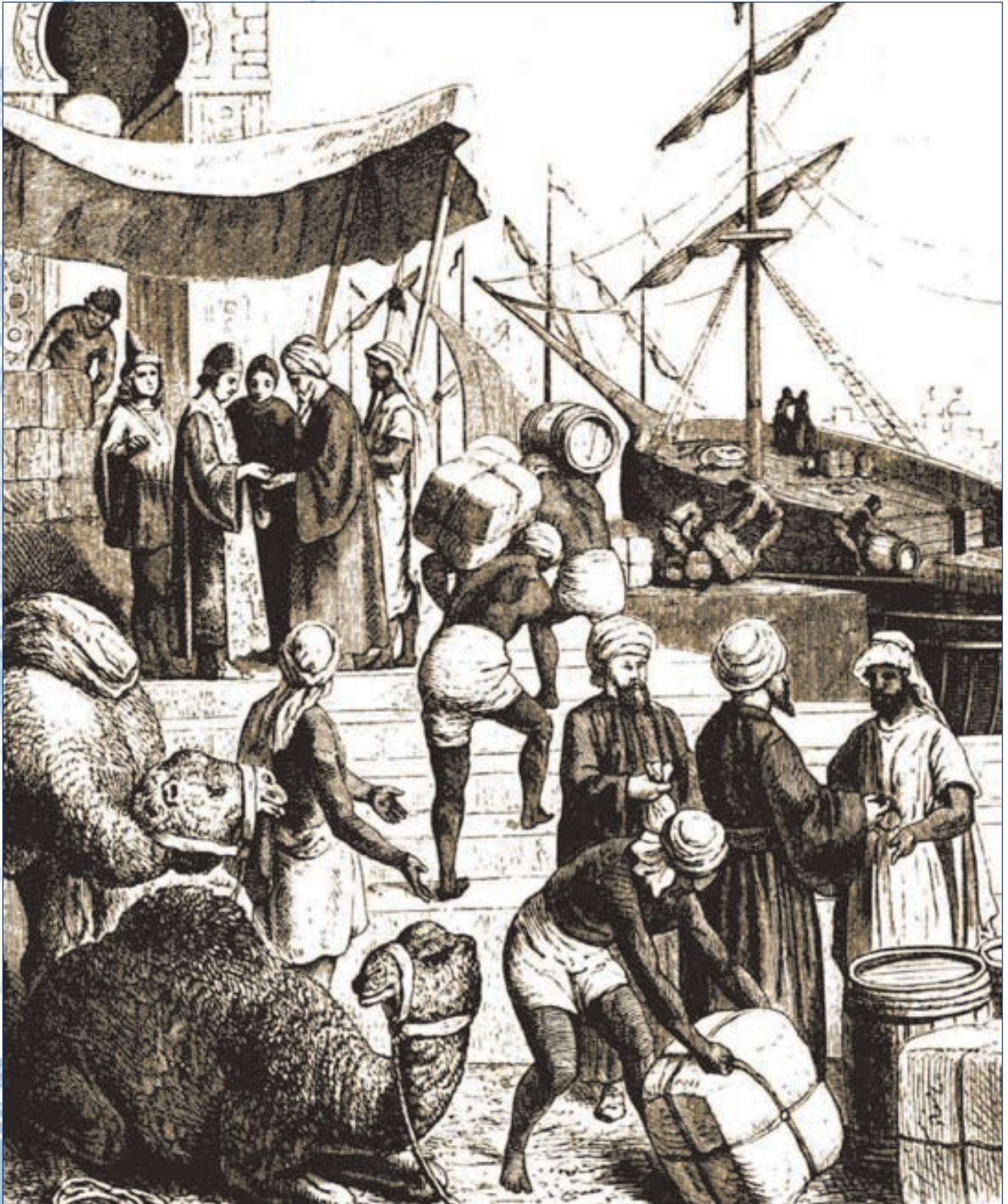
Впрочем, надо признать, что м-р Окли излагает свой рассказ весьма профессионально. Это произошло в июне 1638 года, когда «Мери» покинула порт, направляясь к острову Нью-Провиденс в Вест-Индии. Судно было вооружено шестью пушками. Груз состоял из холста и сукна, на борту находилось шестьдесят человек, включая пассажиров. Начало путешествия складывалось неблагоприятно. В течение пяти недель «Мери» простояла в Даунсе, пережидая непогоду. Возле острова Уайт обнаружилось, что «все наше пиво прокисло, нам пришлось вылить его за борт и взять уксус, чтобы мешать его с водой во время плавания». Затем произошла новая неприятность: «Мери» села на мель, и лишь с огромным трудом команде удалось вывести корабль на глубоководье. «Эти обстоятельства, — замечает автор, — казавшиеся случайными помехами, в действительности являлись указаниями свыше, предвещавшими нам в будущем великие беды».

Ради большей безопасности «Мери» продолжила плавание, объединившись с двумя другими торговыми судами. Но даже эта предосторожность не помогла. Через неделю путешественники встретили три алжирских военных корабля. После короткого яростного боя, потеряв убитыми несколько человек, англичане попали в плен. Пять недель их продержали взаперти в трюме, пока пираты курсировали в поисках новой добычи. За это время Окли научился немного говорить по-арабски, предвидя, что его умение сможет пригодиться впоследствии.

Прибыв в Алжир, всех пленников отправили на невольничий рынок, где их «рассортировали» и выставили на продажу. Самую высокую цену назначили за сильных молодых мужчин с крепкими зубами. Особое внимание уделялось

Вест-Индия, 1636

Перед отправкой

рукам: загрубелые, мозолистые ладони указывали, что новый раб привычен к тяжелой работе. Но не меньшим спросом пользовались и обладатели мягких холеных рук, поскольку, скорее всего, являлись родственниками богачей, которые не пожалеют денег на выкуп.

Окли купил мавританский судовладелец. Поначалу хозяин использовал его для кузнечных работ, а затем отправил в пиратский рейд на одном из своих кораблей. Англичанин энергично протестовал, но тщетно. После неудачного плавания хозяин отпустил его на оброк, велел найти какое-нибудь ремесло. Сумма оброка составляла 2 динара в месяц.

Поразмыслив, Окли открыл маленькую лавку, где продавал табак и вино. Вскоре дело начало разрастаться, и он взял помощника — другого невольника, Джона Рэндела, бывшего перчаточника. Рэндел, чьи жена и ребенок находились в плену вместе с ним, начал шить парусиновую одежду, которую охотно покупали.

Прошло четыре года, и Окли заметил, что он, как и другие рабы, привык к неволе. «Мы почти забыли свободу, глупели, становясь бесчувственными к своему рабству; мы склонились под своим бременем, покорно подставляя спины и плечи».

Пленнику особенно не хватало религиозного утешения. Но вскоре он обрел его, благодаря присутствию достопочтенного Деверью Спратта, в прошлом — английского священника, а ныне — такого же раба. «Трижды в неделю этот благочестивый, мирный слуга Господа Иисуса Христа молился с нами и проповедовал нам Слово Божье; наши встречи происходили в подвале, который я снимал. Эти собрания посещали иногда по тридцать-сорок человек, и ни турки, ни мавры никогда не чинили нам каких-либо помех».

После нескольких неудачных плаваний хозяин Окли разорился, и его рабы сменили владельцев. Окли купил «серьезный старый джентльмен», который обращался с ним с жалостью и добротой, почти как с родным сыном. Он оказался таким добродушным, что впервые за все время алжирской неволи Окли почувствовал себя счастливым. Но, несмотря на доброту нового хозяина, он по-прежнему жаждал свободы и строил планы побега, беспокоясь, не станет ли это откровенным воровством — удрать со службы человеку, «который купил меня, заплатив немалые деньги, и законно владел мной, как своим собственным имуществом. Теперь я не принадлежал себе, не имел никаких прав на себя». Наконец Окли решил, что «право собственности моего хозяина безнравственно в самой своей основе. Человек слишком благородное создание, чтобы делать его объектом купли-продажи, да и моего согласия ни разу не спрашивали во время всех этих сделок».

Придя к такому выводу, Окли приступил к делу. Среди рабов нашлось еще несколько человек, готовых рискнуть и присоединиться к побегу. Заручившись согласием и благословением преподобного Спратта, они начали изготавливать парусиновую лодку. Как пишет Окли, все рабы надеялись, что «по милости Божественного Провидения, эта лодка станет ковчегом, который избавит нас от наших врагов».

Мастерскую оборудовали в том самом подвале, где проходили церковные службы. Через некоторое время невольники соорудили разборный каркас, по размерам которого выкроили и тщательно просмолили куски парусиновой обшивки. Готовые части конструкции из подвала выносил один из рабов, исполнявший обязанности прачки. Он каждый день забирал какой-нибудь кусок, скрыв его под грудой отданной в стирку одежды, и прятал недалеко от моря, в живой изгороди.

Наконец, выбрав темную ночь, семеро англичан встретились в назначенном месте, быстро собрали лодку, спустили ее на воду и, к своему огромному облегчению, убедились, что она держится на плаву. Но вскоре последовало разочарование — парусиновая посудина могла взять лишь пятерых человек, и двоим пришлось, простившись с друзьями, остаться на берегу. Беглецы разместились в лодке, и плавание началось. Четверо гребли изо всех сил, а пятый, не переставая, вычерпывал воду. Когда рассвело, они, к своему ужасу, увидели, что все еще находятся в поле зрения стоящих в гавани кораблей. К счастью, их не заметили.

Они гребли трое суток. Кончился хлеб, питьевая вода была на исходе. К четвертому дню — дело происходило в июле, поэтому солнце палило нещадно — беглецы обессилели. Но судьба сжалась над ними, послав добычу — большую морскую черепаху, заснувшую на волнах. Они выпили ее кровь и съели мясо. Силы вернулись, и люди снова взялись за весла. Где-то впереди лежала Мальорка — там они обретут долгожданную свободу.

Наконец, на шестой день вдали показалась суша, вид которой вдохновил их грести еще усерднее. Но прошли сутки, прежде чем полумертвые беглецы ступили на берег острова. Власти Мальорки отнеслись к несчастным с участием и заботой, накормили, одели и затем отправили в Кадис на одной из галер короля Испании. Здесь они нашли английское судно, на котором и вернулись домой, ступив на родной берег в сентябре 1644 года.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ИСХОД, ИЛИ КВАКЕРЫ ПРОТИВ ТУРОК

Как мы помним, Окли, готовясь к побегу, испытывал сомнения нравственного порядка. Но имеется еще более удивительная история, также связанная с моральными принципами людей, подвергшихся нападению пиратов, причем речь пойдет о целой команде. Отчет об этом замечательном происшествии содержится в брошюре одного из моряков, Томаса Лартинга, которая озаглавлена: «Боевой моряк, ставший миролюбивым христианином».

В августе 1663 года Лартинг шел в качестве первого помощника на английском кече (небольшом двухмачтовом судне). Они держали путь из Венеции в Лондон. Капитан, помощник и вся команда являлись квакерами (миролюбивая христианская община) и в соответствии со своими убеждениями не имели на борту никакого оружия. Пираты в то время проявляли необыкновенную активность, но капитан отказался прислушаться к предложению команды и дожидаться конвоя. Кеч вышел в море, но едва скрылись вдали берега Мальорки, как за англичанами погналось алжирское судно. После недолгой погони их взяли на abordаж. Восемь турок поднялись на борт кеча, чтобы отвести его и английских пленников в Алжир. «Пока все это происходило, — пишет Лартинг, — я был в большом душевном смятении. Но когда я подошел к борту, чтобы посмотреть, как поднимаются турки, слово Господа прозвучало во мне: «Не бойся ничего, ты не попадешь в Алжир»». После этого Лартинг забыл весь свой страх и встретил турок так, будто он принимал друзей, а те оказались столь же вежливы с ними. Это был первый сюрприз для пиратов.

Казнь непокорного раба

Затем любезный Лартинг повел своих визитеров по судну, давая объяснения по поводу груза. Попутно он сумел убедить всех своих товарищей в необходимости любезного и дружелюбного обращения с захватчиками, поскольку не сомневался, что найдет путь к спасению. Турки, восхищенные гостеприимством и покорностью англичан, удалились в кают-компанию отдохнуть и поспать, предоставив неверным вести корабль. Теперь Лартинг объяснил все еще недоумевающей команде свой план, заключающийся в том, чтобы разом наброситься на разомлевших пиратов, запереть их и убежать с судном. Моряки охотно согласились. Более того, один простодушный матрос, забыв на мгновение о своих квакерских принципах, заявил: «Я убью одного или двух», а другой предложил «перерезать глотки стольким из них, скольким вы прикажете». Это так возмутило благочестивого Лартинга, что он пригрозил, в случае, если услышит еще хоть слово об убийстве или перерезании горла, сообщить обо всем туркам.

В конце концов после долгой дискуссии все пираты были схвачены и связаны. Англичане снова стали хозяевами своего корабля. На этом вся история могла бы закончиться, но Лартинг считал, что истинным христианам — и добрым квакерам — надлежит освободить турок. Команда предлагала высадить их поблизости от Мальорки. Лартинг даже не желал слышать о таком варианте, ибо здесь турок могли бы схватить и продать в рабство испанцы. Он предложил доставить пленных в их собственную страну.

На первый взгляд это выглядело простым делом, но на практике не являлось таковым. Кеч приблизился к алжирскому берегу, и тут встал вопрос: как высадить турок на берег и при этом избежать повторного пленения? Начались споры и жаркие молитвы. Благочестивые моряки обращались к Господу, моля вразумить их для решения головоломной задачи — доставить турок в лодке, управляемой тремя христианами. Все это напоминало одну из известных загадок, в которых, что бы все ни делали, в тот или иной момент в лодке оказывается больше черных, чем белых. Наконец, было решено перевезти всех магометан за один рейс. Лартинг отказался от предложения — связать всех пленников, заявив, что это значило бы «лишь понапрасну разозлить их». Хитроумный помощник поступил так: разместил турок в шлюпке на коленях друг

у друга, «в два слоя». Два моряка взяли по веслу, а еще один сел на нос, для вида вооружившись плотницким топором. Сам Лартинг правил, держа румпель в одной руке, багор — в другой. У его ног лежало сваленное в кучу оружие турок. Вверившись Господу, они отчалили.

Путь до берега оказался неблизким, а плавание еще и затягивалось из-за нервного состояния матросов. Они то и дело оборачивались, уверяя, что видят головы в тюрбанах, высывающиеся из-за скал. Наконец, после всех споров и страхов, лодка подошла к берегу и пленников высадили. Им бросили их оружие и несколько караваев хлеба. Турки, пораженные такой добротой (а может, имея дурные намерения), горячо приглашали матросов пойти с ними в соседний город, где можно получить вино и другие блага. Осторожный Лартинг отказался. «Мы распрощались в великой любви и оставались у берега до тех пор, пока турки не скрылись за холмом. Они помахали нам, а мы — им».

Затем лодку направили обратно к кораблю, и, «как только мы оказались на борту, поднялся попутный ветер, которого не было ни пока турки оставались на судне, ни за много дней до того». Подобная награда за добрый поступок продолжалась до тех пор, пока англичане не бросили якорь в Темзе.

Известие о доблестных моряках быстро распространилось по Лондону, и целые толпы приходили послушать их рассказы и просто поглядеть на «квакеров, которые были захвачены турками и вернули себе свободу, не имея ни единой пушки». Даже король Карл II и его брат, герцог Йоркский, приехали из Гринвича в сопровождении многих лордов, чтобы увидеть столь необычное зрелище. Король задал множество вопросов о своих военных кораблях в Средиземноморье, но Лартинг ответил с истинно квакерской прямоотой: «Мы не видели ни одного из них», чем весьма опечалил монарха и его брата-адмирала.

ХРАБРЫЙ ИДАЛЬГО

Временами случались отчаянные попытки массовых побегов из неволи, которые редко заканчивались успешно. Настигнутых беглецов ждала ужасная кара. Чтобы убежать, надо было соблюдать строгую конспирацию, далее следовал подкуп или устранение охраны, захват корабля в гавани и состязание в скорости с преследователями до дружественного порта. Но дошедшие до нас подобные успешные примеры крайне редки.

Самые большие надежды невольники возлагали на возможность выкупа друзьями или своим правительством. Иногда происходил обмен пленниками.

Мигель де Сервантес, известный всему миру писатель, предпринял ряд дерзких попыток побега, но смог освободиться лишь путем выкупа.

Мигель де Сервантес

Монета в 4 эскудо, 1661 г.

Бессмертный испанец уже отслужил под командованием дона Хуана Австрийского, потеряв руку в бою у Лепанто. Два года спустя он участвовал в захвате Туниса.

26 сентября 1575 года, когда Мигель со своим братом Родриго возвращался из Неаполя в Испанию, корабль атаковали несколько корсарских галер под командованием албанского ренегата Меми, и оба Сервантеса попали в плен. В Алжире Мигеля де Сервантеса продали греку-вероотступнику, который обнаружил у своего нового невольника рекомендательное письмо от самого дона Хуана Австрийского! Ведь губернатор Нидерландов дон Хуан являлся одним из знатнейших вельмож Европы. Грек заключил, что совершил чрезвычайно выгодную сделку, и потребовал огромный выкуп. Но это не помешало ему заковать в кандалы будущего автора «Дон Кихота» и обращаться с ним крайне сурово.

Деятельный Сервантес с трудом переносил неволю, постоянно замышляя планы побега. С каждым провалом надзор за ним становился все строже. Одна из попыток почти удалась. Сервантес спрятал около пятидесяти беглецов, главным образом испанских дворян, в береговой пещере и умудрялся снабжать их пищей в течение шести месяцев. Тем временем он договорился со своим братом, которого по прошествии двух лет выкупил их отец, что за обитателями пещеры будет прислан корабль. Корабль прибыл, но в решающий миг турки подняли тревогу, и побег сорвался. Сервантес мужественно взял всю вину на себя, отказавшись назвать сообщников. Его допрашивал сам вице-король, свирепый Хассан. Он угрожал испанцу всеми мыслимыми пытками, но не смог вытянуть из него ни слова. На Хассана мужество пленника произвело огромное впечатление, и вместо казни он купил его у грека за 500 золотых эскудо.

Впоследствии Сервантес совершил еще одну попытку бегства, но в последний момент его выдал доминиканский монах. И лишь по прошествии пяти лет, когда пленнику предстоял отъезд в Константинополь, куда был вызван Хассан, святой отец Хуан Жиль прибыл в Алжир с выкупом, и Мигель получил свободу. Даже старый Морган Алжирский, ненавистник всех папистов и испанцев, признавал, что Сервантес являлся «храбрым, предприимчивым рыцарем». Не будь он столь отважен, пять лет мавританского плена надломили бы его дух, и мир лишился бы великого писателя.

РАБ В ПОИСКАХ ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ

Еще одним знаменитым пленником магрибских корсаров, причисленным позже к лику святых, стал Винсент де Поль. Его захватили в плен в 1605 году, во время путешествия из Марселя в Нарбонну. Пройдя через все тяготы и унижения, де Поль попал к необычному покупателю — доброму старику, искавшему философский камень. Оба — господин и раб — находили удовольствие в долгих теологических спорах. Хозяин внушил святому невольнику глубокий интерес к алхимии. Когда старик умер, Винсент по завещанию достался его племяннику, уже не столь просвещенному человеку, который не видел прока в слабосильном рабе, и Винсент де Поль вновь оказался на невольничьем рынке. В конце концов он бежал. История пленения и побега восхитительно описана самим Винсентом в письме к другу.

«...Ветер был достаточно благоприятным, чтобы в тот же день привести нас в Нарбонну, лежащую всего в пятидесяти лигах, но Господь судил иначе, дозволив трем турецким шлюпам догнать нас в Лионском заливе и жестоко атаковать. Трех убили, а остальных ранили. Я также получил стрелой ранение, оставившее память о себе на всю жизнь. Мы были вынуждены сдаться этим бандитам, более лютым, чем самые кровожадные тигры. Так, они изрубил на куски нашего лоцмана, чтобы отомстить за смерть одного из них.

Спустя семь или восемь дней мы приплыли в Берберию, разбойничье логово Великого Турка. По прибытии нас выставили на продажу с письменным удостоверением о нашем захвате на испанском судне; иначе нас освободил бы консул, которого король держал там, чтобы охранять французскую торговлю.

Прежде чем продать, всех нас, закованных в цепи, провели несколько раз по улицам Туниса, показывая возможным покупателям, что мы здоровы и не получили повреждений. Затем, вернув на корабль, нас покормили и отвели на рынок. Я был продан какому-то рыбаку, а от него попал к пожилому алхимику, человеку очень мягкому и добросердечному. Он рассказал мне, что посвятил 50 лет поиску философского камня. Моей обязанностью стало поддерживать огонь в дюжине печей. В этой должности, благодаря Богу, я получил больше удовольствия, чем страданий. Мой хозяин очень любил меня, и ему нравилось рассуждать об алхимии, а еще больше — о своей вере. Он изо всех сил старался склонить меня к мусульманству, суля богатство и обещая раскрыть все секреты своей науки. Но Господь укрепил мой дух в ответ на мои непрерывные молитвы к нему и Деве Марии (заступничеству которой, уверен, я обязан своим освобождением).

Я был с этим стариком с сентября 1605 до августа следующего года, когда его вызвали работать для

Уроборос, одно из обозначений философского камня

султана. К сожалению, мой хозяин умер в пути. Он оставил меня своему племяннику, который, прослышав, что в Тунис едет королевский посол де Бреве, получивший от Великого Турка полномочия освободить рабов-христиан, быстро продал меня. Я был куплен неким савойским ренегатом и отвезен в его жилище среди гор, в той части страны, где очень жарко и сухо.

Две из трех жен моего хозяина относились ко мне с участием и добротой. Одна оказалась гречанкой, сохранившей веру в Господа Иисуса Христа, другая — турчанкой. Сия последняя была избрана Божественным Провидением в качестве орудия, чтобы вернуть своего мужа в лоно церкви, мне же доставить избавление от рабства. Любопытствуя узнать о жизни христиан, эта женщина часто приходила на поле, где я работал. Она потребовала, чтобы я спел молитвы моему Богу. Мысль об участи детей Израиля в вавилонском плену побудила меня со слезами на глазах начать псалом «На реках вавилонских», потом и другие вещи. Все они на удивление полюбились моей слушательнице. Вечером она не преминула сказать своему мужу, что он сделал ошибку, оставив прежнюю веру, которая — на основе слышанных от меня молитв и песнопений — показалась ей очень хорошей. Она добавила, что никогда еще не испытывала столь высокого и чистого наслаждения, с которым, как она уверена, не могут сравниться никакие улады мусульманского рая. Эти слова потрясли ее мужа не меньше гласа валаамовой ослицы. На следующий день он объявил, что решил бежать во Францию и надеется, во славу Господа, совершить это в самом ближайшем времени.

Но прошло еще десять долгих месяцев, прежде чем он отважился на свой подвиг. Наконец, сев в маленький ялик, мы подняли парус и 28 июня благополучно достигли побережья Франции.

Вскоре мы отправились в Авиньон. Там, в соборе св. Петра, вице-легат святейшего престола со слезами радости на глазах дал вероотступнику отпущение грехов и вернул его в лоно церкви. Это было поистине умиленное и назидательное зрелище.

Монсеньор удержал нас обоих до своего возвращения в Рим, куда мы отправились, как только прибыли новый вице-легат. В Риме его преосвященство собиравшись устроить моего бывшего хозяина в обитель, где когда-то принял постриг и сам; мне же обещал предоставить хороший приход. Причина, по которой монсеньор так расположился ко мне и сделал для меня столь многое, заключалась главным образом в интересе к алхимии, секретам которой я обучил его и которые он напрасно искал всю свою жизнь...»

СМЕЛЫЙ КАРЛИК

Хочу описать уникальный случай, когда физические данные пленника удивительным образом улучшились во время неволи у корсаров.

Подобным исключением стал Джеффри Хадсон, вспыльчивый карлик, придворный Карла I. В 1630 году он отплыл во Францию, сопровождая акушерку, которой предстояло ухаживать за королевой Англии во время приближающихся родов. Королева — Генриетта-Мария, дочь Генриха Наваррского, — произвела на свет мальчика, будущего короля Карла II. На обратном пути корабль, на котором находились Хадсон, акушерка и танцмейстер королевы, атаковали и захватили фламандские пираты. Освобождение Хадсона стоило две с половиной тысячи фунтов. Выкупленный, он ухитрился в 1658 году снова попасть в плен, на этот раз к алжирцам. Это один из немногих случаев, когда один и тот же человек дважды стал пленником. Вернувшись второй раз, опять-таки благодаря выкупу, он поведал королю, что в результате тяжелого труда в плену его рост увеличился до трех футов шести дюймов⁵!

Этот уникальный человек испытал за свою жизнь столько приключений, которых было бы довольно и гиганту. Ранее, будучи в Париже, он как-то раз посчитал себя оскорбленным неким человеком по имени Крофтс. «Суровый Джеффри, — заметил его современник, — хотя и карлик, но никоим образом не трус». Хадсон немедленно вызвал Крофтса на дуэль. Тот, не воспринимая вызов всерьез, прибыл к месту поединка без всякого оружия, не считая клизмы, и, взбешенный такой насмешкой, Джеффри тут же застрелил его.

Строго говоря, эта дуэль не могла считаться честным состязанием, поскольку столь маленький рост делал карлика очень трудной мишенью. Но, с другой стороны, Хадсону требовалось поднять и разрядить оружие почти такой же величины, как он сам.

⁵ Дюйм — мера длины; 1 дюйм равен 2,54 см. (Прим. ред.)

БОРЬБА ИЛИ ВЫКУП?

В течение всего XVII столетия английский парламент и государственных чиновников забрасывали частными и общественными требованиями предпринять действенные шаги к освобождению несчастных пленников посредством выкупа или, по крайней мере, достигнуть какой-нибудь дого-

Так решались судьбы тысяч людей

воренности с захватчиками, чтобы облегчить участь рабов. Нередко происходили своеобразные демонстрации — жены и дочери несчастных собирались у стен парламента в надежде, что их слезы привлекут внимание законодателей к общей беде. Ведь рабы, за исключением счастливых из обеспеченных семей, полностью зависели от скудного милосердия английского правительства.

Временами, под давлением общественного мнения, правительство выкупало часть невольников, покрывая этот расход введением дополнительных торговых пошлин. Использовались и другие пути. Так, в 1624 году палата лордов приняла решение о проведении специального «выкупного сбора» во всем королевстве. Сами лорды подали хороший пример, сделав первые взносы прямо на заседании: бароны жертвовали по 20 шиллингов, а пэры более высокого ранга по 40. В свою очередь, палата общин учредила для всех своих членов обязательный штраф за каждое опоздание, причем вырученная сумма отдавалась тем бедным женщинам, которые каждый день во множестве приходили к дверям парламента.

К несчастью, большая часть выкупных денег попросту присваивалась чиновниками и лордами Адмиралтейства. Например, в 1651 году выяснилось, что из собранных 69 296 фунтов стерлингов лишь 11 000 было использовано на освобождение рабов, остальное же присвоено королевским военно-морским ведомством для уплаты долгов.

Впрочем, симпатия к пленникам не являлась всеобщей, что имело некоторые основания. Десятилетиями в Англию и на континент стекались сломленные, измученные люди — бывшие рабы. Многие из них уже утратили всякую духовную связь с родиной. Всем чужие, они выглядели в глазах своих более счастливых соотечественников подозрительными бродягами, которые «скитаются туда-сюда по всей Европе и попрошайничают, рассказывая о кандалах и оковах, которые они некогда носили в Африке». Впрочем, такова обычная человеческая реакция на слишком затянувшееся несчастье ближнего.

Для кардинального решения вопроса о пленниках не раз выдвигались различные хитроумные планы, обсуждавшиеся в палате общин. Так, например, некий анонимный автор представил проект, где утверждал, что первопричиной всех бед являются алжирские евреи, которые финансируют пиратские корабли и затем скупают основную массу христианских рабов. Исходя из этого, он предлагал принять закон, по которому любые убытки англичан, понесенные от мусульманских (магрибских) корсаров, должны возмещаться за счет имущества английских евреев. Автор придерживался известной (и до сих пор сохранившейся кое-где) точки зрения, будто все евреи мира объединены в некий союз, так что меры, принятые к английским евреям, могли бы остановить их берберийских единоверцев. Однако поскольку евреи не допускались в Англию до времен Кромвеля, представляется сомнительным, чтобы такая мера могла оказаться действенной.

В Англии существовало несколько благотворительных организаций по освобождению рабов, созданных главным образом на деньги завещателей. Так, в 1724 году Томас Беттон оставил все свое состояние компании по торговле скобяными изделиями, завещав ежегодно отчислять половину дохода от капитала на выкуп англичан, захваченных пиратами.

Первой же в Европе организацией по освобождению невольников стал «Орден Святой Троицы», основанный еще в конце XII века Жаном де Мафа. В первый же год своего существования орден выкупил в Марокко 186 рабов. С тех пор преподобные отцы в бело-голубых сутанах с красным крестом на груди веками продолжали свою опасную работу, выкупая христиан у пиратов.

ПИРАТСТВО КАК ОНО ЕСТЬ

Отец Дэн, чью историю корсарства мы неоднократно цитировали выше, являлся одним из членов ордена.

Со временем участием рабов занялись доминиканцы и францисканцы. Они не только выкупали пленных, но и старались всячески облегчить жизнь тем, кто все еще оставался в рабстве. В итоге рабы-католики зачастую оказывались в куда лучшем положении, чем рабы-протестанты, и иногда это различие проявлялось с прискорбной ясностью. Например, однажды представители ордена Св. Троицы договорились о выкупе трех французских пленников, и дэй Алжира в порыве щедрости предложил бесплатно отпустить еще одного христианина. К немалому удивлению дэя, преподобные отцы отказались взять предложенного кандидата, ибо он был лютеранином.

Впоследствии протестантские страны также основали подобные организации, и антипиратская ассоциация, президентом которой стал сэр Сидней Смит, выполняла свою работу с замечательной эффективностью. Так продолжалось до тех пор, пока пушки Англии, Франции и Соединенных Штатов не покончили с пиратами, навсегда разрешив проблему выкупа рабов.

БЕРЕГОВОЕ БРАТСТВО

Эта странная и просуществовавшая десятилетия школа пиратского мастерства, известная больше как «Береговое братство», уходит корнями в глубины европейской политики. В то время Испания теряла былые позиции в мире. Ее соседи все меньше обращали внимания на ее монополию в Вест-Индии и все чаще подписывались под доктриной «Нет мира за Чертой» (чертой называлась долгота, за которой начинались испанские владения — результат экспедиции Колумба). Испанцы всегда пользовались своей монополией усердно, если не сказать, бездумно. Как и многие в начале колониальной карьеры, Испания пыталась всеми силами притормозить взаимоотношения других стран со своими колониями, запретив торговлю. С другой стороны, и пираты-лютеране не имели права высаживаться на испанских землях.

Карта Вест-Индии, где зародилось «Береговое братство»

КТО ТАКИЕ БУКАНЬЕРЫ

Так выглядели первые буканьеры

Но приказ легче издать, чем выполнять. Колонисты нуждались в товарах, привозимых корсарам, и они охотно их скупали. Это во многом объясняет успех пиратов Хокинса во второй трети XVI века. Вскоре появилась еще большая опасность, чем просто набеги морских скитальцев, — пришельцы стали осваивать запретные территории, устанавливая постоянную торговлю с испанскими соседями. Первая такая колония, основанная французами во Флориде в 1562 году, была стерта испанцами с лица земли со всей жестокостью.

Действительно, в стремлении сохранить монополию они не останавливались ни перед чем. В декабре 1604 года венецианский посол в Лондоне писал:

«Испанцы захватили два английских судна в Вест-Индии, отрезали руки, ноги, носы и уши экипажам, намазали их тела медом и привязали к деревьям — на съедение мухам и прочим насекомым. Может, эта история и преувеличена, но тем не менее известно, что люди здесь рыдают от дикого варварства». Испанцы оправдывались тем, что пленники являлись пиратами, а не торговцами, и вполне заслужили подобной кары.

А тем временем колонизация продолжалась. Первое постоянное поселение англичан в Америке появилось в Джеймстауне (Виргиния) в 1607 году, а в 1623 году — в Вест-Индии, на Сент-Киттсе, хотя через два года англичане поделили остров с французами.

Кем бы ни были испанские торговцы вначале — пиратами, каперами или честными купцами, но буканьерами их назвать нельзя. Пират — это преступник, грабивший корабли любых наций и в любых водах. Настоящий же буканьер охотился только за испанскими судами и принадлежащим им имуществом в Америке. Буканьеры обязаны своим существованием в основном недальнорукости испанцев, которые либо просто не могли снабдить своих колонистов всем необходимым, либо делали это по завышенной стоимости, устанавливаемой властями в Кадисе, в то время как иностранцы привозили товар по разумным ценам.

У берегов Гаити

Первая база свободных торговцев, от которых пошло «Братство буканьеров», была основана на Эспаньоле (она же Гаити, или Сан-Доминго), втором по величине вест-индском острове. Этот большой и живописный кусок суши в Карибском море когда-то населяли индейцы, которых испанцы жестоко истребляли. После завоевания Мексики и Перу большая часть испанцев в поисках удачи перебралась на материк, оставив на острове огромные стада одичавших свиней и крупного рогатого скота, бродившего по равнинам. Постепенно Эспаньолу заселили англичане и французы, которые питались этими

животными сами, а также коптили мясо, продавая его командам проплывавших мимо судов.

Кларк Расселл в книге «Жизнь Уильяма Дэмпера» живо описывает это примитивное поселение, объясняя происхождение понятия «буканьер».

«Примерно в середине XVII столетия остров Эспаньола, или Сан-Доминго, как он тогда назывался, был населен, вернее, оккупирован сообществом свирепых, угрюмых, грязных и жестоких людей. В основном то были французские колонисты, чьи ряды время от времени пополнялись выходцами из разных европейских городов. Люди эти одевались в грубые полотняные рубахи и панталоны, пропитанные кровью убитых животных. Они носили круглые головные уборы, сапоги из свиной кожи и сыромятные кожаные пояса, за которые затыкали сабли и ножи. Кроме того, у них на вооружении имелись мушкеты, способные стрелять пулями по две унции⁶. Места, где дикари вялили и солили мясо, назывались “буканы”, отсюда и пошло название “буканьеры”. По своему основному занятию они являлись охотниками, а по образу жизни — варварами и дикарями. Буканьеры забивали животных, а излюбленной их пищей был костный мозг только что убитого быка. Ели и спали они на голой земле, столом служил камень, подушкой — бревно, а крышей — жаркое и сияющее небо Антильских островов».

Франсуа Леклерк по прозвищу Деревянная Нога

⁶ Унция — мера веса; 1 англ. унция равна 28,35 г. (Прим. ред.)

Первыми, кто посмел нарушить испанскую монополию, были французы. Уже в середине XVI столетия испанцам были ненавистны такие имена, как Жак Террьер, Жак Соре и Франсуа Леклерк по прозвищу Деревянная Нога⁷, как позднее стали ненавистны имена Фрэнсиса Дрейка и Джона Хокинса. Правда, задача первых из них не отличалась особой сложностью, поскольку большая часть поселений, на которые они нападали, была плохо защищена, жители имели мало ружей или же у бедняг вообще не имелось пороха.

Французские корсары быстро прознали все излюбленные маршруты на-груженных золотом галеонов и умело прокрадывались вдоль побережий Кубы, Юкатана или Флориды в поисках богатого приза. Когда на горизонте появлялась флотилия больших и нескладных судов, юркие пиратские шлюпки, словно стая пираний, начинали крутиться по бокам, ожидая возможности отбить отставшее от основного каравана судно. Неудивительно, что вскоре их стали называть «кошмаром испанских моряков».

Однако то были лишь предшественники буханьеров, расцвет которых пришелся на середину XVII века. Завистливые испанцы решили избавиться от безобидных в то время буханьеров, их выгнали с Эспаньолы, превратив, таким образом, из убийц скота в убийц людей.

Изгнанники обосновались на небольшом скалистом острове Тортуга (что означает Черепаший), ставшем вскоре знаменитым. Остров располагался в нескольких милях к северо-западу от Эспаньолы. Здесь буханьеры основали что-то вроде республики, построили крепость.

Карта острова Тортуга

⁷ Вскоре пираты с деревяшкой вместо ноги станут очень популярными литературными персонажами. (Прим. ред.)

КОЛОНИЯ ЛЕВАССЕРА

Оливье Левассер

Колония месье Левассера

Месье Левассер, кальвинист, искусный инженер и весьма смелый военный, собрал команду из 50 подобных ему французов той же веры и произвел внезапное нападение на Тортугу, без трудностей овладев островом. Первое, что сделал новый губернатор, — построил сильный форт, вооруженный пушками. В крепости он соорудил себе дом, назвав его «голубятней». Чтобы добраться до него, следовало подняться по выбитым в скале ступеням, а затем еще по металлической лестнице.

Под мудрым руководством месье Левассера небольшая колония процветала. Там собрались искатели приключений, главным образом из Франции и Англии — и буканьеры, и колонисты, и беглые матросы. Буканьеры охотились на соседнем острове Эспаньола, колонисты разводили табак и сахаросодержащие культуры, но большинство стали флибустьерами и бороздили ближние моря в поисках испанских судов.

Вскоре остров Тортуга превратился в рынок, на котором шкуры и мясо, привезенные с Эспаньолы, и награбленное испанское добро выменивались на вино, оружие, порох и материю с голландских и французских кораблей. Слава Тортуги загрела на всю Вест-Индию, и сюда ринулись искатели приключений всех сортов, которые просто не могли устоять перед соблазном легкой добычи. Фортуна всегда привлекала смельчаков с чертовщинкой в характере, а ситуация была очень схожа с той, которая сложится в 1897 году на Клондайке в эпоху Золотой лихорадки.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЭКСКВЕМЕЛЕНА

Подобное описание расцвета буканьерства сделал некий Александр Эксквемелен, молодой француз из Онфлера, прибывший в Вест-Индию в 1658 году. Книгу впервые опубликовали в Амстердаме в 1678 году. Она называлась «Буканьеры Америки, или Правдивая история наиболее замечательных нападений, совершенных в последние годы у побережья Вест-Индии буканьерами Ямайки и Тортуги, как англичанами, так и французами».

Книгу настолько хорошо приняли, что через три месяца ее переиздали, а вместе с ней вышел в свет и второй том: «Буканьеры Америки. Второй том. Содержит описание опаснейшего путешествия и храбрейших деяний капитана Бартоломью Шарпа и других, совершенных у побережий Южного моря в течение двух лет... По оригинальному журналу указанного путешествия, написано Бэзилем Рингроузом, джентльменом, присутствовавшим при этих деяниях». Сегодня подобные издания на прилавках букинистов стоят огромных денег.

Можно назвать их энциклопедией буканьерства и легко представить, сколько голландских и английских мальчишек, прочитав книгу, сбегало из дома в море, чтобы присоединиться к ее героям.

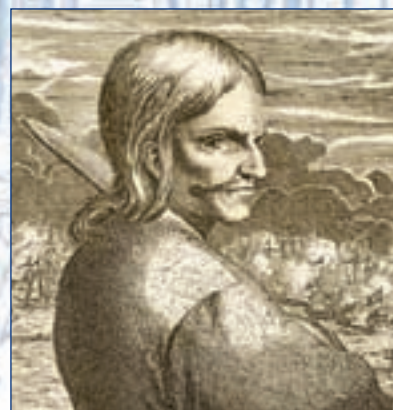
Автор рассказывает, что в юности отправился на Тортугу как ученик, поступив на службу во французскую Вест-Индскую компанию. В силу ряда причин он на несколько лет превратился в раба. Через некоторое время губернатор острова, обращавшийся с ним жестоко и практически погубивший его здоровье, по дешевке продал парня хирургу. Новый хозяин оказался настолько же добр, насколько прежний жесток. Так что молодой Эксквемелен понемногу вернул утраченное здоровье и к тому же приобрел профессию брадобрея и хирурга (эти две должности тогда часто совмещались). Со временем новому «квалифицированному медику» была дарована свобода, а также несколько хирургических инструментов, и он начал поиск практики.

Вскоре появилась возможность поступить на службу к буканьерам с Тортуги, и новый 1668 год Александр встретил на борту пиратского судна, где усердно брил своих товарищей, пускал им кровь, перевязывал раны и все время вел дневниковые записи.

В 1665 году произошла битва, которая положила начало настоящему буканьерству. До этого пираты плавали на небольших гребных посудинах с одним-двумя парусами и веслами. На них они рыскали вдоль побережий или прятались в руслах рек, готовясь преподнести сюрприз какому-нибудь большому «испанцу».

Именно на такой посудине Пьер Легран с экипажем из 23 человек вышел на поиски приза. Много дней они скитались безрезультатно. Команде начал грозить голод, так как все припасы подходили к концу. Но однажды их суденышко натолкнулось на большой испанский флот, величественно проплывавший мимо. Самый большой галеон отстал от остальных, и Пьер решил, что либо этот красавец достанется им, либо они погибнут. В тропиках темнота наступает быстро, и маленькое пиратское суденышко смогло незамеченным подкрасться к галеону.

Перед тем как пойти на abordаж, Легран приказал хирургу — ибо, похоже, у них имелась такая должность даже до появления Эксквемелена — пробурить дыры в днище, дабы отрезать все пути к отступлению в случае неудачи. Затем босые, вооруженные пистолетами и шпагами люди бесшумно залезли на борт

Бартоломью Шарп

Пьер Легран с экипажем идут на abordаж галеона

галиона, убили дремавшего часового и бросились вниз в каюту, где застали адмирала, играющего в карты со своими офицерами. Приставив пистолет к груди адмирала, Легран приказал сдать корабль. Вполне возможно, что офицер в ужасе закричал: «Господи, спаси! Это люди или сами дьяволы?!» Тем временем остальные пираты проникли в оружейную и перебили всех испанцев. Так, в короткое время великолепный корабль был захвачен горсткой французских флибустьеров.

А затем Пьер Легран совершил совсем уж невероятное. Вместо того чтобы вернуться на Тортугу и промотать свое богатство, как поступали все обычные буканьеры, он отправился в Дьеп.

Клод Моне. Крутые утесы около Дьепа

Вообще же флибустьер, добыв богатый приз, как правило, проматывал его в рекордные сроки. Некоторые спускали за одну ночь по 2—3 тысячи песо в тавернах, игорных домах и борделях. Эксквемелен, рассказывая об этом, пишет:

«Мой собственный хозяин в таких случаях покупал целый бурдюк вина и, выходя на улицу, заставлял всех прохожих пить с ним, угрожая пистолетом, если те не соглашались. Иногда он проделывал то же с бочонками эля или пива и очень часто швырял ими в граждан, обливая спиртным одежды прохожих и невзирая на то, были ли это мужчины или женщины».

Новость о великом деянии Леграна распространилась быстро. После этого случая у каждого флибустьера появилась надежда на успех, как бы ни было мало его судно, а испанские капитаны богатых галеонов, плывущих домой, постоянно боялись нападения.

У буканьеров существовал свод законов и правил, которому подчинялись все без исключения члены Берегового братства. Здесь уместно снова процитировать Эксквемелена, который описывает людей, служивших с ним.

«Перед тем как пираты отправляются в море, каждому участнику путешествия капитан сообщает точную дату отплытия и обязывает принести с собой на борт ровно столько фунтов пороха, сколько необходимо для экспедиции. Когда все оказываются на корабле, собираются на совет, чтобы решить — куда им отправиться на заготовку припасов, особенно мяса, а вернее свинины, поскольку это главная пища буканьеров. Также едят и черепах, которых обычно присаливают. Иногда пираты грабили какой-нибудь скотный двор, принадлежащий испанцам. Они появлялись под покровом ночи и, захватив смотрителя, приступом брали помещение.

Добыв достаточное количество мяса, они возвращались на корабль. Здесь каждому выделялось столько мяса, сколько сможет съесть, без всякого взвешивания. Причем капитан получал столько же, сколько и все остальные, наравне с последним матросом. Пополнив таким образом запас провианта, буканьеры собираются еще на один совет, на котором решают, в какую сторону им идти на поиски счастья. Здесь определяются денежные суммы, причитающиеся каждому после путешествия, а также сколько пойдет в общую казну. Иначе говоря, для всех этих людей действует закон один: “Что добыл, то и получил”.

На абордаж!

Вначале определяют, сколько должен получить капитан за судно. Потом оговаривается плата плотнику, который ухаживал за кораблем, чистил его и оснащал. Это, по соглашению, составляет от 100 до 150 песо. После делаются вычеты за провиант

(около 200 песо), а также оплата хирурга и его сундучка с медикаментами (200—250 песо). Наконец, обговаривают компенсации или награды каждому за ранения или в случае увечья, например потерю конечности. К примеру, за потерю правой руки выплачивается 600 песо или 6 рабов, за потерю левой руки — 500 песо или 5 рабов, за левую ногу 400 песо или 4 раба, за глаз — 100 песо или 1 раб; за палец на руке та же плата, что и за глаз. Каждая из указанных сумм берется из общей казны, добытой всем братством. Остаток делится поровну на всех.

Иногда бывает, что дележ производится и в соответствии с занимаемым положением. Тогда, например, капитану выплачивают в 5-6 раз больше, чем обычному матросу; помощнику капитана — только в два, а другим офицерам — пропорционально занимаемому положению. После чего добыча делится поровну между оставшимися, не исключая и мальчишек-юнг. Даже они получают свою долю, если в их обязанности входит поджог своего корабля перед переходом на захваченный, если таковой лучше их собственного».

При взятии приза категорически запрещалось самовольно присваивать себе что-либо. Флибустьеры давали общую клятву друг другу не утаивать ни единой вещи из добычи. Если обнаруживалось, что кто-то нарушил клятву, его немедленно исключали из братства.

«Когда бужаньеры захватывают приз, — продолжает Эксквемелен, — то в первую очередь высаживают пленников, оставляя себе лишь немного рабов для obsługi и освобождая их через 2-3 года. Часто они заходят на острова, чинят свои корабли. Некоторые в это время охотятся, а кто-то выходит в море на каноэ в поисках удачи. Иногда бужаньеры нападают на бедных ловцов черепах и захватывают их в плен, увозя в свои поселения для работы».

«Пощады не ждите!»

КРОВОЖАДНЫЙ ЛОЛОНУА

Надо заметить, что бучаньеры по-разному относились к потере разных частей тела, больше ценя правую руку, чем левую, тогда как современные страховые компании не делают этого различия. Отсутствие глаза, очевидно, не считалось увечьем: множество одноглазых бучаньеров с успехом продолжали свои пиратские набеги.

Нужно помнить, однако, что события, описанные Эксквемеленом, относятся к счастливым дням начала бучаньерства, временам, разительно отличавшимся от позднего периода — эпохи таких маэстро абордажных крючьев, как Мансдилл, Морган и Граммон.

Если Пьер Легран смог показать товарищам, что даже большой испанский галеон — вполне доступная добыча, то другой, еще худший мерзавец открыл новый способ добычи денег. Речь пойдет о французе Франсуа Лолонуа, может быть, самом жестоком и безжалостном из всех, кто когда-либо перерезал испанскую глотку, и именно он хвастался, что никогда не отпускал пленника живым. Жан-Франсуа Нау по прозвищу Франсис Л'Олонэ (Francis L'Olonais)

Кто только не грабил Марокайбо!

родился в 1630 году во Франции в местечке Сабль д'Олоне откуда и получил свое прозвище (здесь хочется предупредить читателя, что в русском языке существуют несколько транскрипций написания его имени: Л'Олонэ, Лолонуа, Л'Олонойс).

До сих пор букарьеры в основном обращали внимание на испанские корабли, лишь время от времени совершая набеги на поселения, да и то лишь, чтобы пополнить запасы провианта и воды. Но Лолонуа предложил новый план. Собрал на Тортуге много людей и кораблей, он отплыл в Венесуэльский залив. Большой и пышный город Марокайбо стоял у большого озера, соединенного с заливом узким проливом, который охранялся фортом. После трехчасового упорного натиска флибустьеров форт пал, проход был открыт. Флот беспрепятственно прошел в озеро и захватил город, население которого в панике разбежалось и попряталось по окрестным лесам.

Защитники форта

Но жестокий француз не остановился. На следующий день Лолонуа выслал в леса вооруженные отряды. Той же ночью они вернулись с множеством пленников, 20 тысячами песо и караваном мулов, нагруженных самыми разнообразными товарами. Среди пленников были женщины и дети, и многих из них пытали, чтобы заставить сказать, где спрятаны ценности.

Тем временем один испанский офицер собрал отряд из 800 вооруженных мужчин, построил земляное укрепление и поставил на бастионах людей, чтобы остановить буканьеров при отходе. Флибустьеры яростно атаковали их, и после короткой битвы укрепление было взято. Жадный Лолонуа из мести решил выжать еще кое-что из Маракайбо и приказал флоту вернуться к городу. В итоге к добыче прибавилось еще несколько тысяч песо.

После нескольких недель, проведенных в Маракайбо, флибустьеры вернулись на Эспаньолу, где и поделили добычу. При подсчетах выяснилось, что награблено 260 тысяч песо, не считая различных товаров. Когда каждый из пиратов получил свою долю, то стал богачом. Не будем описывать дальнейшие злодеяния Лолонуа, лишь упомянем, что его ждал ужасный конец от рук индейцев.

МОРГАН. НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Тортуга являлась слишком удобной базой буканьеров, поэтому испанцы не могли надолго оставить ее в покое. Они вновь и вновь атаковали остров, убивая и уводя в плен французов и англичан, но число их восстанавливалось за счет новых переселенцев. Но в конце концов измотанные буканьеры решили подыскать себе новое убежище, где они могли бы продавать награбленное, напиваться, а когда кончатся деньги — находить новый корабль. Таким местом стала Ямайка, где на узкой полоске земли стоял маленький городок Порт-Ройял, полностью удовлетворявший их требованиям.

За несколько лет до этого, в мае 1655 года, Ямайка была захвачена у испанцев, и новые колонисты ощущали ненадежность своего положения. Однако с несколькими сотнями лучших моряков, каковыми являлись буканьеры, они

ПИРАТСТВО КАК ОНО ЕСТЬ

почувствовали себя в большей безопасности, и вскоре деньги и товары рекой поплыли в Порт-Ройял, ставший самым богатым и порочным местом на всем земном шаре.

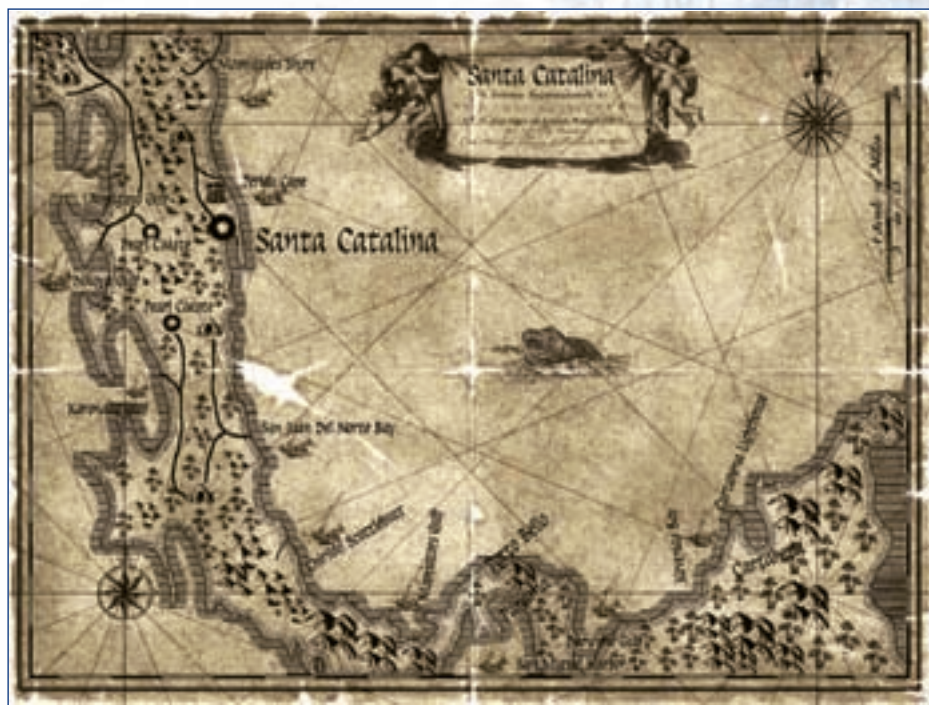

Порт-Ройял

Самым известным из обитателей Порт-Ройяла являлся величайший из бучаньеров Генри Морган. Он родился в Уэльсе, в семье землевладельцев, предположительно в 1635 году. С юных лет Генри отличался строптивым нравом и

Кюрасао — рай Нового Света

По таким картам плавали в XVII веке

жаждал приключений, славы и богатства. Неудивительно, что в мае 1662 года он оказался в команде (состоявшей как из закаленных «морских волков», так и новичков), на борту судна, взявшего курс на Вест-Индию.

Существует версия, что юного Морган украл в Бристолье у родителей и увезли рабом на Барбадос. Но, возможно, это и неправда. Сей факт биографии лежал в основе тяжбы за клевету, начатой Морганом против английского издателя книги Эксквемелена. Процесс он выиграл, заработав 200 фунтов и публичное извинение. Похоже, изложенная в печати история о том, что мальчиком его продали в рабство, раздражала Генри даже больше, чем изображение его истинным чудовищем.

Губернатор Ямайки, сэр Томас Модифорд, стал хорошим другом и покровителем буканьеров. В 1666 году он поручил капитану Эдварду Мансфилду, являвшемуся тогда лидером головорезов, захватить остров Кюрасао. В этой экспедиции Генри Морган впервые командовал кораблем. Буканьерам удалось отбить у испанцев Санта-Каталину, но в целом их набег окончился неудачей. Капитан Эдвард Мансфилд попал в плен к испанцам и был убит.

Вскоре прошел слух, что испанцы собираются напасть на Порт-Ройял с Кубы. Буканьеры не стали ждать. Собрав небольшой флот из 10 хорошо вооруженных и оснащенных кораблей, с командой, насчитывавшей около 500 готовых на все головорезов, Морган пошел на Кубу. Первым делом решено было напасть на Пуэрто-Принсипе, настолько удаленному от моря, что до этого его никто из Берегового братства не посещал. Пираты застали жителей врасплох и быстро захватили город. Если бы не выкуп, выплаченный населением, Пуэрто-Принсипе был бы разграблен и сожжен дотла.

Следующей жертвой Морган выбрал город Портобело, расположенный на Панамском перешейке. По мнению буканьеров, там собиралось ополчение для захвата Ямайки. Подобное предприятие отличалось особой смелостью, так как Портобело являлся очень хорошо укрепленным городом. Его защищали три

Первая жертва пиратов Моргана – Пуэрто-Принсипе

форта. Французские флибустьеры решили не искушать судьбу и отказались от рискованного предприятия. Но Морган, вокруг которого сплотились отчаянные сорвиголовы, никогда не отступал от намеченного.

Поставив корабли на якорь в нескольких милях от города, он высадил своих людей на каное. Обойдя портовые форты, буканьеры внезапно напали на Портобело с суши. Первые две крепости оказали слабое сопротивление и быстро пали. Но третья, которой командовал лично испанский губернатор, отчаянно оборонялась. Не сумев сломить мужественных защитников, Морган решился на вероломство. Отбросив жалость, он заставил представителей испанского духовенства — священников и монахинь — поднести к стенам крепости штурмовые лестницы. Под прикрытием живого щита пиратам удалось не только забраться наверх, но и проломить стену. Однако крепость пала только после

того, как погиб ее комендант. Город разграбили, а многих жителей подвергли жестоким пыткам: англичане хотели знать, где спрятаны сокровища.

Так обстояли дела в действительности. Официальные же донесения самого Моргана выглядят совершенно иначе.

Разграбление Портобело

Город и его укрепления «были оставлены в таком же отличном состоянии, как и до англичан, а с испанцами так хорошо обращались, что несколько знатных женщин заявили, что главнокомандующий обращался с ними как джентльмен, относился к ним с большим уважением, чем они ожидали встретить в лагере, поэтому они оставались с ним по своей воле, пока он не уехал».

Чтобы оставить себе большую часть награбленного, пираты, перед возвращением на Ямайку, многое скрыли в тайниках у реки Чагрес. С богатой

добычей, оцениваемой в 100 тысяч английских фунтов стерлингов, Морган вернулся в Порт-Ройял. Губернатор Ямайки слегка «пожурил» любимца за некоторое превышение полномочий, но через некоторое время дал новое поручение «верноподданному английской короны». Морган разослал приглашения всем, кто хотел бы присоединиться к его новому предприятию, собраться у Коровьего острова в январе 1669 года. Здесь, на фрегате «Оксфорд», он устроил для офицеров банкет. Когда веселье было в самом разгаре, корабль взорвался — предположительно, из-за неосторожного обращения с огнем возле порохового склада. Лишь немногим, в том числе и самому Моргану, удалось спастись.

Нападение на Маракайбо

Но этот трагический случай не поставил точку на ожидаемом предприятии. Последовало новое нападение на город Маракайбо, уже и так сильно пострадавший от грабежей. Морган захватил его, пробившись через узкий пролив к озеру (так же, как и его предшественник Лолонуа), и снова начались пытки несчастных, «убийства, грабежи, изнасилования и невероятная наглость», которые продолжались в течение пяти недель. Затем настала очередь побережья Венесуэлы...

В этих экспедициях Морган проявил себя как талантливый стратег, разработавший сложные морские и сухопутные операции. Захваченная добыча, не считая рабов, оценивалась в 50 тысяч английских фунтов стерлингов. Ямайский губернатор снова «пожурил» Моргана, но в целом остался доволен.

Испанцы тем временем продолжали нападать на английские корабли у северных берегов Ямайки. Дабы положить этому конец, губернатор приказал Моргану собрать флот и причинить наибольший ущерб испанским кораблям, городам и складам с боеприпасами. Несомненно, сие поручение облекли в приличные формы. Модифорд выдал Моргану соответствующую бумагу — каперское свидетельство, фактически являющееся правом на узаконненное пиратство. Важно, что документ содержал следующие инструкции:

«Поскольку флот не получает никакого вознаграждения, он будет забирать все товары и купеческое богатство, захваченное в таких экспедициях, и делить их между собой по своим правилам».

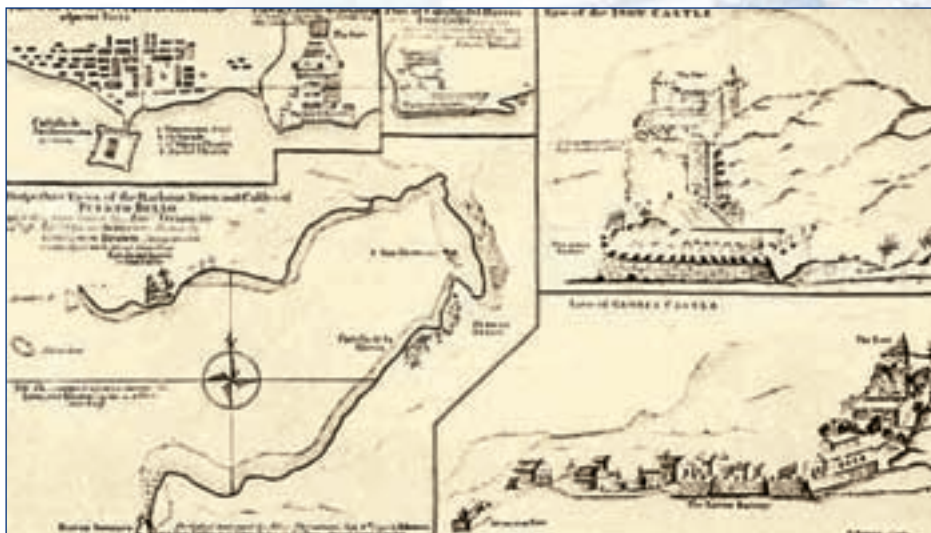

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕХОД

Генри Морган незамедлительно принялся за дело. Это предприятие стало главным в его карьере. Знаменитый пират повел свои корабли на Панаму.

При одном упоминании имени Моргана испанцев охватывал ужас. Однако находились и те, кто бросал вызов жестокому пирату. Одним из них стал руководитель испанских ополченцев, капитан Мануэль Пардал. Он распространил заявление, в котором вызывал Моргана скрестить с ним шпагу. Вскоре противники встретились. Случилось это в устье реки Чагрес, когда буканьеры штурмовали крепость Сан-Лоренсо. К сожалению для Пардала, встреча закончилась печально: после боя его нашли с простреленной шеей. Говорят, что пуля была выпущена из мушкета Генри Моргана.

9 января 1671 года Морган, оставив в Сан-Лоренсо гарнизон для прикрытия тыла, повел свои основные силы (1800 человек) на завоевание Панама — самого крупного и богатого города в американских колониях, принадлежавших

Крепость Сан-Лоренсо

испанцам. Сюда испанцы свозили золото и серебро из Мексики и Перу, чтобы затем отправить его в Старый Свет. Переход через тропические джунгли сам по себе являлся тяжелейшим испытанием, но для Генри Моргана и его армии стал еще более мучительным, так как испанцы, отступая, разрушили все свои продовольственные склады. Буканьеры, надеявшиеся добыть провизию в пути, умирали от голода. Так началась самая знаменитая военная операция Моргана. На шестой день изнурительного похода несчастным улыбнулась удача: они набрали на амбар с кукурузой. Лишь к вечеру девятого дня разведчик увидел верхушку панамской церкви, и это ободрило измученных людей.

Морган, отличавшийся незаурядным умом, так часто приводившим его к успеху, решил штурмовать город с неожиданной стороны. В результате орудия испанцев не могли достать буканьеров, и защитники города вынуждены были выйти из укреплений (а именно этого и добивался Морган) и сражаться на открытой местности.

Штурм в разгаре

Испанцы пошли в атаку, гоня перед собой стадо из нескольких сотен буйволов. Но их план потерпел полное фиаско. Перепуганный скот развернулся и в панике двинулся на испанскую кавалерию, полностью смешав ее стройные ряды. В течение двух часов продолжалось отчаянное сражение между храбрыми защитниками крепости и не менее отважными, но очень истощенными бужаньерами. В итоге испанцы были разбиты и бежали. Люди Моргана слишком устали, чтобы их преследовать, и это дало горожанам возможность вывезти из Панамы и погрузить на корабль кое-какие церковные украшения и другие ценности.

Как только город оказался захвачен, Морган созвал всех своих людей и строго-настрого запретил им прикасаться к спиртному, мотивируя свой приказ тем, что якобы испанцы перед сдачей города отравили все вино. На самом деле это была лишь мера предосторожности, поскольку нередко случалось, что коварный враг только и ждал момента, чтобы захватить захмелевших победителей фактически голыми руками. Теперь бужаньеры приступили к грабежу на трезвую голову. Перед ними лежал город с широкими улицами и добротными домами. Но каким-то непонятным образом вспыхнул пожар, и мгновенно большая часть строений выгорела дотла.

Подсчет трофеев и пленников

В течение последующих трех недель бужаньеры грабили город, захватывали людей и совершали набеги на окрестности. Жители, не успевшие скрыться в джунглях, подверглись жестоким пыткам.

Добыча пиратов оказалась впечатляющей. Понадобилось почти две сотни мулов, чтобы перевезти все золото, серебро и другие ценные товары на корабли. Также бужаньеры захватили большое количество пленников.

Добравшись до реки Чагрес, пираты принялись делить добычу. Конечно, не обошлось без потасовки: рядовые солдаты считали, что не получили причитающейся им доли. Пока шли препирательства, Морган ускользнул, прихватив с собой большую часть награбленного и оставив верных своих союзников без провизии и кораблей, а лишь с десятью фунтами трофеев на каждого.

ПИРАТ ПРОТИВ ПИРАТОВ

Генри Морган вернулся на Ямайку и выслушал много слов благодарности за организацию столь успешной операции. Здесь же он узнал, что, разграбив Панаму, нарушил договор между Испанией и Англией, заключенный в Мадриде за несколько месяцев до этого события. В нем говорилось о «пресечении грабежей и установлении мирных отношений» в Новом Свете!

Узнав о разрушении Панамы, испанское правительство отправило Карлу II резкую ноту протеста. Королю Англии ничего не оставалось, как в апреле 1672 года отдать приказ об аресте знаменитого буканьера и доставке его на родину. Но ни суд, ни присяжные не осмелились осудить человека, только что ставшего в своей стране народным героем. К тому же добыча Генри Моргана значительно пополнила королевскую казну.

Карл II посвятил Моргана в рыцари и отправил обратно на Ямайку — теперь уже в качестве вице-губернатора острова. Генри Моргану было поручено бороться с пиратами в бассейне Карибского моря. Бывший буканьер взялся за новую должность с присущим ему рвением. Став главнокомандующим британскими вооруженными силами на Ямайке, сэр Генри Морган проявил беспощадность и жестокость к своим бывшим поделщикам.

Сэр Генри достиг всего, о чем мечтал, — знатности, богатства и власти. Являясь старшим членом совета и богатым плантатором, он нажил себе много врагов из числа бывших сторонников. Так, кто-то из его окружения донес Карлу II, что Морган после своей знаменитой Панамской экспедиции утаил немалую часть богатства, спрятав его на острове Кокос. Подобной дерзости правитель Англии снести не мог. Заманив под каким-то благовидным предложением вице-губернатора Ямайки в Лондон, король пытался выведать у него тайну клада. Но Морган не признался ни в каких грехах против его величества, и последнему ничего не оставалось, как отпустить его с миром. Ведь такой человек был британской короне просто необходим.

Семнадцать лет сэр Генри Морган оставался вице-губернатором Ямайки. В отличие от большинства подобных ему джентльменов удачи, Морган умер в своей постели в 1688 году в возрасте 53 лет и был похоронен в церкви св. Екатерины в Порт-Ройале.

Остров Ямайка

ЦЕЛЬ — ТИХИЙ ОКЕАН

Успех Панамской экспедиции распалил воображение всего пиратского братства и направил их взоры к Тихому океану. Так начался второй период в истории буканьеров.

Правительство Англии выпустило множество воззваний к пиратам. Их обещали помиловать и прекратить законное преследование, если они оставят свои грязные дела. Вместе с тем грозили строго наказывать всех, кто станет продолжать грабеж. Кое-кто из пиратов согласился, но большинство предпочло прежнее ремесло. А тем временем росло недовольство буканьерами и у купцов, и плантаторов с Ямайки, которые поддерживали их в прошлом, но теперь видели, что, пока те разбойничают в Карибском море, их собственная торговля идет на спад.

В январе 1680 года началась первая экспедиция буканьеров в Тихий океан. Среди главарей имелись такие известные личности, как Бартоломью Шарп и Джон Коксон. На пути в Портобело они высадились на берег в 20 лигах от города и после четырехдневного изнуряющего похода, во время которого «многие ослабели, будучи три дня без еды и с порезанными из-за нехватки обуви ногами», добрались до места. Их появление оказалось настолько неожиданным, что город быстро сдался и в одно мгновение был разграблен, поскольку до пиратов уже дошли известия, что приближается испанское подкрепление. В результате налета каждый получил огромную долю: сто частей трофеев на восьмерых. Добравшись до кораблей, буканьеры поплыли на север до Бокадель-Торо, где остановились, чтобы набрать воды. Там к ним присоединился отряд под предводительством Ричарда Сокинса и Питера Хэрриса, «солдатов храбрых и решительных». Объединенные силы высадились в заливе Дарьен и двинулись к Тихому океану, по пути сделав остановку, чтобы напасть и разграбить небольшой городок Санта-Марию.

Карта Панамы

Погода стояла жаркая, и дела шли неважно. Этим, вероятно, и объясняются ссоры среди главарей. Вспыльчивый Коксон вначале повздорил с молодым Сокинсом, позавидовав его популярности среди своих людей, а затем затеял ссору с Хэррисом, закончившуюся дракой.

В конце концов инцидент был улажен, и путешественники продолжили путь вниз по реке на 35 каноэ, пока, наконец, не вышли в Тихий океан. Удача сопутствовала им: они обнаружили два небольших испанских судна, стоявших на якоре, которые тут же захватили. Скромная флотилия из двух маленьких кораблей и ряда лодок с бесстрашными моряками на борту направилась в Панаму. Они приблизились к городу в день св. Георгия — покровителя Англии. Жители, заметив их, подняли тревогу, навстречу джентльменам удачи вышли три небольших испанских военных корабля. Неустрашимые буканьеры двинулись к вражеским судам, вскарабкались на них по канатам и бросились на пораженных подобной наглостью испанцев. После отчаянного боя испанские корабли были захвачены. Продолжая атаковать, пираты заняли большой испанский галеон «Святая Троица», стоявший на якоре. На него капитан Шарп перенес раненых. Таким образом, всего за несколько часов бесстрашные пираты поменяли лодки на военные корабли и стали хозяевами большого линкора. Несомненно, то был величайший успех в истории буканьеров. Теперь они могли делать все, что захотят, у потерявших охрану тихоокеанских берегов. Но сварливый Коксон, которого обвинили в трусости при взятии Панамы, вновь затеял ссору и с оставшейся группой сторонников пошел в обратный путь через перешеек.

Среди мятежников находилось двое интересных людей, каждый из которых написал и опубликовал отчет о своих приключениях, — это известный буканьер и естествоиспытатель Уильям Дампир и военно-морской врач Лайонел Уэйфер. От них мы узнаем, что со временем Коксон вернулся на Ямайку

и, несмотря на приказ об его аресте, исходивший от губернатора лорда Карлайла и от сэра Генри Моргана, кажется, сумел снискать расположение совета настолько, что был послан на поиски пользовавшегося дурной славой французского пирата Жана Амлена.

А теперь давайте проследим за судьбой остальных буканьеров, оставшихся на время в тени, чтобы затем принять участие в «смелых и опасных представлениях, разыгравшихся на берегах южного моря», о которых писал мистер Бэзил Рингроуз.

Судовая команда, шедшая раньше с Коксоном, выбрала предводителем популярного капитана Сокина. Много дней они плавали в Панамской бухте, грабя корабли, заходящие в порт.

15 мая они бросили якорь в Пуэбла-Нуэве, где Сокинс и Шарп высадились с отрядом из 60 вооруженных человек, и пошли в атаку. На этот раз испанцы готовились к нападению: они соорудили новые брустверы и вырыли окопы. Сокинс, «любимчик всей нашей компании», возглавил атаку и был убит.

Следовало избрать нового командира, и выбор пал на «певца моря и блестящего предводителя» — капитана Бартоломью Шарпа. Решили напасть на Гуаякиль, где, по словам одного пленника, «мы могли оставить свое серебро и нагрузить суда золотом». Но вначале «Святая Троица» пристала к Горгоне, или, как его еще называли, острову Шарпа, где буканьеры отремонтировали мачту. Мистер Рингроуз рассказывает, как они убили большую змею одиннадцати футов длиной и четырнадцати дюймов в окружности, а также о том, что «каждый день видели китов и дельфинов, которые дважды появлялись и ныряли под корабль. Мы стреляли в них несколько раз, но пули лишь отскакивали от их тел». На Горгоне они добыли какое-то количество «превосходной еды», и теперь прием пищи доставлял им неслыханное удовольствие: на тарелках появлялись индейские кролики, обезьяны, змеи, устрицы, небольшие черепахи и всякие сорта рыбы. «Дни проходили в ловле ленивцев — зверей, которые вполне заслуживают своего названия», но попадали ли они в котелки, мистер Рингроуз не уточняет.

На острове они потратили так много времени в пиратах и стрельбе, что было решено плыть не в Гуаякиль, а в Арику. Ее настоятельно рекомендовал «один старик, говоривший, что серебряные слитки из рудников были перенесены в Арику для погрузки на суда и отправки в Панаму». И он не сомневался, что «мы сможем грабежом добыть по крайней мере по две тысячи фунтов на каждого».

Так началось длинное плавание к чилийскому городу. Чтобы хоть как-то скоротать время, буканьеры нападали на проходившие мимо испанские корабли. С каждого судна они забирали трофеи, в которых нуждались, но непременно захватывали на борт «Святой Троицы» узников, какого бы они ни были социального положения. Некоторые из пленников оказывались настолько разговорчивыми, что легковверные буканьеры получали массу сведений (правда, далеко не всегда достоверных...).

Одним из наиболее словоохотливых являлся капитан Перальта, плененный в Панаме, который стал весьма популярной личностью на корабле. По мере того как судно медленно двигалось к югу, испанцы выполняли роль «гидов» по Перу и Чили. Так, когда они оказались напротив небольшого поселения Тамби, капитан Перальта вспомнил, что «это стало первым местом в этих краях, населенным испанцами... Тогда на берег сошел священник с крестом в руке, а десять тысяч индейцев стояли, уставившись на него. Когда из лесу вышли два

льва⁸, он спокойно возложил им на спины крест, и индейцы тут же пали ниц и стали молиться. Более того, эти два льва, следовавшие за ними, повторяли их движения. Так животные дали понять индейцам превосходство христианской религии, которую те вскоре приняли».

Подобными интересными историями капитан Перальта завоевывал себе популярность среди пиратов и помогал коротать утомительные часы во время скучного плавания к Арике. Наконец, 26 октября они добрались до места назначения. Буканьеры, оставив корабль, поплыли на шлюпках к берегу, чтобы атаковать. К их «величайшему сожалению и раздражению», вся прибрежная полоса чернела от вооруженных испанцев, поджидавших их.

Разочарованные таким приемом буканьеры высадились ниже по берегу, у Ла-Серены, довольно большого города, предметом гордости которого являлись семь церквей. Но и здесь жители вовремя получили предупреждение и успели скрыться в горах со своими драгоценностями. Так что пиратам пришлось довольствоваться отдельными грабежами и поджогами.

Увлечшись, они чуть не потеряли свой корабль. Ночью чилиец на надутой воловьей шкуре подплыл к «Троице», подобрался под корму и, запихав паклю и серу между рулем и ахтерштевнем, поджег корабль. «Наши люди, удивленные и встревоженные дымом, бегали по кораблю, подозревая в поджоге пленников. Видимо, так бедолаги надеялись обрести свободу и уничтожить нас». Однако место пожара вовремя обнаружили, и он был потушен. Буканьеры продолжили путь на юг.

На Рождество они увидели остров Робинзона Крузо — Хуан-Фернандес и «утром дали три залпа в честь этого великого события». Команда занималась охотой на коз, мясо которых засаливали и клали в бочки. Но приближался бунт. Буканьеры разделились на тех, кто сохранил свою долю добычи и желал через мыс Горн возвращаться в Вест-Индию, и тех, кто все проиграл и предпочитал продолжать плавание в Тихом океане. В конце концов последние взяли верх, капитан Шарп был свергнут и закован в кандалы, а на его место избран Джон Уотлинг, закоренелый старый пират и «отважный моряк». Кстати, в его честь названо место первой высадки Христофора Колумба в Новом Свете.

Одной из причин свержения Шарпа явилось его безбожие, а при новом командире установился порядок. Мистер Рингоуз делает следующую запись в своем журнале 9 января в воскресенье:

«Это было первое воскресенье, когда между командиром и командой царило согласие, с тех пор как погиб наш доблестный командир, капитан Сокинс. Уотлинг был человеком с благими помыслами и, заметив в тот день игру в кости, тут же выбросил их за борт».

Сам же мистер Рингоуз, охваченный религиозной страстью, незаметно ускользнул с корабля на берег и там ножом вырезал на стволе дерева крест со своими инициалами.

Но капитан Уотлинг, несмотря на свои благие намерения, не принес удачи пиратам; по его совету они возвратились в Арику, где им дали ожесточенный отпор. Многие были убиты, а новый командир «получил пулю в печеньку, от которой быстро и скончался».

Оставшейся горстке израненных солдат удалось пробиться к шлюпкам и столкнуть их в воду как раз в то время, когда на берегу показались испанские

⁸ Речь, скорее всего, идет о пумах. (Прим. ред.)

всадники. К несчастью, три судовых врача так напились, пока шло сражение, что не смогли дойти до лодок и были захвачены в плен.

Теперь несчастные и покорные буканьеры пришли к капитану Шарпу и стали умолять его принять вновь командование. Поначалу тот наотрез отказывался, но после долгих уговоров «наш добрый старый командир согласился».

Весь май ушел на тяжелую работу — переоборудование «Святой Троицы» для плавания к мысу Горн. Верхняя палуба была перестелена, мачты и бушприт укорочены, оснастка и паруса заштопаны. Оставшимся испанским пленникам дали небольшую шлюпку для возвращения домой. И только нескольких негров и индейцев оставили для работ на корабле. С этого места дневник в

Южная Америка, портулан Пири Рейса

основном содержит ежедневные сообщения о широте, долготе, о направлении и силе ветра. Изредка буканьерам улыбалась фортуна, тогда они захватывали трофеи.

10 июля пираты заметили парус и тут же пустились в погоню, настигнув его лишь к вечеру. «Сан-Педро» — буканьеры обнаружили 21 тысячу монет в восьми дубовых сундуках и еще 16 тысяч — в мешках, а кроме этого, еще и некое количество серебра. Это стало триумфом! Неделю спустя они также захватили почтово-пассажирское судно (пакетбот) с тремя пассажирами, мона-

О дальнейшей судьбе белых женщин неизвестно

х и двумя белыми женщинами. Об их дальнейшей судьбе мистер Рингроуз не упоминает.

А на следующий день буканьерам повстречалось большое испанское торговое судно, которое они в страхе приняли сначала за военный корабль, посланный за ними. Пираты дали по нему короткий залп, случайно убив капитана. Команда тут же сдалась сама. В трюмах «Святой Розари» и находилось много монет, в том числе и серебряных, а также 620 бутылок вина, что, несомненно, пришлось по нраву английским морякам. Они также захватили, по словам мистера Рингроуза, «самую прекрасную женщину, которую я когда-либо видел во всем южном море», но что с ней произошло дальше, неизвестно.

До декабря плавание продолжалось без особых происшествий, судно, борясь с непогодой, шло к мысу Горн. Рождество прошло спокойно. «К празднику мы закололи свинью, которую раздобыли ранее в заливе Никойя. Тогда это был молочный поросенок примерно трех недель от роду, но теперь он весил около 90 фунтов. Так что рождественский обед прошел у нас со свининой».

ОПРАВДАНИЕ

Буканьеры обогнули мыс Горн и медленно продвигались по Южной Атлантике, пока наконец 28 января, в субботу, не появились у Барбадоса. Остров выглядел гостеприимно. Но все планы расстроил «Ричмонд», фрегат его величества, и пираты без промедления решили убраться восвояси.

Несмотря на разочарование, мистер Рингроуз восклицает: «Здесь мне трудно выразить непередаваемую радость, охватившую нас при мысли о встрече с соотечественниками». К сожалению, соотечественники не разделяли его чувств.

Все споры и разногласия на борту «Святой Троицы» теперь прекратились. «Вся команда сделала добровольный подарок нашему дорогому командиру, капитану Шарпу, в знак уважения за то, что он обеспечил безопасность столь нелегкого и опасного плавания». После начался общий дележ оставшейся добычи.

30 января буканьеры наконец добрались до Антигуа, но здесь их не ждали. Послав на берег каноэ за табаком, а также за разрешением войти в порт, они получили категорический отказ губернатора, хотя «мелкопоместный и простой люд был рад нам».

Единственное, что оставалось измотанным путешественникам, — это идти в Невис, где им разрешили пристать к берегу. Здесь и разошлись их пути. Многие из экипажа промотали добычу, поэтому было решено отдать корабли им. Те же, у кого водились деньги, сошли на берег и отправились кто куда. Мистер Рингроуз с тринадцатью другими членами экипажа заплатили за проезд на корабле «Лиссабонский купец» под командованием капитана Роберта Портена и беспрепятственно высадились 26 марта 1682 года в Дартмуте. Что же касается доблестного капитана Шарпа и его хозяина Джона Кокса, то они также вернулись в Англию, для того чтобы «дать королю отчет о своих открытиях». Так пишет Кокс в своем журнале. В действительности же, по жалобе испанского посла их заключили в тюрьму за пиратство. Но при отсутствии прямых улик обоих подсудимых оправдали.

БАГАМСКИЙ РАЙ

Когда Порт-Ройял прекратил давать пристанище буканьерам, а в 1692 году вообще исчез после землетрясения, разбойники Вест-Индии вынуждены были искать другие места, где смогли бы продавать награбленное и ремонтировать суда. За исключением Ямайки, ни одно место не подходило им больше, чем Багамы. Этот архипелаг с островами всех форм и размеров занимал исключительно благоприятное положение для пиратского промысла. К тому же управлял им губернатор Роберт Кларк, многим обязанный пиратам и живший на острове Нью-Провиденс. Губернатор Кларк всегда был готов помочь своим любимцам.

Некоторые губернаторы даже выдавали капитанам пустые бланки, которые те могли заполнять по своему усмотрению. Но некоторые свидетельства давали их обладателям лишь право ловить рыбу, охотиться на дичь и крупных животных, многие расширяли свои полномочия.

Багамские острова

Согласно письменному свидетельству, один флибустьер, нападавший на испанские корабли, грабивший церкви и сжигавший дома, делал все это, имея на руках документ, выданный ему губернатором одного из датских островов, который сам в прошлом являлся пиратом. Это бесценное свидетельство, украшенное вычурным росчерком и внушительной печатью, написано было по-датски. Однажды кто-то, знавший язык, любопытствовал перевести его и обнаружил, что его владельцу разрешено... не более чем охотиться за козами и свиньями на Эспаньоле.

Стали появляться и другие пиратские пристанища, особенно в Новой Англии, где буканьерам всегда был обеспечен теплый прием и щедрое вознаграждение за их трофеи. Так пират, известный под именем Бреха, долгое время разорял корабли недалеко от Ямайки, а затем наведывался в Бостон, чтобы предложить купцам благословенной Новой Англии свою добычу: золото, серебро, драгоценные камни и какао. А те с нетерпением ожидали выгодный товар и с радостью снаряжали его в очередной вояж. Несколько лет Бреха процветал, пока в 1686 году не попал в руки испанцев, которые с удовольствием повесили его вместе с несколькими сообщниками.

НАБОЖНЫЕ РАЗБОЙНИКИ МОРЕЙ

Рассказ, вышедший из-под пера Пьера Лаба, иезуита, одного из главных авторитетов в жизнеописании буканьеров, интересен тем, что открывает нам невероятную черту характера, часто встречавшуюся у этого братства бродяг, — набожность. С этим необычным явлением нам уже приходилось сталкиваться, и оно еще не раз будет проявляться в самых невероятных формах.

Лаба, веселый священник, заводил друзей, где бы он ни был. Он питал большую привязанность к буканьерам Вест-Индии, хотя называл их обычно более определенным словом — «пираты». Его рассказ повествует о капитане Дениэле, пирате, который, испытывая недостаток продовольствия, однажды ночью бросил якорь у небольших островов, лежащих к югу от Эспаньолы. На берег высадилась группа людей и, не встретив сопротивления, захватила дом кюре. Священника и его домочадцев доставили на корабль, куда команда уже перенесла вино и цыплят. И тут капитану Дениэлу в голову пришла мысль, что можно с пользой провести время, если для команды будет проведено на корабле богослужение. Священник не осмелился отказаться, послали за священным сосудом и на корме соорудили импровизированный алтарь. Богослужение началось артиллерийской канонадой, затем раздались залпы в честь Бога, Небес, ордена бенедиктинцев, и закончилась служба в честь короля, после чего собравшиеся буканьеры от всего сердца воскликнули: «Да здравствует король!»

Слегка омрачил эту церемонию неприятный инцидент. Один из пиратов во время небесной молитвы повел себя неприлично, а когда капитан сделал ему выговор, ответил богохульством и нецензурной бранью. Дениэл молниеносно выхватил свой пистолет и прострелил тому голову, поклявшись Богом, что так будет с каждым, кто неуважительно отнесется к святым вещам. Священник сильно испугался. Но капитан, повернувшись к нему, решил пояснить: «Не беспокойся, отец! Это негодяй, уваливающий от своих обязанностей, и я наказал его по заслугам». Когда богослужение закончилось, тело несчастного буканьера выбросили за борт, а священника наградили за проповедь несколькими ценными подарками, включавшими и чернокожего раба.

Карта острова Эспаньола — пиратской базы

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ФЛИБУСТЬЕРОВ

Взятие Картахены

Последний раз флибустьеры появляются на авансцене истории в 1697 году. Все еще продолжалась война. Франция воевала с Испанией и Англией. Король Франции для штурма Картахены (Колумбия) поставил во главе мощного флота сира де Пуанти. Губернатору французского порта на Эспаньоле, другу и соучастнику флибустьеров Дюкасса, был отдан приказ созвать всех «вольных стрелков» под командование де Пуанти.

В марте объединенный королевско-флибустьерский флот отплыл от мыса Тибурон (Акулий) и 13 числа следующего месяца бросил якорь в двух лигах от Картахены. 650 флибустьеров отказались служить у надменного де Пуанти, который не скрывал презрения к союзникам, и встали под командование Дюкасса.

Город пал после 14-дневного артиллерийского обстрела. Трофеи были огромны: ходили слухи, что они оценивались в 20 миллионов фунтов стерлингов. И сразу начались трения между де Пуанти и флибустьерами. Главнокомандующий настаивал, что им следует выделить такую же небольшую долю денежного вознаграждения, какая гарантировалась и королевским солдатам. А флибустьеры требовали, чтобы всю добычу разделили поровну между всеми, как всегда было у них принято.

После долгих споров де Пуанти согласился распределить между флибустьерами сумму в 40 тысяч крон, и те уже хотели поднять мятеж, но благодаря усилиям Дюкасса успокоились. Сделка состоялась, после чего французский адмирал со своей эскадрой поспешно отплыл на родину. Он был рад поскорее расстаться с шумными, мятежными флибустьерами и не попасться при этом английскому флоту, который, как стало известно, рыскал в окрестных водах в поисках противника.

Флибустьеры же решили повернуть обратно в Картахену, чтобы слегка компенсировать ту малую часть, которую получили при дележе добычи. Дюкасс — единственный, кто сохранил влияние на огрубевших моряков, — слишком ослабел от болезни, чтобы воспрепятствовать им. Достигнув Картахены, флибустьеры в течение четырех дней бесчинствовали в городе, пытая несчастных жителей, дабы те отдали им последние драгоценности, грабили церкви и монастыри, добыв трофеев на несколько миллионов фунтов стерлингов, главным образом золотом и серебром. Чтобы разделить награбленное, они отправились к своему старому пристанищу на Коровьем острове, но по пути их настигло возмездие — они были атакованы объединенным флотом англичан и испанцев. Из девяти судов флибустьеров два, на борту которых находилась большая часть груза, были захвачены, еще два оттеснены к берегу, и только остальным удалось уплыть на Эспаньолу.

Дюкасс немедленно послал донесение французскому двору с жалобой на де Пуанти за плохое обращение с ним самим и флибустьерами, а также с требованием собственной отставки. Чтобы все остались довольны, король присвоил Дюкассу звание кавалера св. Людовика и отослал миллион четыреста тысяч франков флибустьерам. Понятно, что большая часть суммы не попала по назначению, ибо на пути к ним прошла через многие руки.

Можно сказать, что с захватом Картахены в 1697 году история флибустьеров подошла к своему финалу.

«Их величайшее значение в истории, — писал Дэвид Ханней, — заключается в том, что они открыли глаза всем на всю систему испано-американского управления и торговли, вначале показав ее недееспособность, а затем и вероятность перехода в другие руки. Их существование, наравне с другими причинами, способствовало появлению вест-индских владений Голландии, Англии и Франции».

Карта Картахены

ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ

Пираты, наводнившие большую группу островов между Китаем и Австралией, состояли из представителей двух народов — малайцев и даяков. К тому времени, когда малайцы захватили Борнео и соседние острова, они уже являлись опытными и умелыми пиратами, а местные жители — даяки — примитивными охотниками за черепами (занятие, присущее в этих краях только им). Каждый дееспособный мужчина-даяк собирал человеческие головы так же рьяно, как страстный коллекционер в наши дни собирает почтовые марки или монеты, и, подобно истинным коллекционерам, старался превзойти соседа и богатством, и разнообразием экземпляров. Но даяки достаточно быстро поняли преимущества массового пиратского промысла, к тому же выгода приумножалась тем, что появилась возможность собрать... еще больше черепов.

С ПОМОЩЬЮ КРИСА И АЛЛАХА

Большая часть пиратов сосредоточилась на Борнео, но и рядом лежащие острова не были обделены их вниманием. Хотя из дневника путешественника Уильяма Дампира известно, что пиратство получило распространение у народов, их населявших, довольно поздно. По крайней мере, он не упоминал об этом явлении, когда описывал свое шестимесячное пребывание среди аборигенов в племени илланун на островах Сулу в 1687 году. В то время это еще были очень мирные люди, но спустя всего сто лет илланунцы стали одними из самых кровожадных негодяев на всем архипелаге. В жестокости с ними могли сравниться лишь баланины, также обитавшие на архипелаге Сулу. Оба этих племени исповедовали магометанство, поэтому не боялись нападать на европейские корабли, никогда не щадя жизнь белого человека. (Вероятно, из-за того, что именно так с ними обходились испанцы.) Племена плавали на судах прау, похожих на средиземноморские галеры. Длина их превышала тридцать метров, у них имелось два ряда весел, за которыми сидели более ста невольников. На носу и корме стояли длинноствольные латунные пушки. По всей длине судна располагалась платформа, на которой во время сражения находились воины в алых туниках и кольчугах, а их головные уборы украшали перья. Кроме огнестрельного оружия, у них имелись копья, тяжелые двуручные мечи и малайские ножи — крисы. Зачастую туземный флот состоял из сотни прау под командованием одного-единственного предводителя.

Излюбленной разновидностью пиратства являлся захват пленных, ибо племена в совершенстве владели этим искусством. Волосатые папуасы Новой Гвинеи всегда были ходовым товаром, и многие из них, особенно женщины и дети, часто попадали в плен. Для разных рабов существовал свой рынок. Так, папуасов хорошо покупал раджа Ачина, в то время как пленников с юга Борнео продавали в Бруней. Но основной невольничий рынок находился на острове

Саранчани. Все красивые девочки, независимо от расы, отправлялись на батавийский рынок, где их покупали китайские поселенцы, которым по законам их страны не позволялось иметь рабынь-китайнок.

ПРИНЦ СРЕДИ ПИРАТОВ

Первым малайским пиратом, получившим известность, стал Рага. В течение семнадцати лет он господствовал в Макасарском проливе, между Борнео и Сулавеси, и был известен на всю округу как «принц пиратов». Рага отличался умом, коварством, жестокостью, размахом и дерзостью операций, а также совершенным равнодушием к человеческой жизни. Его пиратская банда была очень многочисленной, и он повсюду имел своих шпионов.

Рага предпринял несколько ширококомасштабных действий. Например, в 1813 году он захватил три английских корабля, собственноручно обезглавив их капитанов. Возмущенные подобной дерзостью, англичане направили два

военных шлюпа, чтобы выследить малайца. Некоторую помощь им оказывали голландские поселенцы в Батавии, которых Рага время от времени грабил.

Экспедиция проходила совсем не так, как было запланировано, ибо преследователи сами на время превратились в преследуемых. В три часа утра в тумане, под проливным дождем, капитан одного из прау заметил британский шлюп «Лось». Приняв его за купеческий корабль, пират решил атаковать. Когда до «Лося» оставалось метров двести, пираты дали бортовой залп и с громкими криками устремились к намеченной жертве. Они слишком поздно поняли свою ошибку. На шлюпе раздался призыв к бою, и пираты получили несколько бортовых залпов, сопровождаемых троекратным британским «Ура!». Хватило нескольких попаданий, чтобы потопить пиратское судно, и вся команда погибла. Уцелели лишь пятеро, которых спустя четверо суток подобрала туземные суденышки.

Узнав о случившемся, Рага пришел в бешенство и поклялся убивать всякого европейца, который попадет к нему в руки. Слово свое он сдержал. В последующие годы, вплоть до своей гибели, Рага захватил более сорока европейских кораблей. Были уничтожены все до единого члены команды, капитанов же он убивал собственными руками. Под контролем Раги находились двести пятьдесят миль побережья Сулавеси, от пятидесяти до ста кораблей стояли в бухтах и гаванях в полной боевой готовности. На вершинах прибрежных гор постоянно сидели наблюдатели, которые, завидев корабль, сообщали о нем взмахами белого флага днем и кострами — ночью.

Неустршимый путешественник господин Далтон имел смелость в 1830 году нанести визит Раге в его штаб-квартире в устье реки Перготтан. Смелчак не смог увидеть все, что хотелось, но ему было дозволено побродить по базару, на котором продавалась добыча с европейских и местных судов. Среди вещей, выставленных на продажу, господин Далтон увидел четыре Библии на английском, голландском и португальском языках, много европейской одежды, такой, как пиджаки, брюки, рубашки, несколько сломанных квадратов, телескопы и бинокли, куски корабельных парусов, великое множество оружейных и плотницких инструментов и запасных частей.

Любопытный гость заметил также несколько пар женских чулок, некоторые из них были помечены инициалами, те же буквы он обнаружил на двух женских сорочках. Две красные нижние фланелевые юбки — малопригодный для тропиков предмет одежды. Когда же мистер Далтон захотел узнать, кому принадлежат эти вещи, ему прозрачно намекнули, что для его же собственного блага лучше не лезть в чужие дела. Завернув за угол жилища раджи, Далтон встретил европейскую женщину, которая, заметив его, отвернулась и поспешно вбежала в дом, явно не желая, чтобы ее рассматривали.

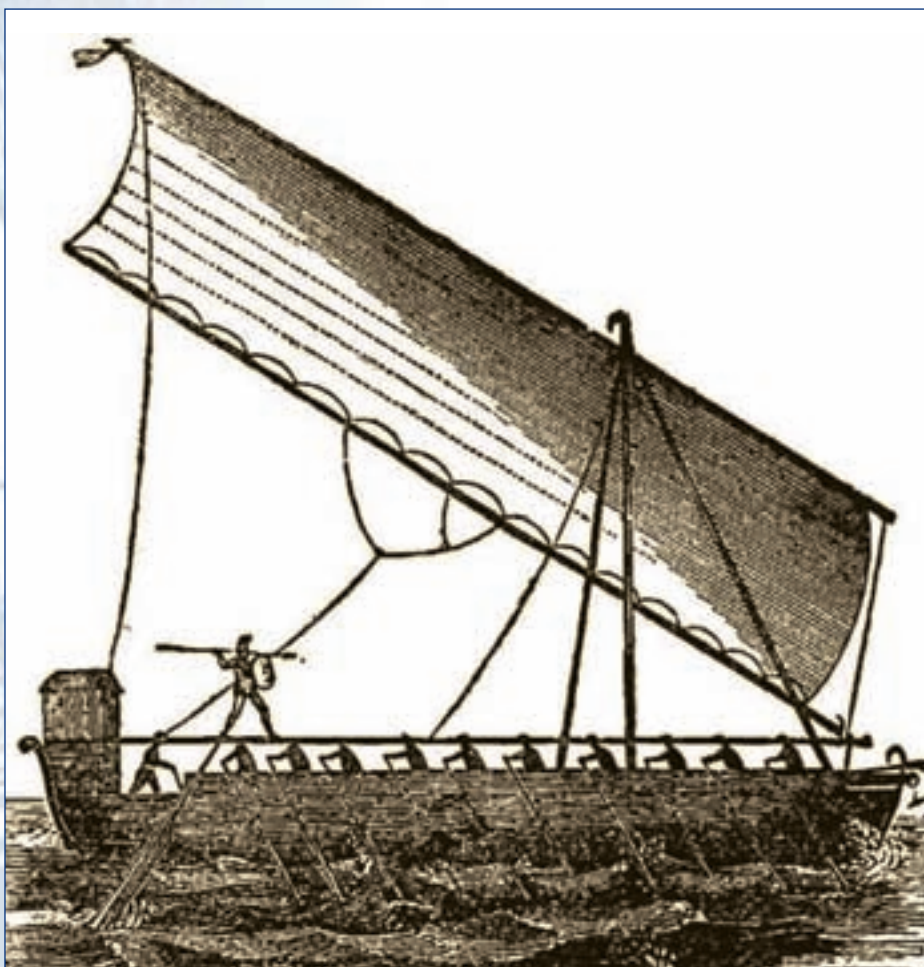

Малайский пират

КОНЕЦ РАГИ

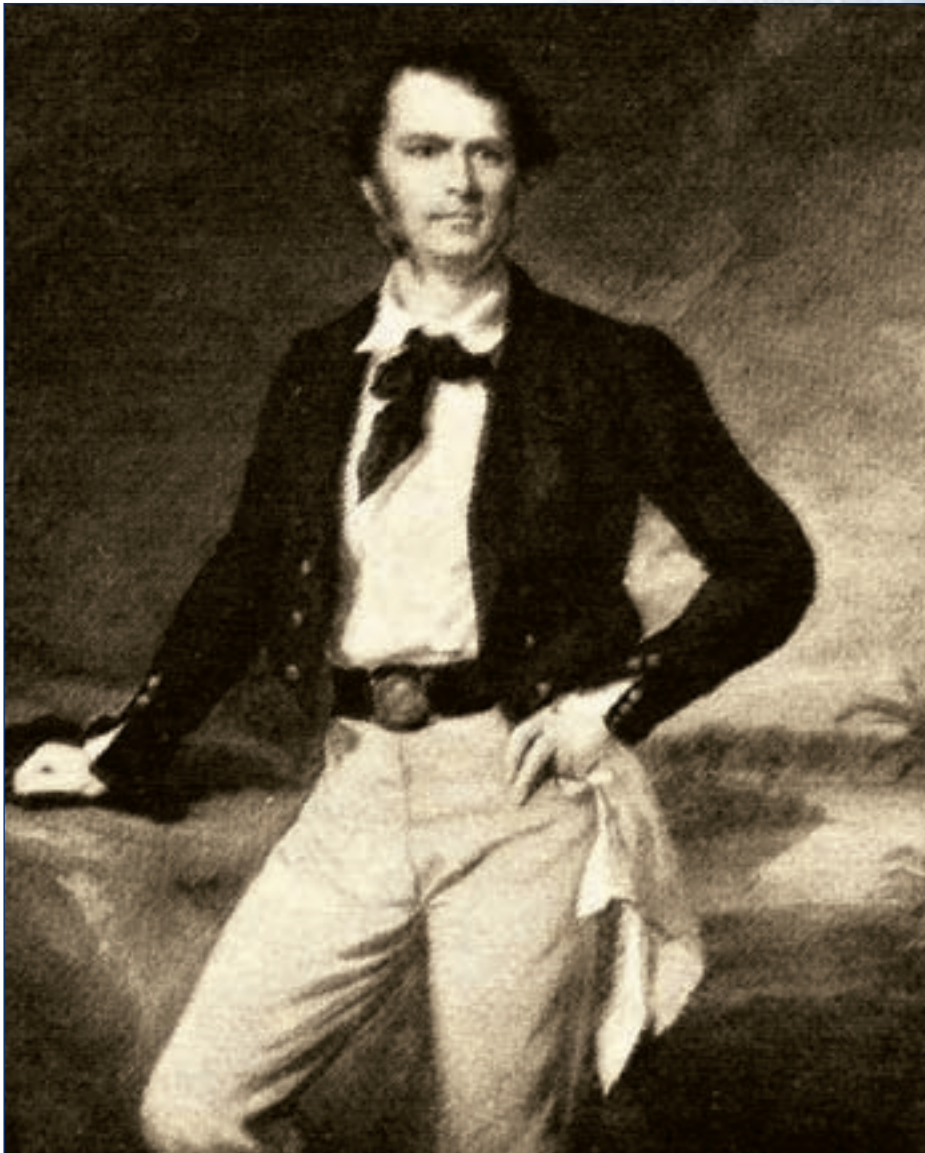
В следующем году Рагу настигло возмездие. Чашу терпения правительства США переполнила произошедшая трагедия. Американская шхуна «Дружба» из Сейлема бросила якорь в порту на западном побережье Суматры, чтобы принять груз перца. Вахтенных не было, на борту находилось множество мирных туземцев. Но вдруг поднялся переполох, началась схватка. Безоружную команду вырезали, и лишь полдюжины моряков, включая капитана Эндикотта, спаслись, уплыв в шлюпке.

Когда весть об этой трагедии достигла Соединенных Штатов, правительство немедленно отправило командора Даунса на фрегате «Потомак» наказать убийц. Прибыв в порт, военный корабль, замаскированный под купеческий, бросил якорь на внешнем рейде. Каждое судно, которое пыталось приблизиться к нему, задерживалось, дабы не раскрывать истинного предназначения корабля. Туземцев с этих суденышек запирали в трюм, где они и лежали, с минуты на минуту ожидая смерти. Ночью три сотни солдат под командованием бывшего офицера «Дружбы» высадились на берег к западу от города и неожиданно атаковали его укрепления. На рассвете, после кровопролитного сражения, десант взял их штурмом. Город был сожжен дотла. Местные жители, включая и женщин, отчаянно отбивались, многие из них отказались сдаться и были застрелены или порублены саблями.

Прау, корабль южных морей

БЕЛЫЙ РАДЖА

Сэр Джеймс Брук, раджа Саравака

Став раджой Саравака, наместник из Англии Джеймс Брук уже в 1842 году понял, что навести порядок на Борнео невозможно, поскольку пиратство пустило здесь очень глубокие корни. Надо было вырвать их. Первой задачей, которую поставил себе Брук, являлось истребление мерзавцев, которые не давали возможности по-настоящему заниматься торговлей и сельским хозяйством.

Поселения двух главных пиратских племен располагались по берегам рек Саребас и Сакарран. Именно саребасские малайцы и даяки, высокие, сильные и хорошо вооруженные, насчитывающие несколько тысяч человек, первыми привлекли внимание Брука. В 1843 году вместе с капитаном Генри Кэппелом, командующим британским военным кораблем «Каприз» и смешанной

евромалайской эскадрой, он поднялся вверх по реке и уничтожил все укрепления и поселения пиратов, которые попались на пути. Предводитель саребасов оказал отчаянное сопротивление, в результате чего многие англичане получили ранения. Мелкие же главари сдались без боя и дали священную клятву стать на путь истинный.

Годом позже Кэппел по настоятельной просьбе раджи Брука вернулся из Китая, чтобы оказать помощь в походе против сакарран, которые вышли на тропу войны. Сакарраны являлись более грозной силой, чем саребасы. Их военный флот насчитывал полторы сотни прау, а их предводитель, Серифф Сахиб, отличался хитростью и непомерной жестокостью.

В августе 1844 года карательная эскадра покинула Саравак, сопровождаемая артиллерийским салютом и возгласами туземцев, усеявших берега реки. Армада являла собой весьма любопытное зрелище. Первым шел вооруженный колесный пароход «Флегетон», за ним следовал британский корабль «Дидо» с эскортом катеров. Арьергард составляло множество сампанов и прау с орудиями и вопящими сараваками, влекомыми непреодолимой страстью к добычии черепов и предвкушавшими поживу.

На другой день с приливом флот поднялся вверх по реке Батанг-Лупари, бросил якоря напротив селения Патусен — цитадели племени сакарран. Крепость быстро пала, город разграбили и сожгли дотла. Флот поднялся еще выше по реке и проделал то же самое с другим селением, где обитал пиратский раджа Серифф Сахиб. За считанные часы был предан огню и превращен в пепелище город, в котором жили пять тысяч пиратов. Четыре крепости и несколько сотен лодок подверглись разрушению. Было захвачено шестьдесят латунных пушек, большое количество иного вооружения и амуниции. К вечеру каратели, усталые, но довольные удачным днем, возвратились на свои корабли, чтобы поужинать. Так всемогущий Серифф Сахиб, двадцать лет правивший пиратами, был разбит и, поджав хвост, бежал искать спасения в джунглях.

Пока буйные племена держали в узде, никаких хлопот с ними не было. Но стоило в 1848 году радже Бруку уехать в Англию, как вакханалия убийств и грабежей вспыхнула снова.

1 марта 1849 года грозный флот, насчитывающий от шестидесяти до ста саребасских прау, ведомый знаменитым предводителем Какиманой из Паку, пронесся по реке Садонг. Пираты не пренебрегали даже отдельными хижинами, попадавшимися им на пути, грабя и убивая жителей. Это случилось во время сбора урожая, когда дома находились только несчастные женщины и дети, которые становились легкой добычей пиратов.

Но дикари отличались трусостью, доказательством чему служили примеры, когда им оказывали хоть какое-то сопротивление. На одной ферме работники только что приступили к делу, когда вдруг из-за излучины реки появились прау. Владелец и двадцать семь его батраков успели убежать в дом. Втащив за собой лестницы (а все малайские дома строятся на сваях), они застрелили первых трех пиратов, высадившихся на берег. Остальные тут же разбежались.

Коварство пиратов соседствовало с хитростью. Самой удобной их добычей являлись женщины, неспособные оказать сопротивление. Упомянем случай, когда несколько разбойников остались на берегу, в то время как основные силы ушли. Переодевшись в платье своих жертв и прикрыв лица шляпами, которые носили крестьяне, они залезли в каноэ и поплыли вниз по реке. Пираты громко звали женщин на сандонском наречии, обещая отвезти их в безопасное место.

Во многих случаях коварная уловка срабатывала. Перепуганные женщины с детьми на руках бежали к пиратским каное, и головы несчастных падали к ногам кровожадных убийц.

Малайские девушки

Среди саребасов находился старый жестокий головорез-малаец по имени Данг-Донг. Он носил одежду даяков и использовал их обычай охотиться за черепами. Однажды, когда его банда грабила хижины крестьян, Данг-Донг заметил юную красавицу, пытавшуюся убежать в джунгли. Он бросился за ней, но поскольку, копье с тяжелым железным наконечником мешало ему, Данг-Донг воткнул его в землю, решив забрать на обратном пути. Пират быстро догнал девушку, схватил ее и, держа пронзительно визжавшую жертву на руках, вернулся к тому месту, где оставил копье. Но копья там не оказалось. Тогда он поспешил с добычей к своему судну, но тут же был пронзен в шею собственным же копьем, брошенным отцом жертвы.

После возвращения из Англии Брук немедленно собрал флот, который был полностью готов к походу против пиратов 24 июля 1849 года. В его состав входили британский бриг «Роялист», принадлежавший Ост-Индской компании, пароход «Немезида» с гичкой и баркасом, военный корабль «Альбатрос», а также несколько катеров, плавучая база «Рани» и три шлюпки с «Немезиды». Сам раджа Саравака, Джеймс Брук, отправился в поход на самой большой малайской прау «Король львов», команда которой состояла из семидесяти воинов и гребцов, а также у него имелись семнадцать прау меньшего размера. К радже присоединились и местные князьки, так что туземные силы в целом составляли семьдесят боевых прау с тремя с половиной тысячами воинов. «Немезида» буксировал все лодки к устью реки, за ним следовали туземные суда.

Захваченный пленник рассказал, что большой флот саребасов вышел в море за несколько часов до появления сил раджи Брука. Раджа решил устроить засаду и ждать возвращения неприятеля.

НЕМИНУЕМОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Раджа Брук со своим флотом караулил свою жертву трое суток, собирая подробные сведения о неприятеле. Стало известно, что у того имеется сто пятьдесят прау, на борту которых есть мушкеты и даже латунные пушки. На каждом прау находились от тридцати до семидесяти воинов. Разведчики сообщили, что пираты совершают грабительские набеги на берега северных рек и, среди прочего, разграбили и подожгли два торговых судна из Сингапура.

Наконец пришло известие, что пираты, прослышав, что белый раджа охотится за ними, спешат домой, не подозревая о ждущей их засаде. 31 июля, под вечер, пришло судно-разведчик, принесшее долгожданную весть о приближении пиратского флота. Через полчаса выпущенная ракета известила, что вражеская флотилия уже близко, и вскоре уже различался плеск весел, хотя сами суда еще не появились в поле зрения.

Когда пираты заметили пароход, то, осознав грозящую им опасность, ударили в гонг, что означало приказ главарям собраться на совет. Звуки гонга, взорвавшие тишину, смолкли, и в черной бездне тропической ночи воцарилось безмолвие. Вдруг грянул пронзительный боевой клич. И своим, и чужим стало ясно, что пираты решили принять бой.

Но врагам уже расставили ловушки. Катера и малайские прау выстроились большим полукругом, посреди которого находилось устье реки Саребас, куда и направлялся неприятельский флот.

Когда головная пиратская прау натолкнулась на них, раздался ружейный залп, посеявший панику. Пираты устроили беспорядочную пальбу. Вскоре восемьдесят неприятельских судов наскочили на мель, остальные устремились в открытое море.

Переполох и неразбериха, вызванные стрельбой, яркими вспышками залпов, голубыми огнями, зажженными на военных катерах, дабы отличать своих от врагов, ослепительный свет ракет, взлетающих в небо, пронзительные боевые кличи — все это составляло устрашающее и в то же время великолепное зрелище, усиленное темнотой и тем, что поле битвы занимало не менее десяти квадратных километров.

Когда наступил рассвет, стало ясно, что пираты полностью разгромлены. На морской отмели валялось шестьдесят брошенных прау, огромный пиратский флот превратился в обломки, прибой качал полузатопленные лодки. Вскоре были захвачены еще восемьдесят прау. Длина некоторых из них достигала 30 метров.

В ту ночь было убито и утонуло около восьмисот пиратов. Пленных было немного. И дело тут не в милосердии, которого не знали охотники за черепами. Падая в воду, пираты не расставались со своими саблями и щитами и ожесточенно отражали любые попытки вытащить их. Этим объяснялись многочисленные раны, полученные воинами раджи.

Если бы победители удовлетворились достигнутым и вернулись домой, пираты, несомненно, быстро бы восстановили свои силы и взялись за старое. Но на этот раз раджа Джеймс Брук решил покончить с пиратством раз и навсегда. Двое суток он размещал пленников в джунглях и уничтожал захваченные прау, в которых он не нуждался.

2 августа флот раджи поднялся вверх по реке Саребас. Маленький пароход «Рани» в сопровождении боевых лодок шел впереди, за ним следовало не-

сколько сотен туземных прау, команды которых так жаждали добычи, что их с трудом удерживали от грабежа. Пройдя милю или две, суда остановились, потому что реку перегородивали свежесрубленные деревья, связанные вместе веревками из коры ротанговой пальмы. Приходилось рубить узлы и оттаскивать стволы прочь, чтобы суда могли пройти. Все местные жители, оказавшие сопротивление, были убиты, а хижины бежавших — сожжены. Во многих домах в изобилии имелись трофеи — человеческие головы, в большинстве своем добытые совсем недавно.

Продвижение вверх по реке вскоре превратилось в триумфальный парад. Местные управляющие и старейшины поселений выходили из джунглей, чтобы сдаться радже Бруку, и заверяли его в своих намерениях вести себя в будущем миролюбиво.

Многие сдавшиеся в плен пираты представляли собой прекрасные образцы даякских мужчин. У них были длинные черные волосы и множество медных колец в ушах, на руках и ногах. Они выглядели живой иллюстрацией бытовавшего на Борнео поверья, согласно которому следовало остерегаться даяка, носившего много колец, поскольку он, несомненно, являлся членом банды головорезов.

19 августа флот снова вернулся в устье реки и направился с визитом к даякам Кановита, в больших количествах скупавшим награбленное добро. Эти богатые скупщики краденного жили в двух огромных хижинах, стоявших на сорокафутовых сваях. В них проживало до полутора тысяч человек и хранилось множество различных товаров. В наказание за их деятельность у торговцев отобрали латунные пушки и медные кувшины. Все это впоследствии было продано раджей Бруком на общественных торгах в Сараваке, а вырученные деньги по его приказанию отдали тем, кто брал пленных живьем и не причинял им вреда. Так он надеялся подтолкнуть дикарей, особенно охотников за черепами, к более гуманным способам ведения войны.

24 августа победитель вернулся на Саравак. Благодаря Джеймсу Бруку север Борнео был полностью и навсегда освобожден от пиратов.

Саравак, освобожденный от пиратов

ПОД ЗНАКОМ ЮЖНОГО КРЕСТА

Пиратство у западного побережья Африки расцвело сравнительно поздно. После путешествия Васко да Гамы в 1498 году устойчивые торговые пути между Португалией и Востоком пролегали через мыс Доброй Надежды. Письменные упоминания о пиратских разбоях на этих маршрутах были весьма неопределенными вплоть до XVIII века, когда вышла в свет книга Джонсона «История пиратства», где описывалось, как морские разбойники промышляли в этих водах, спасаясь от преследования властей.

Но самая прославленная личность на восточном пути в Индию появилась в XIX веке. Ею стал Бенито де Сото (не путайте с Бернардо де Сото, известным по кораблю «Панда»), уроженец Коруньи. Он был помощником капитана невольничьего корабля «Спаситель Петр», совершавшего в ноябре 1827 года рейс из Буэнос-Айреса в Гвинею. Капитаном этого корабля являлся офицер португальского королевского флота дон Педро де Мария де Суза Сармиенто, который вынужденно принял в Бразилии на борт команду из сорока человек. А когда он узнал, что половина из них — кубинские пираты, было уже слишком поздно.

Не успели выйти в море, как де Сото начал подстрекать приятелей. Он выяснил, что многие из них согласны с его идеей захватить корабль, чтобы вновь заняться разбоем. Такая возможность представилась в январе, когда капитан с первым помощником и некоторыми из членов команды, не знавшими о заговоре, находились на гвинейском берегу. Тех же, кто остался на борту и отказался присоединиться к мятежникам, посадили в утлую лодчонку и пустили по воле волн. К сожалению, все они утонули.

ЧЕРНЫЕ ДЕЛА НА «УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЕ»

Де Сото переименовал корабль в «Черный юмор» и направился к острову Вознесения. 13 февраля 1828 года на горизонте показалась «Утренняя звезда» под командованием капитана Саули, возвращавшаяся с Цейлона в Англию. Кроме ценного груза корицы и кофе на ее борту имелось большое количество пассажиров, включая двадцать пять английских солдат, списанных со службы домой, их жен и несколько гражданских лиц. Владельцем корабля был кватер Тиндал, который из-за своих миролюбивых принципов отказался вооружать судно.

Хотя «Утренняя звезда» обладала хорошими мореходными характеристиками, «Черный юмор» превосходил ее и, настигнув, дал предупредительный залп, приказывая остановиться. Капитан Саули хотел было проигнорировать это требование, но, когда ливнем посыпалась картечь, посчитал, что разумнее подчиниться. Тем временем пираты спустили английский флаг, и его место заняло знамя Колумбии. Де Сото приказал привезти на шлюпке капитана со всеми его бумагами. Но вместо него прибыл его второй помощник с тремя солдатами. Ступив на палубу, они застали де Сото в ярости: он и так долго гнался за «Утренней звездой», а тут его еще посмели ослушаться. Де Сото приказал им тотчас же возвращаться и привезти капитана, иначе его артиллеристы потопят корабль.

Когда прибыл капитан Саули, его тут же казнили, а его спутников взяли под стражу. Де Сото послал француза Барбазона с матросами на захваченный корабль, дабы убить остальных.

Приказ был выполнен в точности, но все же некоторым удалось спастись, укрывшись под палубой. А в это время наверху происходил настоящий ад. С криками и ругательствами пираты рубили направо и налево команду и оставшихся пассажиров. Затем собрали деньги, столовое серебро, драгоценности, навигационные приборы и все, что представляло хоть какую-либо ценность. Добычу отправили на «Черный юмор», а сами решили расслабиться, приказав

слуге принести в каюту еды и вина. Пьяная трапеза быстро превратилась в кровавую оргию, сопровождавшуюся насилием, и только появление де Сото положило этому конец. Его сердитый голос перекрыл визг женщин, которых силой притащили в каюту, и шум в трюме, где добивали мужчин.

События на «Черном юморе» потрясли Англию начала XIX века

Перед уходом Барбазон перерубил всю оснастку «Утренней звезды», перепилил мачты и продырявил днище корабля. Когда последний пират покинул судно и «Черный юмор» скрылся за горизонтом, спасшиеся от смерти женщины и мужчины оказались в безнадежном положении. Корабль быстро наполнялся водой, и казалось, что все оставшиеся на нем избежали жуткой смерти лишь для того, чтобы встретить смерть иную. Но providение благоволило им. Без остановки работая помпами, им удалось удержать судно на плаву до следующего утра, когда на помощь пришло другое английское судно, тоже возвращавшееся домой.

«ПРОПОВЕДНИК» С КРОВАВЫМ ПРОШЛЫМ

Инцидент наделал много шума не только в Англии, но и по всей Европе. Торговые корабли стали вооружаться более основательно.

А де Сото тем временем продолжал заниматься своим промыслом: захватил несколько кораблей близ Азорских островов, неизменно топя их и убивая всю команду. «Черный юмор» нагонял на всех такой страх, что все торговые суда, возвращавшиеся в Европу из Индии, собирались у острова Святой Елены, и уже все вместе шли эскадрой, защищая друг друга.

Наконец пираты награбили так много, что решили отправиться в Испанию, дабы продать добычу и немного развлечься. В своем родном порту Корунья де Сото обзавелся фальшивыми документами и уже с ними последовал в Кадис, где хотел с выгодой сбить награбленное. «Черный юмор» подошел к городу ночью и стал на якорь, намереваясь войти в гавань на рассвете. Но восточный ветер стал быстро прибывать их к суше. Корабль гнало на скалы, однако с рассветом ветер утих, и экипаж смог подойти к берегу на шлюпках.

Де Сото разработал новый план, предложив своим людям легенду, которую, по его мнению, должны были принять официальные власти Кадиса. Пиратам надлежало выдать себя за честных купцов, потерпевших кораблекрушение. Капитан якобы погиб, и они хотят всего лишь распродать то, что осталось после катастрофы. В Кадисе их представили офицеру морского ведомства, который весьма благосклонно выслушал пиратов. Вскоре де Сото нашел и купца, который пожелал заплатить за их скарб около двух тысяч. Договор подписали по всем правилам, но деньги еще не уплатили, как вдруг пираты начали требовать больше. Подобная непоследовательность вызвала подозрения, и шестерых арестовали. Де Сото с одним из членов команды вовремя скрылся, найдя убежище на нейтральной полосе между Испанией и Гибралтаром.

Как только шумная погоня за беглецами прекратилась, де Сото явился в гарнизон — в гриме и с фальшивым паспортом и поселился в небольшой таверне. Чувствуя себя в Гибралтаре в безопасности, он вел себя совсем как добропорядочный гражданин. По словам современников, «он шикарно одевался. Обычно носил белую шляпу лучшего английского образца, шелковые носки, белые брюки и голубой сюртук. У него были большие пушистые бакенбарды, черные, густые, длинные да к тому же выющиеся волосы. Обликом он напоминал лондонского проповедника, наделенного даром пророка. Кожа его загорела, а весь облик и походка выдавали смелую, предприимчивую и отчаянную натуру».

Первым человеком, заподозрившим, что с лихим приезжим не все ладно, стала горничная в таверне. Она рассказала своему хозяину, что, прибирая постель этого джентльмена, она каждое утро находит под его подушкой кинжал. Когда обыскали комнату, то нашли компрометирующие вещи, среди которых — сундук для одежды, помеченный маркировкой «Утренней звезды», и карманная книжка с пометками капитана того же судна. Де Сото тут же был арестован, отведен к губернатору, признан виновным и приговорен к смерти.

Вплоть до дня казни пират утверждал, что невиновен, но в конце концов впал в религиозный экстаз, сознался во всех своих преступлениях и покаялся. Вот как описывает его казнь очевидец:

«Кажется, никогда не было более истово кающегося человека, чем он. И все же его губы не тряслись от страха, он твердо шел за этой последней в его жизни повозкой, то глядя на свой гроб, покоящийся на ней, то на распятие, которое держал в руках. Какие-то благочестивые слова слетали с его уст, он повторял молитвы, слышанные когда-то от церковников, и, казалось, был равнодушен ко всему, кроме мыслей о потустороннем мире».

Когда процессия достигла виселицы у воды, пират взобрался на повозку, но обнаружив, что веревка слишком коротка, вспрыгнул на свой гроб и сунул голову в петлю. Потом, увидев, как двинулась телега, выкрикнул: «Прощайте все!» Таким стал конец кровожадного пирата Бенито де Сото.

УДОБНОЕ ГНЕЗДЫШКО

Для плывущих восточным путем в Индию опасности встретить пиратов к югу от острова Святой Елены почти не было. Но, миновав мыс Доброй Надежды, следовало плыть строго на восток, чтобы оставить в стороне другое пиратское логово — остров Мадагаскар. Потом уже мореплавателям ничто не грозило до самого конца, за исключением опасной пятидесятимильной полосы у Малабарского берега.

В 1718 году экспедиция капитана Вудса Роджерса к острову Нью-Провиденс на Багамах разорила это зловещее пиратское гнездо. Кое-кого повесили, другим (около двух тысяч человек) даровали королевское прощение, когда те сдались властям. Несколько отъявленных злодеев, однако, уплыли на восток и обосновались на Мадагаскаре, вскоре превратившемся в крупное пиратское пристанище.

К 1721 году захват британских кораблей, особенно принадлежавших Ост-Индской компании, стал причинять столь серьезный ущерб, что английское правительство послало эскадру, чтобы положить конец бесчинствам. Выбор командира оказался более чем неудачен. Командор Томас Метьюз обладал единственным положительным качеством — смелостью, но был «лишен здравого смысла, хороших манер и жизненного опыта». Кроме недостатка ума ему были присущи грубость и непорядочность. В поисках пиратов Метьюз на «Льве» зашел в залив святого Августина на Мадагаскаре. Бегло осмотрев место и не дождавшись двух других кораблей — «Солсбери» и «Эксетера», идущих ему на помощь, адмирал отбыл в Бомбей. А перед этим оставил аборигенам письмо для капитана «Солсбери» Кокберна, в котором подробно изложил план действий эскадры. Не успел он скрыться из виду, как появились два знаменитых пирата, Тэйлор и Ля Буше. Они прочли письмо и тотчас же предупредили всех окрестных морских разбойников.

По прибытии в Бомбей Метьюз затеял ссору с губернатором по поводу того, кому первому начинать салют. Его невыносимое поведение оскорбило представителей Ост-Индской компании, к тому же редкий день обходился без дуэлей между его офицерами и бомбейскими моряками. Между тем уже был готов план совместного англо-португальского нападения на великого пирата Ангрия. Но в огромной степени по вине Метьюза план провалился.

После подобного фиаско Метьюз оставил пиратов в покое и посвятил себя частной торговле. В течение года он плывал вдоль побережья, ссорясь со всеми, кого встречал на своем пути, а затем решил возвратиться на Мадагаскар, чтобы выполнить тот приказ, с которым его сюда и послали.

Добравшись до залива Карпентера на острове Маврикий, Метьюз обнаружил послание от пиратов, «написанное на могиле капитана Карпентера куском древесного угля», где говорилось, что они устали ждать его и отбыли в Форт-Дофин.

«Это заставило нас поспешить в этот порт со всей возможной быстротой, — пишет Клемент Даунинг в своей «Истории индийских войн», изданной в 1737 году, — в надежде встретить их там. Ведь было известно, что пираты владели огромными сокровищами, и тогда отвага и смелость воспылали в сердце каждого мужчины и юноши во всей эскадре».

Продав немало араки — водки из риса или сока пальмы, за которую французы щедро платили, эскадра добралась до мыса Святой Марии. Пиратов там не оказалось, зато имелись в изобилии обломки торговых судов, а пляжные отдели были усеяны китайскими изделиями и специями так, что в некоторых местах моряки бродили по колено в россыпях корицы, гвоздики, перца. Затем прибыл местный король в сопровождении двух своих дочерей, которые были приглашены на борт.

«Король предложил капитану дочерей в качестве подарка, как было принято в обхождении местных жителей с пиратами. Для них ведь все мы на одно лицо. Хотя капитан отказался от такого дара, дам приняли два офицера, которые дорого заплатили за такую честь. Один из них погиб, а здоровье другого оказалось изрядно подпорчено».

Король заставил английских офицеров поклясться в дружбе, выпив с ними стакан морской воды, смешанной с порохом.

«Этому он научился у пиратов».

БЕЛЫЙ ПИРАТ

Другим экзотическим посетителем, который пришел засвидетельствовать свое почтение, оказался белый пират по имени Джеймс Плантейн, родившийся в Шоколадной Дыре на Ямайке. Он явился при полном вооружении с охраной из двадцати туземцев. Ему принадлежал огромный надел среди полей и лесов, а сам он слыл среди аборигенов королем бухты Рантерз. От него Метьюз получил интересную информацию, что известный пират Тэйлор, за которым он охотился, прячется где-то на суше — подальше от моря. Вместо того чтобы арестовать Плантейна, Метьюз выгодно продал ему краденые шляпы, ботинки, чулки и араку, за которые король бухты Рантерз заплатил золотом и алмазами.

«Несмотря на свою дурную пиратскую славу, Джеймс Плантейн оказался более честным, нежели Метьюз. Щедро заплатив за купленные вещи, он оставил на время бочонки с вином и аракой на берегу под присмотром небольшого отряда. Но не успел он скрыться, как Метьюз погрузил в лодки все спиртное, за которое ему уже заплатили, а также туземцев, охранявших его, и отплыл. После столь «удачной» сделки он направился в Бенгалию, утешая себя мыслью, что совсем не похож на этих подлых пиратов, которые, совершив столь много злодеяний, обращаются к Небесам за отпущением грехов».

Сколотив состояние на пиратстве, Джеймс Плантейн вернулся на Мадагаскар и поселился в укрепленном замке вместе с шотландцем и датчанином. Его полное жизнеописание дано Клементом Даунингом, но мы ограничимся здесь лишь несколькими штрихами.

Уже в ранней юности в Джеймсе проснулся дух бродяжничества, нетерпимый к любым ограничениям. Дух этот, вкупе с любовью к морю, вскоре помог Плантейну обрести свое истинное призвание. Начав свою карьеру на Род-Айленде, молодой Плантейн несколько лет провел в учении у знатока морского дела капитана «Грозы» Джона Уильямса. Они вместе отправились в Гвинею, где присоединились к другим пиратам, захватив много ценной добычи.

Между сторонниками пиратских капитанов Ингланда и Робертса вспыхнула ссора из-за того, куда идти дальше, и в конце концов они разделились. Плантейн вместе с Ингландом поплыл на «Фантазии» к Мадагаскару, где пиратов радушно принял местный царек. После небольшой остановки они двинулись к Кейптауну, где с удивлением обнаружили два корабля Ост-Индской компании — «Кассандру» и «Гринвич». Первым командовал капитан Мокри, вторым — капитан Кэрби. Они направлялись в Бомбей, везя огромные денежные средства — ежегодные инвестиции, — и зашли за водой. Заметив пиратские корабли, капитаны решили напасть на них и уже предвкушали щедрое вознаграждение от компании за захват двух таких знаменитых пиратов, как Ингланд и Тэйлор. Отдав швартовы, корабли Ост-Индской компании вышли в море. Сражение началось на следующее утро, когда подул ветер. На грот-мачте пиратов реял черный флаг с черепом и костями, на фок-мачте — красное полотнище с Крестом святого Георгия. Мокри открыл огонь, но, к своему удивлению и негодованию, увидел, что «Гринвич» уплывает прочь, оставляя его в одиночку сражаться с приближающимся неприятелем.

Хотя Мокри командовал новым отличным судном и имел команду из первоклассных бойцов, все же противник был слишком силен для него. После ожесточенного трехчасового артиллерийского обстрела капитан обнаружил, что сможет спастись, только если доберется вплавь до берега. На «Кассандре» уже погибли тринадцать человек и двадцать четыре, включая отважного капитана, были ранены. Кто умел плавать, добрались до суши, а тяжелораненые, покинув судно, были зарублены пиратами. Мокри и спасшиеся с ним люди поспешили подальше от берега, где их любезно приняли туземцы, отказавшись выдать несчастных головорезам.

Спустя несколько дней, пираты сменили гнев на милость. Несомненно, одной из причин тому явился захват прекрасного новенького корабля, на борту которого находилось семьдесят пять тысяч фунтов стерлингов. Мокри предложил мир, и Инглэнд, как и большинство пиратов, любезно принял капитана. Но жаждавшие крови сторонники Тэйлора предлагали застрелить его. Началась ссора. И тут вперед вышел вооруженный до зубов пират свирепого вида, похожий на Джона Сильвера из «Острова сокровищ» Стивенсона. У него имелись «ужасного вида бакенбарды и деревянная нога». Он принялся красноречиво убеждать товарищей пощадить Мокри и, взяв того за руку, пообещал сделать отбивную из любого, кто его тронет. Он уверял, что Мокри — честный малый, поскольку уже плавал с ним и знает это наверняка.

После долгих разговоров и обильных возлияний было даже решено вернуть Мокри его «Кассандру» и отпустить их с миром, отчего Тэйлор пришел в ярость.

Так, после страшных тягот и лишений, оборванные и голодные, матросы Мокри спустя лишь сорок восемь суток прибыли, наконец, в Бомбей.

А пираты тем временем поплыли к Малабарскому берегу, где захватили несколько больших португальских и мавританских судов, которые пригнали обратно на Мадагаскар. Здесь они перехватили письмо, оставленное Метьюзом, о котором мы вам уже сообщали чуть раньше, и сочли за лучшее на время отсидеться в безопасном месте.

ГАРЕМ ПЛАНТЕЙНА

Джеймс Плантейн, ставший теперь богатым человеком, решил уйти на покой. Он построил крепость, поселился там и стал править, взяв себе титул короля бухты Рантерз. Местное население очень любило его, слагало в его честь песни и с удовольствием распевало их. У Плантейна даже имелась маленькая армия из туземных солдат, с помощью которых он угонял скот у соседних царьков.

Плантейн имел много жен, держал их в ежовых рукавицах и называл на английский манер: Молли, Кэтти, Сьюзи, Пэг.. Он одевал их в роскошные шелка и одаривал алмазными ожерельями. Но, даже имея такой гарем, король бухты Рантерз влюбленными и завистливыми глазами смотрел на внучку короля мессалегов — туземного правителя, жившего по соседству.

Мадагаскарский рай Джеймса Плантейна

В жилах принцессы текла кровь белого человека, потому что, по слухам, она являлась дочерью английского пирата. Ее нарекли Элеонорой Браун в честь отца. Девушка имела изысканные манеры и немного говорила по-английски. Даунинг, встречавший ее и Плантейна, сообщает нам, что последний, «страстно желая заполучить английскую леди, отправил к королю мессалегов, которого пираты называли королем Диком, делегацию с просьбой отдать в жены его внучку».

Король Дик наотрез ему отказал, и, ослепленный страстью, Плантейн развязал с ним кровавую войну. Война принесла бывшему пирату победу, а всем его белым пленникам — ужасные страдания. Но его ждало некоторое разочарование, так как «дама, из-за которой началась война, имела ребенка от одного англичанина, которого в свое время убил Плантейн. Это до такой степени взбесило Джеймса, что он приказал жестоко умертвить короля Дика». Предав огню и разграбив владения погибшего монарха, Плантейн возвратился в бухту Рантерз, «захватив с собой и даму, которую считал главным трофеем. Несмотря на то что она была с ребенком, он с любовью принял ее».

Безусловно, Элеонора Браун стала не просто женой пирата с Мадагаскара. Ее покойный отец «обучил ее молитвам Господу, Десяти Заповедям и обратился в христианскую веру». Все это, должно быть, очень радовало Джеймса Плантейна. Прибыв в крепость, он устроил пышный праздник и отдал в руки Элеоноры все свое хозяйство, выгнав нескольких прежних жен. Семейная жизнь Плантейна была идиллична. Королева бухты Рантерз часто беседовала с мужем на религиозные темы, расспрашивала его о Боге и просила читать ей утренние и вечерние молитвы. По этому поводу Плантейн говорил, что заполучил набожную жену, но, наверное, это и к лучшему. Он щедро одаривал супругу прекрасными драгоценными камнями и алмазами и даже приставил к ней двадцать девушек-рабынь в качестве служанок.

Король бухты Рантерз стремился стать королем всего Мадагаскара и, по сути, добился своего после многочисленных кровавых и жестоких войн. Неудивительно, что по этому случаю «он устроил многочисленные пышные увеселения, на которые пригласил всех голландцев, французов и англичан, живущих на острове». Среди гостей был и капитан Ингленд, который «в то время был очень слаб и не протянул после этого и месяца. Говорят, что он умер из-за жестоких угрызений совести, поскольку вел порочную жизнь». Хотя наш историк и добавляет, что «подобное редко встречается с такими людьми».

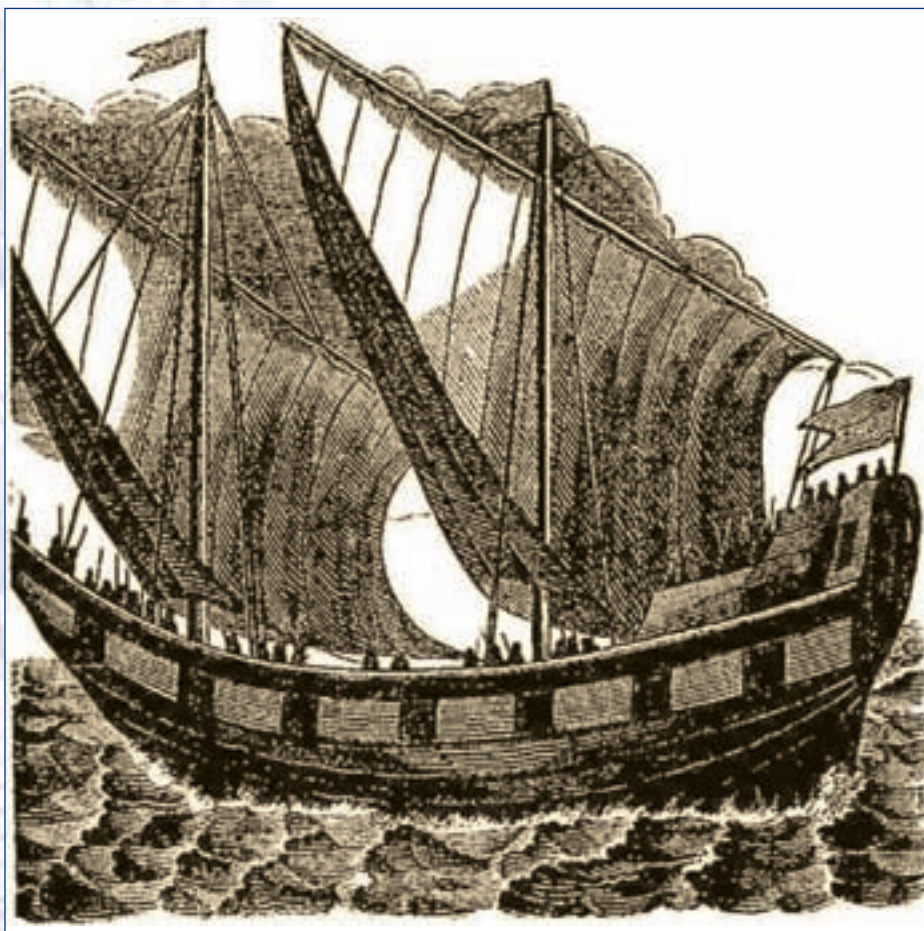
Новый король Мадагаскара «вскоре устал править и решил раздать свои земли туземцам». В действительности же, Плантейн просто предчувствовал смуту. Поэтому построил шлюп и отплыл к Малабарскому берегу, где его радушно принял Ангриа, который, «зная, какую жизнь вел Плантейн и как отважен он был в сражениях, устроил ему пышную встречу».

Больше нам ничего не известно об этом замечательном персонаже. То ли он умер от болезней, то ли спился. А может быть, скончался от ран, полученных на службе у Англии. Или выжил и вернулся на Ямайку, в Шоколадную Дыру. Это навсегда останется тайной.

СТРАШНЫЙ БЕРЕГ

На востоке Аравия заканчивается большим полуостровом Оман, который омывается с севера водами Персидского залива, соединенного с Аравийским морем узким Ормузским проливом. Если плыть сюда из Оманского залива, то по левому борту вы увидите низкое равнинное побережье, много столетий известное мореплавателям как страшный Пиратский Берег, который простирается километров на двести.

Эти воды, по всей вероятности, являлись колыбелью мореплавания и, следовательно, пиратства. В силу географического положения пролив стал связующим звеном в торговле между Востоком и Западом. Именно оманские арабы указали купцам путь из Индии в Аравию. Об этих связях упоминается в дошедших до наших дней письменных источниках Ниневии, Вавилона и Египта, датированных примерно V тысячелетием до н. э. Местные рыбаки-арабы постепенно на небольших гребных или парусных судах продвигались все дальше и дальше вдоль Аравийского побережья. По мере обучения кораблестроительному и навигационному делу, они отваживались выходить в открытое море и в конечном счете добрались до отдаленных стран.

Воды Индийского океана бороздили самые разные суда

СВИРЕПЫЕ ЖОАСМИ

К IX столетию арабы Маската уже торговали с Китаем и имели свои купеческие поселения в таких дальних краях, как Сиам, Ява и Суматра. Они привозили в Персидский залив специи, ладан, шелка и другие предметы роскоши с Дальнего Востока. Именно оманские арабы снабдили египтян миррой и различными снадобьями для бальзамирования умерших.

Купеческий товар из Индии перегружался на суда в Омане, затем следовал по Персидскому заливу, а дальше по Евфрату двигался к Вавилону и доставлялся караванами через пустыню к Средиземному морю. Последняя часть торгового пути контролировалась финикийцами, которые также являлись древнейшими мореплавателями, хотя арабы начали бороздить моря за тысячелетия до них.

Лишь гораздо позднее, примерно в V веке до н. э., Красное море стало составлять серьезную конкуренцию Персидскому заливу как торговый путь, по которому восточные товары доставлялись в Европу.

На Пиратском Берегу промышляло несколько морских банд, самыми могущественными и влиятельными из которых являлись свирепые жоасми. Впервые европейцы познакомились с ними в XVI столетии. Тогда португальские купеческие суда приплывали в Персидский залив через Ормузский пролив.

Понятно, почему этот берег, изобилующий бухтами, лагунами, укрытиями и населенный людьми с ярко выраженными хищническими инстинктами, стал гнездом морских разбойников, едва здесь начали появляться заморские суда. Главным городом жоасми был Рас-эль-Хайм, который вплоть до XIX столетия оставался одним из последних центров работорговли.

Жоасми перестали ограничиваться местными разбоями в декабре 1778 года. Тогда они на шести доу (одномачтовое каботажное судно) напали в Персидском заливе на английский корабль с правительственными документами на борту. После яростной битвы, длившейся трое суток, пираты захватили корабль и привели его в Рас-эль-Хайм. Ободренные успехом, они повторили нападение в следующем году, на этот раз захватив уже два английских судна.

В октябре 1797 года их презрение к европейцам выразилось в дерзком нападении, теперь уже не на беззащитных купцов, а на английский крейсер «Гадюка», стоявший на якоре в заливе Бушир. Недалеко находились пиратские доу. Адмирал жоасми вызвал из города агента Ост-Индской компании. Многократно заверив его в своей дружбе, адмирал попросил пороха и ядер. Не блиставший умом агент компании приказал капитану «Гадюки» Карузерсу доставить все требуемое. Едва получив порох, пираты открыли пальбу по англичанам. Команда «Гадюки» завтракала в трюме, но матросы тотчас выпали на палубу и перерубили якорный канат, получив, таким образом, свободу маневра. Завязалось отчаянное сражение, в котором в числе первых был ранен капитан Карузерс. Ядро угодило ему в поясницу, но «он повязал платок вокруг талии и остался на палубе, пока следующее ядро не свалило его, попав прямо в лоб». Командование кораблем принял гардемарин Солтер, который продолжал драться с пиратами и обратил их доу в бегство. Из шестидесяти пяти членов команды «Гадюки» в ожесточенной схватке было потеряно убитыми и ранеными тридцать два человека. Англичане едва избежали плена.

Весьма примечательно, что власти не расследовали это вероломное нападение и не сделали ничего, чтобы покарать пиратов. Если бы они поддержали героическую команду «Гадюки», корсарам тут же пришел бы конец. Хотя бандиты и получили урок, который запомнили на много лет, равнодушие Ост-Индской компании и ее неспособность дать отпор привели к тому, что случай этот был забыт, а в итоге пропало еще много кораблей с ценным грузом и погубило немало людей.

Король Омана являлся сильным правителем и ему удавалось удерживать местные племена от пиратства лучше, чем бомбейским властям. Но в сентябре 1804 года он отправился в морское путешествие. В Персидском заливе король пересел в небольшую арабскую лодку, для того чтобы высадиться на берег в Басидоре. Его же кораблям надлежало медленно двигаться дальше. Однако возле самого берега из залива вдруг вышли три доу и напали на лодку султана. Он сам и несколько его слуг были убиты, а пираты ускользнули, прежде чем маскатский флот успел развернуться и прийти на помощь своему правителю.

ДОУ ПРОТИВ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

После смерти султана в Персидском заливе наступили смутные времена. Никто больше не сдерживал жоасми, и они обнаглели до крайности. После целого ряда преступлений, в том числе захвата и потопления множества английских кораблей и истребления их команд, капитан Дэвид Сеттон, дипломатический представитель в Маскате, заставил местное правительство выслать вооруженные соединения для подавления жоасми. Капитан Сеттон сам возглавил арабский флот, который блокировал пиратов на острове Кишм, вынудив их сдаться. После длительных переговоров в 1806 году между властями Бомбея и жоасми был заключен договор, по которому пираты обязались не нападать на британские корабли в обмен на разрешение торговать в английских портах от Сурата до Бенгалии.

Но скоро стало ясно, что договору грош цена. Четыре пиратских доу напали на судно компании. Три из них были арестованы в Сурате, их команды отправили в Бомбей и признали виновными, но тем не менее освободили. Воспользовавшись нерешительностью бомбейских властей, жоасми захватили сразу двадцать местных судов, отогнали их в Персидский залив и присоединили к пиратскому флоту. Теперь он состоял из пятидесяти кораблей и был готов совершать новые бесчинства в Индийском океане.

Пираты уже совсем не боялись военных кораблей Ост-Индской компании и без колебаний нападали на них. Но иногда получали достойный отпор.

В апреле 1808 года корсары попытались взять на abordаж шестипушечный корабль «Ярость» под командованием лейтенанта Гауэна. Им показалось, что тот станет легкой добычей, поскольку не отличался большими размерами. Но корабль вполне оправдал свое название, отбив нападение пиратов, многократно превосходивших его мощностью. Вы думаете, что храбрый лейтенант и его команда получили какую-то награду от властей? Ошибаетесь. Гауэну по возвращении в Бомбей, напротив, устроили головомойку.

Результаты такой политики очевидны. В том же году 78-тонный корабль «Сильф» плыл в Буширу в сопровождении двух крейсеров, везя в Персию нового посла. «Сильф» отстал от крейсеров, и тут его настигли несколько

доу. Однако командир, лейтенант Грэм, следуя строгому приказу бомбейских властей, не стал открывать огонь, пока арабские корабли не подошли совсем близко. А потом было уже поздно: с доу грянули пушечные залпы, и «Сильф», попав под град ядер, не смог сделать ни единого выстрела. Жюасми, как обычно, перебили всю команду: двадцати двум морякам перерезали горло и бросили их за борт во имя Аллаха. Лейтенант Грэм был тяжело ранен в рукопашной схватке, но сумел скользнуть в носовой люк, а потом спрятаться в кладовой. Ликующие пираты направились в Рас-эль-Хайм, но по пути их атаковал фрегат «Нереида», который и освободил корабль Грэма.

В том же 1808 году произошло одно из самых необычных и невероятных событий. Принадлежавший Ост-Индской компании четырнадцатипушечный бриг «Муха», под командованием лейтенанта Мэйнуоринга, был захвачен неподалеку от Каиса знаменитым французским капером Лемемом, капитаном «Фортуны». Прежде чем неприятель пошел на abordage, английский офицер выбросил за борт в непромокаемой упаковке документы и казну, отметив на карте место, если вдруг представится возможность вернуться за ними. Мэйнуоринга с двумя офицерами отвезли на остров Маврикий, а команду и остальных офицеров — в Бушир, где и отпустили на свободу. Зная, что бумаги, которые они везли, были очень важными, офицеры в складчину купили в Бушире доу, снарядили ее и отправились к обозначенному месту. Сделав остановку возле Каиса и с большим трудом

В Индийском океане тоже не утихали баталии

выловив со дна бумаги, они двинулись дальше, но в устье залива на них напали доу жоасми и после ожесточенного боя, в котором было ранено несколько англичан, захватили их.

Пираты доставили пленных в Рас-эль-Хайм. Здесь их держали в ожидании выкупа и показывали горожанам как диковинку, потому что подобных существ память местных жителей припомнить не могла. Женщины оказались столь любопытны, что не успокоились, пока не увидели воочию различия между необрезанными неверными и истинно правоверными.

Когда несчастные англичане пробыли в плену у арабов несколько месяцев, а никаких надежд на выкуп не появлялось, жоасми решили избавиться от врагов, не приносящих никакого дохода, самым простым способом — убить их. Однако англичане, движимые стремлением сохранить свои жизни, выдвинули предложение, которое, по крайней мере, давало им отсрочку смерти. Они связались с главарем пиратов и сообщили ему об утопленных возле острова Каис сокровищах. Найти нужное место можно было по весьма точным ориентирам на берегу, о которых знали только они. Также англичане сообщили, что для поднятия со дна сокровищ необходимы хорошие ныряльщики. В качестве собственного выкупа англичане предложили те деньги, которые удастся достать, и их заверили, что они будут освобождены, если дело выгорит.

Вскоре пираты снарядили корабль и вместе с англичанами отправились на поиски. На борту также находились опытные ныряльщики, которые долгое время работали на жемчужных отмелях Бахрейна. Англичане указали место, и корабль встал на якорь. Первое погружение оказалось настолько удачным, что в воду прыгнула вся команда, и судно осталось без присмотра. У англичан появилась возможность бежать. Они уже собирались вывести из строя нескольких оставшихся на борту пиратов, обрубить якорь и уплыть, но тут ныряльщики что-то заподозрили и поспешно вернулись на корабль. Надежды на спасение рухнули.

Но, несмотря на попытку к бегству, жоасми сдержали слово и освободили англичан, которые отправились пешком вдоль побережья в Бушир. Они испытывали невыразимые страдания: никто из них не знал ни одного арабского слова; деньги и одежду у них отобрали, и вскоре холод и голод сделали свое дело. Первыми умерли индийские солдаты и туземные слуги. Потом один за другим начали падать европейцы, и тем, кто еще оставался жив, пришлось сдаться на милость местного населения. Несмотря на все тяготы, этим отважным людям удалось сохранить документы, но до Бушира добрались лишь двое — купец Джоул и английский моряк по имени Пеннел. Наконец они прибыли в Бомбей, принеся с собой драгоценные бумаги, но тамошний губернатор Дункан, вместо того чтобы наградить и отблагодарить их, «выказал великую неблагодарность и холодность».

В ГОСТЯХ У ЛЖЕШЕЙХА, ИЛИ ИСТОРИЯ ТОМАСА ХОРТОНА

Самый невероятный случай в истории взаимоотношений между англичанами и жоасми произошел, несомненно, с Томасом Хортоном. Впервые о нем напечатали в журнале в 1868 году. Статья называлась «Карьера отступника».

В 1818 году почтенная Ост-Индская компания послала военный шлюп «Надежда» в Персидский залив для защиты английских судов от пиратов. Капитану было приказано завезти по пути могущественному шейху острова Кешм ежегодную дань. Этот так называемый налог выплачивался за то, что шейх якобы умирал пиратов. На самом же деле таким образом его самого удерживали от пиратских нападений на суда компании.

К несчастью, возле острова «Надежда» налетела на рифы, получив серьезные повреждения. На берегу тотчас же появились арабские солдаты и строго-настроено предупредили капитана, что ни один матрос не имеет права ступить на сушу без письменного разрешения шейха. Ничего не поделаешь, пришлось послать прошение. Положительный ответ пришел только через три дня, причем шейх приглашал капитана и его офицеров посетить столицу и погостить у него, пока будет ремонтироваться корабль. Капитан не посмел отклонить приглашение. В столице их приняли с почетом, как важных персон, и поселили во дворце шейха.

Печальный финал морского боя

Никто из офицеров не говорил по-арабски, все беседы с шейхом велись через переводчика, поэтому моряки, естественно, удивились, узнав, что их хозяин — англичанин. И он проявлял исключительную сердечность к своим гостям до тех пор, пока они не пытались обращаться к нему по-английски.

Шейх старался сделать для офицеров все. Когда он узнал, что команда «Надежды» насчитывает сто двадцать человек, то предложил взять на борт в качестве подарка столько же женщин-рабынь. Эти девицы были, конечно, рады вырваться из неволи. Но совсем другие чувства испытывал капитан. Зная, какие несчастья приносит даже одна женщина на корабле, он растерялся, не представляя, что же делать со ста двадцатью женщинами, оказавшимися на его судне. Но капитан не решился отказаться от такого дара и, высокопарно выразив шейху свою признательность, принял женщин на борт и довез до Бомбея, где с радостью «избавился от этих ангелоподобных негритянок».

Проведенное тщательное расследование постепенно пролило свет на тайну шейха острова Кешм. Сопоставив разрозненные сведения, установили, что он не кто иной, как Томас Хортон, в прошлом вор, казнокрад, пират и убийца.

Родившийся в Ньюкасле (Англия) в 1759 году, юный Том в возрасте двенадцати лет был отдан в подмастерья к портному, занимавшемуся пошивом бриджей. Проведя пять лет за кройкой и шитьем, Томас нашел более легкий и быстрый способ зарабатывания денег. Как-то хозяин послал его в банк получить шесть фунтов стерлингов наличными по чеку. Том добавил ноль к цифре 6, приписал «десять» после слова «шесть», получил деньги по чеку и честно вручил хозяину шесть фунтов стерлингов, прикарманив остальные пятьдесят четыре. Таким образом он заработал деньги на проезд до Стокгольма на судне, перевозящем уголь.

Скоро деньги кончились, и Том пошел служить в шведскую армию. «Несмотря на то что он был наемником, молодость и приятная наружность помогли Хортону завоевать симпатию жены капитана, под началом которого он служил». Капитан вскоре скоропостижно скончался, и вдова вышла замуж за Хортон, который вскоре стал лейтенантом. Однако внезапная кончина капитана породила всяческие слухи и пересуды. В конце концов Хортон подал в отставку и уехал вместе с женой на юг России, где открыл трактир на берегу Волги. Это рискованное предприятие оказалось весьма доходным, потому что трактир стоял на проезжем тракте. Снабжая провизией путешественников и занимаясь контрабандной торговлей, Хортон вскоре разбогател. Однако очень скоро миссис Хортон перестали нравиться беспечные поступки мужа. Вскоре она пригрозила разоблачить Тома как убийцу ее первого мужа, если он не станет на путь истинный. В ту же ночь миссис Хортон исчезла. Муж объяснил ее отсутствие внезапным отъездом к друзьям в Швецию. Но ему не повезло: спустя три дня какой-то рыбак нашел мешок с телом убитой женщины. Хортон арестовали. Улики оказались столь неопровержимы, что его приговорили к смерти.

Дав тюремщику большую взятку, Хортон сумел бежать. Добравшись до Крыма, он вступил в шайку татарских разбойников. После многочисленных приключений Хортон счел за лучшее покинуть Россию и с тридцатью тысячами рублей в кармане оказался в Басре, возле Персидского залива, скрываясь под личиной почтенного торговца-мусульманина. Совершив хадж — паломничество в Мекку, — он получил право носить чалму паломника, чем снискал себе большое уважение.

Известно, что Хортон, убив губернатора Басры, вынужден был искать защиты у шейха острова Кешм, дабы спасти свою шкуру. Здесь Хортон и поселился, купил землю и рабов, построил несколько кораблей и вскоре был назначен адмиралом флота шейха. Присоединив к нему свои суда, Хортон стал во главе небольшого, но достаточно мощного соединения, с которым стал пиратствовать по всему Персидскому заливу. Однажды он захватил вооруженный бриг, принадлежавший почтенной Ост-Индской компании, убив при этом всю команду.

По мере того как росли его богатство и влияние, Хортон стал стремиться к еще большей власти. В конце концов он возглавил восстание, сместил правящего шейха, который доверился ему как другу, и даже задушил его собственными руками. Потом, по обыкновению, женился на вдове убитого им человека и приказал своим подчиненным провозгласить себя шейхом, что тут же было сделано.

Так мошенник обрел высшую власть. Оказалось, что неудачливый портной может быть отличным правителем. Он усовершенствовал законы острова и строго следил за их соблюдением. При этом шейх пользовался популярностью у своих подчиненных. Когда «Надежду» прибило к его землям, Томас Хортон правил здесь уже двадцать лет. Он был милостив и справедлив, чем снискал себе любовь и уважение своего народа.

В это время у него имелось четыре жены и десять наложниц, но ни одного наследника. Хортон жил как мусульманин, полностью отрекшись от своей родины и веры, никогда не произнося ни слова на родном языке. Неизвестно, как он умер. Возможно, скончался у себя дома, окруженный заботой и обретая утешение в исповедуемой им религии.

ЭТИ НЕИСТРЕБИМЫЕ ЖОАСМИ

В конце концов кровавые вылазки жоасми вызвали такие протесты и скандалы, что верховное правительство в Калькутте было вынуждено взять дело в свои руки. Генерал-губернатором в то время являлся лорд Минто. Он приказал бомбейским властям снарядить экспедицию для наве-

Этот район тоже не был обойден пиратскими вылазками

дения порядка в Персидском заливе. В сентябре 1809 года собрали мощную эскадру под командованием полковника Лайонела Смита, включавшую два фрегата, девять крейсеров и полк, состоящий из солдат регулярной армии и тысячи туземцев. Сначала флот направился в Маскат, где полковник Смит получил помощь от двух правителей Омана, и только после этого двинулся на пиратскую столицу Рас-эль-Хайм, куда прибыл 11 ноября. Войска высадились на сушу и обратили пиратов в бегство. Овладев городом, они его разграбили, а потом сожгли дотла. В заливе было уничтожено около шестидесяти пиратских судов, а один освобожденный корабль возвратили законным владельцам. Затем флот отправился к другому пиратскому логову, Шинасу, с которым поступили аналогичным образом. Успехи экспедиции были ошеломляющими, но кораблям пришлось возвратиться домой. Причиной тому — политика бомбейских властей, нерешительных и слепо бросавшихся из крайности в крайность. Они норовили стеснить свободу действий своих морских офицеров, а на пиратов смотрели, выражаясь словами самого губернатора, как на «невинных и безобидных арабов». Поэтому жоасми менее чем через год восстановили свой флот и опять принялись хозяйничать в Персидском заливе.

Но теперь пиратам этого показалось мало. Они стали проявлять повышенный интерес к Красному морю, нанося урон торговле между Индостаном и Аравийским полуостровом. Жоасми захватили четыре корабля, шедших из Сурата с грузом на один миллион двести тысяч рупий, и вырезали всю туземную команду. Из Бомбея была послана экспедиция с требованием возместить потерю суратских кораблей. Но Хасан, шейх Рас-эль-Хайма, после долгих переговоров не только отказался сделать это, но и потребовал право грабить индийские суда на законном основании, выдвигая весьма странные доводы: если англичане будут защищать свои корабли, то арабам, видите ли, не достанется никаких трофеев.

Уже через год жоасми регулярно совершали опустошительные набеги на индийское побережье и нападали на торговые суда, подходя к Бомбею на семьдесят миль. Они объединились с силами пирата Ангрия и начали захватывать такие трофеи, каких не знали прежде. Флот пиратов был просто колоссален — шестьдесят четыре боевых доу и множество мелких судов. Общая численность команд превышала семь тысяч человек. Самые крупные доу великолепно подходили для морских сражений. Их корма находилась выше, чем борта фрегатом, что позволяло пиратам захватывать большие суда своим излюбленным способом, беря их на abordаж. Многие доу имели на вооружении пушки, из которых обстреливали неприятеля.

Разгромить жоасми удалось только в 1819 году, когда во главе флота компании поставили сэра Гранта Кейра. Его эскадра состояла из полудюжины крейсеров, также в нее входили пятидесятипушечный «Ливерпуль» и двадцатипушечный «Иден». Сухопутные силы насчитывали 1600 европейцев и 1400 местных солдат. К этому флоту присоединился король Омана Сейид Саед с тремя кораблями из Маската и 4000 арабов.

Экспедиция оказалась скоротечной и успешной. Кейр разрушил до основания все крепости на Пиратском Берегу и уничтожил корабли. Этим он положил конец пиратским бесчинствам и преступной халатности бомбейских властей. Случаи нападения пиратов бывали и потом, однако теперь они связывались исключительно с незаконной перевозкой невольников из Африки в Азию. За каждым нападением неизбежно следовали суровые карательные меры индийских властей, правивших теперь твердой рукой.

СУМЕРКИ ЭПОХИ ФЛИБУСТЬЕРОВ

Малайский архипелаг стал последним оплотом пиратства. Разгром местных банд положил конец разбойничьему промыслу в том виде, в котором он существовал не одну тысячу лет. Однако то здесь, то там, далеко от торговых путей, на островах и атоллах Тихого океана горстка белых людей продолжала заниматься гнусным ремеслом еще какое-то время. Это были отбросы цивилизованного общества — беглые австралийские каторжники, китобои, мятежные матросы. Наряду с миссионерами они взяли на себя задачу приобщения простодушных туземцев южных морей к белой цивилизации.

МЕТАМОРФОЗЫ «ЧЕРНОГО ПТИЦЕЛОВА»

Некотрые из этих измельчавших наследников великой традиции присваивали себе громкие цветистые имена своих предшественников или даже чикагских гангстеров: Пончи Билл, Иоахим Ганга, Пэдди Коуни и Джо Бэрд. Но самый выдающийся из них носил простое имя — Хэйс.

Поначалу Хэйс появился в южных морях вовсе не как пират. Он являлся членом небольшой концертной труппы, выступавшей в Новой Зеландии. Но их дело лопнуло из-за восстания маори, и Хэйс сменил поприще музыканта на стезю контрабандиста, торгуя оружием и боеприпасами с мятежными островитянами.

Потом он заделался «черным птицеловом», а именно: промышлял на островах, удаленных от торговых путей, заманивая на борт своего судна «Ленор» ничего не подозревавших туземцев и вывозя их на Самоа или какой-нибудь другой остров, чтобы продать плантаторам, нуждающимся в рабочей силе. Имя его было на слуху от Австралии до Сан-Франциско, и правительства многих стран не жалели сил, стараясь схватить его. Но птицу такого полета поймать оказалось непросто. Он долго водил за нос преследователей, но все же в 1875 году испанцы схватили Хэйса и бросили в манильскую тюрьму. Там он принялся усердно изучать богословие и превратился в ревностного католика.

Наблюдая за спасением заблудшей души, епископ Манильский пришел в умиление и пустил в ход свое влияние, чтобы вызволить Хэйса из заточения. Однако, оказавшись на свободе, тот опять принялся за старое, и даже более рьяно, чем прежде.

Вторично его арестовал британский консул на Самоа по обвинению в пиратском набеге. Хэйса задержали до прибытия британского военного корабля, который должен был доставить его на суд в Австралию. В ожидании корабля Хэйсу позволили свободно разгуливать по острову, и он быстро снискал себе популярность как устроитель пикников и душа компании.

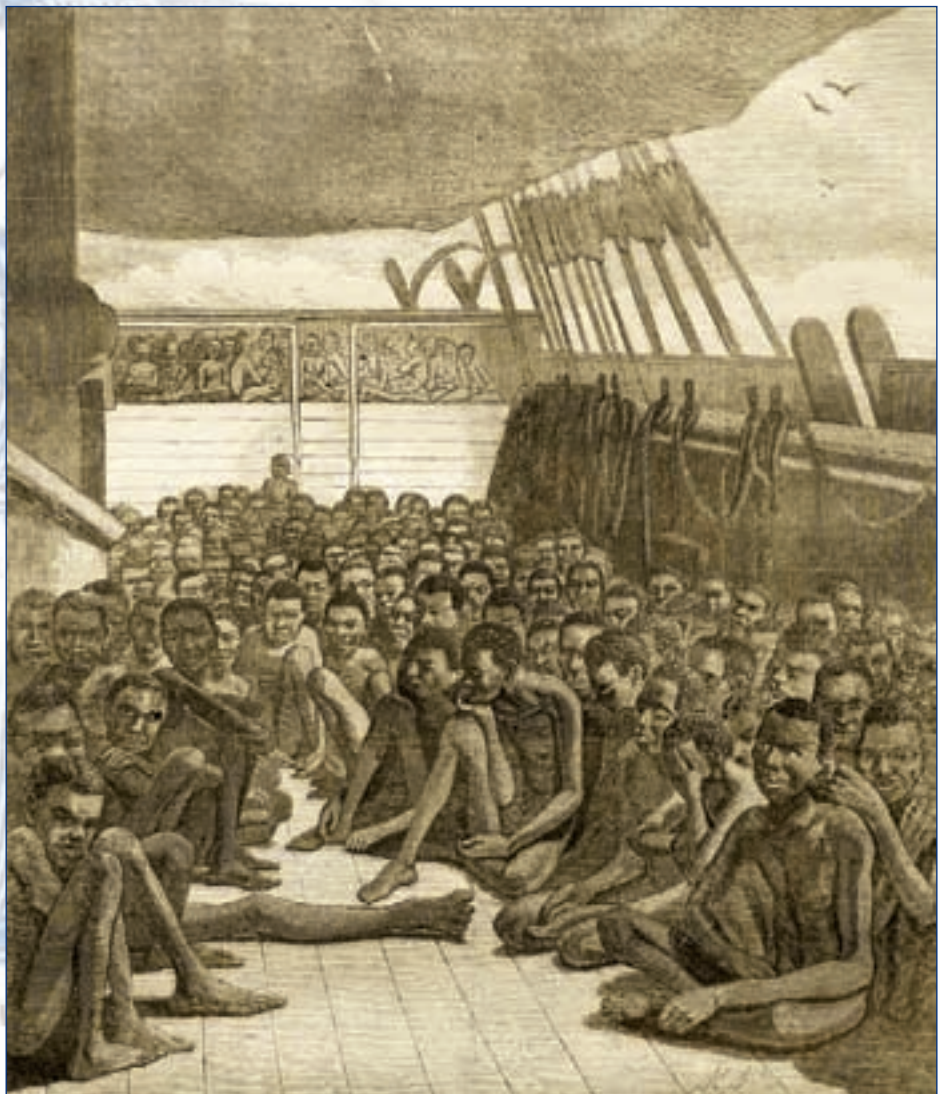
Тем временем на остров прибыл некий капитан Бен Пиз — еще один негодяй, бесчинствовавший в южных морях. Хэйс и Пиз являлись давними собратями по пиратскому ремеслу, но, встретившись столь неожиданно, почти сразу же жестоко разругались. Консул весьма обрадовался такому повороту, ибо корабль Пиза являлся для Хэйса единственным средством побега.

И вот однажды утром капитан Пиз, сказав «прощай» своим друзьям, отбыл в неизвестном направлении. А спустя несколько часов обнаружилось исчезновение Хэйса. Только тогда до консула дошло, что перебранка между бандитами была частью их коварного замысла.

Больше у Хэйса не возникало трений с законом. Он принял смерть от руки скандинавского пирата, который огрел его тяжелым веслом по голове и выбросил за борт.

ПИРАТЫ НА НИВЕ РАБОТОРГОВЛИ

На палубе «работорговца»

Почти все последние представители пиратов являлись американскими работорговцами. Еще в 1808 году в Соединенных Штатах приняли закон, запрещающий ввоз рабов в страну и работорговлю. Но сорок лет этот закон существовал только на бумаге, и лишь потом стали делаться попытки применить его на практике. В середине столетия работорговля приобрела огромный размах. Было подсчитано, что в 1859 году в страну ввезли не менее пятнадцати тысяч негров — самое большое число за все годы. Стоили рабы так дорого, что, даже если удачной оказывалась лишь третья экспедиция, выгода все равно была огромной. В основном торговцами «черной костью» — так называли негров — являлись выходцы из северных штатов.

В 1861 году, когда началась гражданская война, президент Линкольн принял суровые меры против работорговцев. Тогда козлом отпущения стал некий капитан Натаниэл Гордон, житель Портленда, штат Мэн, командовавший со-

бственным судном «Эри». Гордон успел совершить лишь три плавания. В четвертый рейд его судно подверглось тщательному досмотру и аресту близ западного побережья Африки. Операцию эту осуществил американский корабль «Могиканин». На борту нашли 967 негров. Их отправили обратно в Монровию, однако пиратский корабль был так набит невольниками, что за время короткого плавания умерло три с лишним сотни чернокожих бедняг. Гордона препроводили в Нью-Йорк, где ему было предъявлено обвинение в пиратстве, мерой наказания за которое являлась смертная казнь.

Процесс взбудоражил публику. На суд оказывали давление как юристы, так и общественное мнение. Но тем не менее арестованный был признан виновным и приговорен к смерти. После суда по всему городу появились листовки с воззванием: «Жители Нью-Йорка! Помогите! Неужели вы допустите узаконенное убийство?! Неужели не возвысите свой протестующий голос? Капитан Натаниэл Гордон приговорен к смертной казни по закону, который не действует уже сорок лет!». Однако, несмотря на призывы и угрозы, 8 марта 1862 года Гордон был по всем правилам казнен в тюрьме Томбз, которую охраняли от толпы усиленные караулы вооруженных моряков. Гордон стал последним белым человеком, повешенным за пиратство.

Закономерный финал пиратской карьеры

ЗЕРНА МОГУТ ПРОРАСТИ

В наше время с пиратством покончено, за исключением отдельных случаев преступности на море, проявляющейся в той или иной форме. Морской разбой ушел в прошлое, точно так же, как и многие, куда менее омерзительные деяния человека. Крейсеры, развивающие скорость в тридцать пять узлов, радиопередатчики, самолеты и, главное, полицейские силы современных государств — все это оставляет пиратам мало шансов разбогатеть и получить прибыль с вложенного в дело капитала.

Хотя в ходе истории облик пирата постоянно менялся, вряд ли стоит грустить по поводу его исчезновения, поскольку в общем и целом морской разбойник — личность весьма отталкивающая. И чем больше мы о нем узнаем, тем менее привлекательным становится он в наших глазах. Живописный головорез с пистолетами за поясом, сыплющий проклятиями, сделался ярким персонажем легенд. Пираты-романтики, свято соблюдающие законы чести, обычно живут на страницах приключенческих романов. Но настоящий пират — грязный, кровожадный убийца, убивающий свою жертву потому, что мертвые молчат.

Вероятно, крупномасштабное пиратство исчезло навсегда, и трудно себе представить, что морские разбойники появятся снова, даже если цивилизация станет с ног на голову и беззаконие опять превратится в норму жизни. Немыслимо, чтобы вновь началась борьба великих сил, подобная той, которую вели между собой турки и христиане во времена крестовых походов.

Немыслимо, но все-таки возможно. Как возможна война с терроризмом. Те свойства характера, которые превращают честного человека в злодея, вероятно, так же живучи сейчас, как и в прежние времена, поэтому отдельные рецидивы морского разбоя в Китае или появление бандитов в водах, омывающих северное побережье Америки, лишь доказывают, что дух пиратства готов возродиться при первой же возможности. Люди, ищущие наживы и не останавливающиеся ни перед чем, существуют и поныне, просто они вынуждены искать иные применения своим сомнительным «талантам».

Однажды американскому историку пиратства Филиппу Гессу довелось беседовать в тюремной камере с молодым человеком, отбывавшим уже третий срок за грабительский налет. Решив, что следует указать юноше на несправедность избранного пути, он спросил, почему тот предпочитает рисковать свободой, вместо того чтобы вести честную и безопасную жизнь. И тот простодушно ответил: «Видите ли, сэр, мне нужны деньги и необходимы острые ощущения». А потом по-свойски рассказал о совершенном им «подвиге», в котором его даже не заподозрили. Как-то раз, в четыре часа дня, он подъехал со своей шайкой на трех автомобилях к витрине ювелирного магазина. Выскочив из машины, он разбил стекло, схватил подложку с бриллиантовыми брошками и, вновь нырнув в автомобиль, умчался прочь. Глаза его сияли воодушевлением, когда он закончил свой рассказ словами: «Если вам вдруг захочется острых ощущений, сэр, то достаточно расколотить какую-нибудь витрину в четыре часа пополудни, и вы их получите».

Живи этот юноша лет двести тому назад, он бы, несомненно, стал пиратом или просто бродягой с большой дороги.

ПИРАТЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Но все же пиратство еще существует, и черный флаг развевается не только на страницах приключенческих романов. Только в 1995 году зарегистрировано 266 случаев нападения пиратов на торговые, пассажирские и рыбацкие суда.

Мировая пресса непрерывно передает сообщения о преступной деятельности современных морских разбойников. Сравнительно недавно нападению подвергся танкер «Уорлд Энтисмент» под либерийским флагом, стоявший на якоре в четырех милях от порта Чилачап (Южная Ява). Забравшиеся с лодки на борт судна люди в масках обобрали капитана и команду и, прихватив кассу и ценную радиоаппаратуру, скрылись на катере. Несомненно, сей пиратский налет был тщательно продуман и многократно

отрепетирован до молниеносного автоматизма. Захват и ограбление заняли не более 15 минут!

21 июня 1995 года двадцать пиратов, вооруженных американскими «М-16», совершили дерзкое нападение на грузовое судно «Тай вонг», направлявшееся из Сингапура к берегам Камбоджи. Более недели пираты держали экипаж запертым в трюмных помещениях, пока к захваченному судну не подошло еще одно. На него пираты перегрузили весь товар — текстиль, цемент, автомашины — на общую сумму в полтора миллиона сингапурских долларов, прихватили с собой спасательное оборудование, радар судна, а также содержимое капитанского сейфа и скрылись в неизвестном направлении.

В бразильском порту был ограблен российский сухогруз «Софокл Трейд». Случилось это глубокой ночью. В кромешной темноте шестеро бандитов поднялись на борт. Угрожая ножами и пистолетами, связали всю команду, состоящую из 16 человек, после чего заставили капитана открыть сейф, из которого похитили все имевшиеся деньги. Прихватив продукты и ценные личные вещи экипажа, бандиты покинули судно.

В июне 1995 года в районе Бенгальского залива бесследно исчезло российское судно «Линк стар», на борту которого находилось 24 человека. Представители спецслужб, проводившие расследование, склонны считать, что судно пошло ко дну из-за... неустановленных технических неполадок.

А вот что произошло с теплоходом «Георгий Чичерин», следовавшим Малаккским проливом. Рассказывает вахтенный матрос Александр Стаценко:

«Когда я вечером вышел на палубу, то вдруг увидел сгорбившегося человека. Разглядеть его было довольно трудно — он стоял ко мне спиной, и я невольно подумал, что кого-то из экипажа просто укачало. Подошел поближе, тронул его за плечо. Он вдруг резко повернулся и приставил длинный нож к моему животу. Мгновенно поняв, что на борту оказались пираты, я не растерялся и действовал молниеносно — ударил что есть силы в лицо. Пират отлетел в сторону, а я крикнул: “Пираты на судне!”»

На шум из каюты выскочил боцман и замер, остолбенев: прямо ему в лицо был направлен ствол пистолета другого бандита. Шум сверху отвлек его, и пират отступил на шаг назад. Боцман, воспользовавшись замешательством, мгновенно захлопнул дверь. По телефону он связался с ходовым мостиком и доложил о случившемся вахтенному штурману. Тот включил сигнализацию и по громкоговорящей связи дал тревожное оповещение по всему теплоходу. Два головореза, стоявшие у бронированной двери радиорубки, поспешили оставить свой пост, а радист по специальному каналу связи вызвал береговую охрану. Вскоре примчались полицейские катера, но пиратов и след пропал. Был составлен протокол, взяты показания. Старший полицейский сообщил капитану, что практически еженедельно они получают сообщения о дерзких нападениях на пассажирские и торговые суда. Современные корсары используют даже быстроходные катера на подводных крыльях, позволяющие им уходить без труда от кораблей береговой охраны...»

А вот еще одно сообщение из Санкт-Петербурга. В Невскую гавань из Китая пришел теплоход «Борис Жемчужин». Капитан теплохода Владимир

Радецкий рассказал корреспондентам, что когда они следовали из Индийского океана в Красное море, то получили предупреждение, что в этом районе возможно пиратское нападение.

«Вместе с другими торговыми судами мы приняли экстренные меры, — сказал капитан Радецкий. — В кромешной тьме осветили прожекторами все судно настолько возможно. Особенно корму. Подвесили забортные люстры, выставили дополнительную вахту с рациями, подключили пожарные стволы...» А когда рассвело, при подходе к Красному морю капитан получил известие, что следовавшее за ними судно подверглось пиратскому нападению. Убиты капитан и его помощник. Бандиты основательно разграбили судно, взорвали рубку, и теперь корабль дрейфует в неизвестном направлении.

Как свидетельствует пресса, такое же дерзкое нападение было совершено на немецкий контейнеровоз «Нойграбен» в порту Абиджан на западном побережье Африки. Два десятка крепких парней в масках, вооруженных стальными мачете, прутьями и владеющих приемами карате, бесшумно забралась на палубу «Нойграбена» и, разделившись на две группы, принялись за дело. В три часа ночи капитан Карл Дольберг, с минуту на минуту ожидавший команды, чтобы выйти из порта, услышал на палубе необычный шум. Он хотел разобраться в происходящем, но вдруг почувствовал, как чьи-то сильные руки сжимают его горло, а к виску приставлен пистолет. Капитан все понял и медленно поднял руки, давая понять, что сопротивляться не намерен. Овладев кораблем, одни пираты стерегли перепуганную команду, другие взламывали контейнеры, отправляя их содержимое в трюм своего катера. Они действовали споро и слаженно, брали все, вплоть до коробок с замороженными фруктами и личных вещей матросов... Грабеж длился не более получаса, после чего бандиты скрылись. Предпринятые той же ночью поиски преступников не дали никаких результатов. Пресса назвала этот случай классическим примером современного пиратства и выразила удовлетворение, что все обошлось без кровопролития и зверств, к чему пираты всех времен и народов имели патологическую склонность.

И тому доказательство — недавняя расправа с командой и пассажирами теплохода «Нуриа-767», курсировавшего между индонезийскими островами. Изъяв из судовых сейфов 380 000 долларов и перегрузив в свой быстроходный катер все, что имело ценность, пираты с хохотом и сквернословием открыли стрельбу по безоружным пассажирам и команде. Одиннадцать человек были убиты, более пятидесяти ранены. От невыразимого кошмара кричали женщины и дети. Некоторые, обезумев от страха, бросались за борт, где их уже поджидали акулы.

В наше время, в конце 50-х годов XX столетия, особой жестокостью к команде и пассажирам захваченных судов отличалась знаменитая мадам Вонг, державшая в страхе не только всю округу, но и пиратов мелкого пошиба, беспрекословно ей подчинявшихся. Благодаря запугиванию и подкупу, она получала от государственных чиновников и лоцманов полную информацию о характере груза и месте назначения судов, и ей довольно продолжительное время удавалось безнаказанно грабить корабли. Сводки портовой полиции утверждают, что на морском разбое мадам Вонг нажила большой личный капитал, после чего «ушла в тень», что, как известно, является ценнейшим качеством любого вора.

Международная организация мореплавания (ИМО) настолько обеспокоена современным пиратством, что разослала специальный меморандум

правительствам многих стран, в котором говорится об опасности судоходства в Индийском океане, Аравийском и Южно-Китайском морях. Древнейший бандитский промысел совершенствуется не только по части жестокости, но и по своей технической оснащенности. Пистолеты с глушителем, абордажные крючья, сделанные из сверхпрочной пластмассы, устройства ночного видения «кошачий глаз», новейшие навигационные приборы, сверхмощные двигатели на катерах — таковы атрибуты современного морского разбоя, пришедшие на смену кривым саблям, ножам и «Веселому Роджеру» с черепом и скрещенными костями. Нынешних пиратов притягивает уже не столько содержимое капитанских сейфов, сколько нутро корабельных трюмов и нефтеналивных танкеров.

Неподалеку от Бангкока кораблем береговой охраны был остановлен танкер «Паттани Тай» якобы для проверки. Но в форме сотрудников таможни оказались самые настоящие бандиты, которые, поднявшись на палубу, вдруг выхватили пистолеты, приказав команде сохранять спокойствие ради собственной безопасности. А вслед за этим принялись перекачивать дизельное топливо, на что ушло несколько часов. В результате более 300 тонн топлива были похищены под самым боком береговой полиции, которая обратила внимание на танкер только тогда, когда заметила беспомощно дрейфовавшее вдоль тайландского побережья судно. Капитан и вся команда оказались связанными и запечатными в каюте.

С конца 70-х годов пиратство на морях приобрело несколько иной облик. Этому способствовали «националистические движения» и безнаказанность. Стал процветать самый мерзкий прием бандитизма — захват заложников. Жертвами становились ни в чем не повинные люди. Их истязали, убивали, брали за них выкуп или обменивали на попавших в руки правосудия преступников.

Летом 1989 года неподалеку от Сингапура пассажиры океанского лайнера увидели белоснежное судно небольших размеров, идущее встречным курсом. Вдруг на палубе появились совершенно обнаженные женщины, кото-

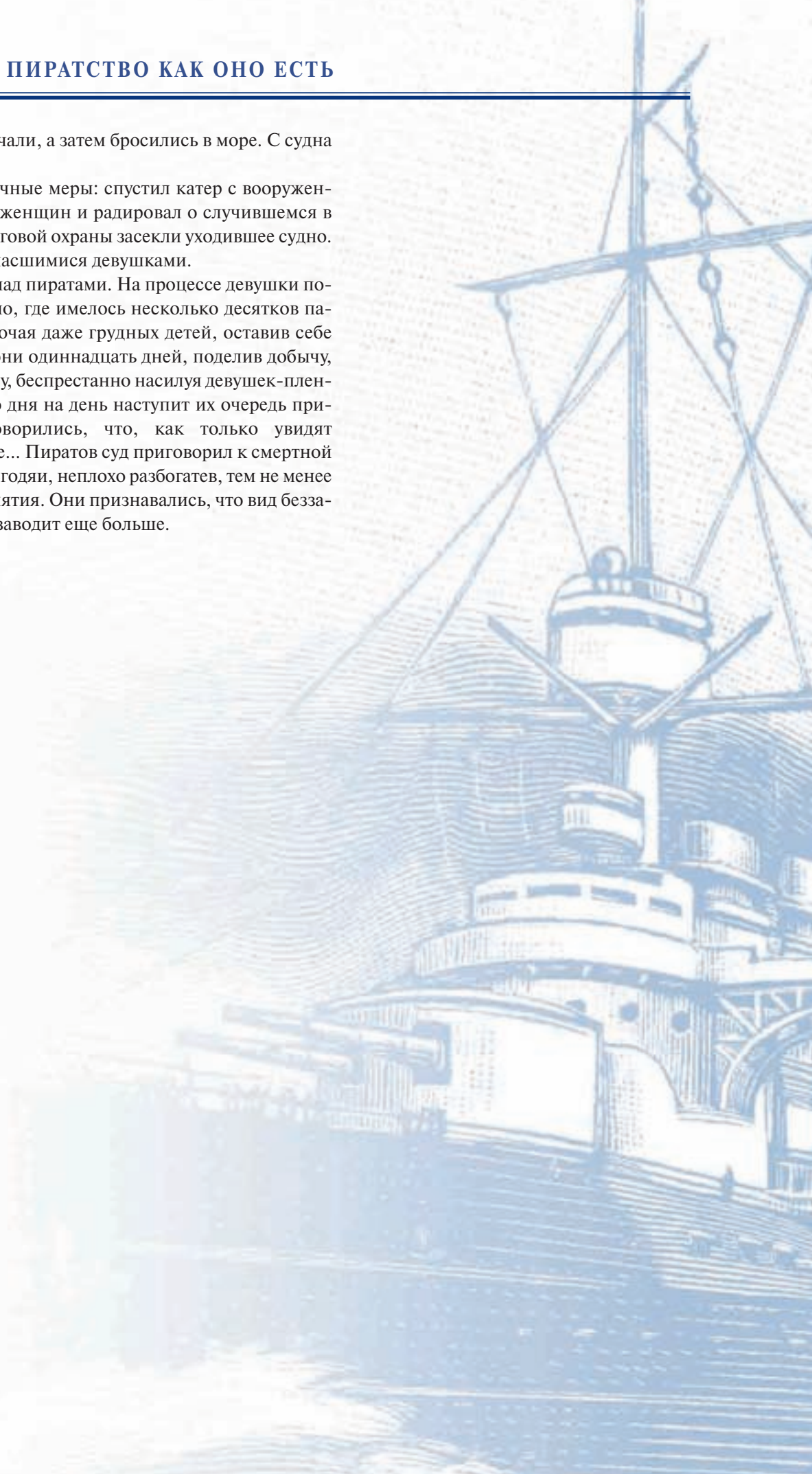
ПИРАТСТВО КАК ОНО ЕСТЬ

рые, размахивая руками, что-то кричали, а затем бросились в море. С судна по ним была открыта стрельба.

Капитан лайнера принял энергичные меры: спустил катер с вооруженными членами команды, подобрал женщин и радировал о случившемся в Сингапур. Поднятые вертолеты береговой охраны засекли уходившее судно. Экипаж был арестован и опознан спасшимися девушками.

Вскоре состоялся открытый суд над пиратами. На процессе девушки показали, что бандиты напали на судно, где имелось несколько десятков пассажиров. Пираты убили всех, включая даже грудных детей, оставив себе лишь десять девушек. После этого они одиннадцать дней, поделив добычу, предавались возлияниям и обжорству, беспрестанно насилая девушек-пленниц. Несчастливым было ясно, что со дня на день наступит их очередь принять смерть, поэтому они договорились, что, как только увидят какое-нибудь судно, бросятся в море... Пиратов суд приговорил к смертной казни. Самое ужасное, что многие негодяи, неплохо разбогатев, тем не менее не оставляли любимшегося им занятия. Они признавались, что вид беззащитной и беспомощной жертвы их заводит еще больше.

«ПРЫГАЙ ЗА БОРТ, ПАРЕНЬ!»

В последнее время психологи обратили внимание на своеобразное поведение людей, оказавшихся заложниками террористов или пиратов, назвав их «синдромами». В частности, известен так называемый «стокгольмский синдром», когда оказавшиеся в ужасных условиях и всячески унижаемые жертвы под воздействием страха и полной безысходности начинают симпатизировать бандитам, уверяя друг друга, что это «добрые люди», помогать им даже тогда, когда их об этом не просят.

Когда же приходит наконец освобождение, то недавние заложники начинают проклинать освободителей, обвиняя их в том, что их не защитили вовремя, не предотвратили захват и т.п.

Еще один синдром называют иногда «раковым». Он заключается в том, что вид стволов, направленных в лицо, клацание затворами и все тот же страх лишают людей воли к быстрым и решительным действиям. Иногда всего лишь один бандит в маске, жующий жевательную резинку, удерживает в повиновении несколько сот человек. При этом несчастные отлично сознают, что еще немного — и все они будут перебиты как ненужные свидетели или выброшены за борт к акулам с хриплым криком: «Амбак паре!» Моряки, плавающие на судах между Малайзией и Филиппинами, отлично знают этот короткий возглас пиратов, означающий: «Прыгай за борт, парень». Подобный синдром погубил многих, против воли заставляя думать: «Может быть, меня пощадят?»

По свидетельству моряков, следует опасаться еще и правительственных чиновников.

В декабре 1995 года экипаж теплохода «Михаил Ольминский» был задержан в индийском порту Кочин. Судно подверглось нападению местных таможенников, которые без всяких объяснений ворвались на палубу и устроили погром.

В марте 1996 года суд Бомбея обвинил двух российских моряков с теплохода «Новиков-Прибой» в контрабанде золота. Арестованные моряки заявили, что во время допросов их пытали электрошоком, добиваясь признания вины.

Что же это, как не современное пиратство?..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПИРАТЫ В ЛИЦАХ

Анна Бонни, королева пиратов

КОРОЛЕВА ФЛИБУСТЬЕРОВ

«Они дерутся, как дикие кошки, и в кровавой схватке на палубе взятого на abordаж купца не уступят самым отчаянным бандитам. Они так же безжалостны, как и остальные флибустьеры, бороздящие воды под черным флагом с черепом и костями. И хотя многие из них молоды и красивы, все они настоящие исчадия ада, дочери дьявола», — так описывает старинная хроника женищин-пираток, которые встречались среди членов вольного братства в период его расцвета. Причем слава некоторых из них была настолько громкой, что их имена вызывали не меньший ужас, чем, например, Моргана или Дрейка.

Самой знаменитой из пираток по праву считается Анна Бонни. Эта высокая рыжеволосая ирландка с чувственным ртом и великолепной фигурой имела такую большую власть среди карибских корсаров, что заслужила неофициальный титул «королевы флибустьеров». Правда, у нее имелось и другое, куда менее лестное прозвище: «Дьявол в юбке». Судя по свидетельству современников, и то и другое соответствовало действительности.

...Растянувшись на многие мили, испанские галеоны ежегодного «Золотого флота» медленно шли к Наветренному проливу между Кубой и Эспаньолой. Замыкала эскадру «Санта-Мария», значительно отставшая от основных кораблей. Когда 18 августа 1719 года на горизонте показались паруса пиратской бригаантины, на «Санта-Марии» это не вызвало тревоги.

Однако благодаря преимуществу в ходе бригаантина быстро догнала медлительную «Санта-Марию» с явным намерением атаковать ее. Капитан счел это настоящим безумием: пиратскому суденышку с полутора десятками пушек не на что было рассчитывать против 64 орудий и трех сотен матросов галеона. Однако вскоре он убедился в своей ошибке. Следуя в кильватере, где она была в недосягаемости для испанских пушек, бригаантина смело пошла на сближение, а усыпавшие ванты и реи пираты открыли столь меткий огонь из мушкетов, что в считанные минуты палуба «Санта-Марии» оказалась сплошь усеяна ранеными и убитыми.

Когда нос бригаантины вплотную приблизился к галеону, его борт намертво заарканили abordажные кошки, и на палубу с леденящими кровь криками хлынули пираты. «Свидетелей не оставлять! Снесите им головы!» — громче всех надрывалась рыжеволосая фурия в мужской алой ситцевой рубашке и широких полотняных штанах. С короткой abordажной саблей в правой руке и топориком — в левой, она одной из первых врубилась в ряды испанцев, оставляя за собой кровавый коридор.

«Их натиск был так стремителен, что мы не успели даже перезарядить мушкеты. Завязалась рукопашная схватка. Вскоре наши матросы во главе с первым помощником капитана были вынуждены отступить на корму. Тогда эта дьяволица схватила бомбу, подожгла фитиль и бросила смертоносный снаряд в середину тесно стоявших людей. Оглушительный взрыв разорвал многих на куски. Те, кто остался жив,

сдались, — писал один из немногих оставшихся в живых очевидцев кровавых «подвигов» Анны Бонни. — Всех нас согнали на нос. Их предводительница указала концом своей окровавленной сабли на молодого лейтенанта, храбро сражавшегося с пиратами, и, смеясь, сказала: «Никому из вас пощады не будет. Но тебе хочу представить выбор. Я возьму тебя на ночь к себе в каюту. Если останешься довольна, то отпущу тебя. Если нет, отрублю голову. Решай». Я не знаю, чем кончилось дело, потому что не стал дожидаться, пока пираты расправятся с нами, и прыгнул за борт. Два дня я провел в море, держась за деревянный обломок. А когда уже приготовился отдать Богу душу, меня подобрало проходившее мимо судно».

НЕУЕМНАЯ БЕСТИЯ

Биография безжалостной пиратки Анны Бонни необычна. Она родилась в ирландском графстве Корк 3 марта 1700 года в семье преуспевающего адвоката. Когда девочке исполнилось пять лет, он отправился за океан в Южную Каролину, где стал владельцем большой плантации. Детство Анны прошло в богатом колониальном особняке со множеством слуг. Отец души не чаял в любимой дочери и не пожалел денег, чтобы дать ей хорошее образование. Однако под внешней благовоспитанностью красивой девушки скрывался буйный темперамент, доставляющий немало неприятностей родителям. Например, она шокировала местное общество, разрезая верхом по пояс обнаженной. А однажды в припадке гнева зарезала ножом свою служанку. Дело не дошло до суда лишь благодаря влиянию отца и его юридической изощренности, которые и помогли замять жуткую историю. После этого адвокат решил поскорее выдать дочь замуж, в надежде, что это утихомирит ее.

Но Анна и тут преподнесла сюрприз. Хотя у нее имелось много поклонников, охотно взявших бы в жены дочь богатого плантатора, шестнадцатилетняя девушка тайно обвенчалась и сбежала с английским моряком Джеймсом Бонни. Увы, ее замужество оказалось недолгим. Не удовлетворивший пылкую Анну супруг был отправлен в отставку, получив на прощание от жены... довольно ощутимый удар чайником по голове.

Его место без промедления занял красавец-сорвиголова Джон Рэккам, известный на всем восточном побережье Америки как пират по прозвищу Калико Джек⁹. По словам самой Анны, «он взял меня потому, что, не раздумывая, смело пошел на абордаж». Обряд венчания проходил не в церкви, а на палубе пиратской бригадины. Вместо обмена обручальными кольцами молодожены поцеловали лезвие сабли, поклявшись друг другу в вечной любви. Забегая вперед, следует сказать, что Анна недолго хранила верность. Поскольку новый муж также не смог удовлетворить ее неистовый темперамент, она (кстати, с его ведома) стала заводить себе любовников. Позднее во время массовой казни пойманных пиратов в Порт-Ройяле на Ямайке тайно присутствовавшая при

⁹ Калико означает «ситцевый»: Джек носил рубашки из цветастого ситца. (Прим. ред.)

Джон Рэкам, по прозвищу Калико Джек

сем Анна Бонни с грустью сказала: «Жаль бедняг. Многие из них были совсем не плохи в моей постели».

Впрочем, разочарование, постигшее ее на супружеском ложе, не помешало молодой женщине вскоре стать правой рукой Калико Джека. Она быстро постигла премудрости морской профессии и наравне со всеми несла вахту в «вороньем гнезде» на верхушке мачты. Еще на плантации отца Анна научилась неплохо стрелять. Став же пираткой, довела свое умение до совершенства. По любому поводу, а порой и без него, она вызывала мужчин на дуэли и неизменно выходила победительницей. Особенно громкую славу принес Анне поединок, когда дуэлянты стрелялись на рассвете после бессонной ночи, проведенной за выпивкой в таверне, и королева флибустьеров всадила пулю точно в лоб противника.

Кроме пистолета, рыжая бестия мастерски владела и холодным оружием, начиная с абордажной сабли и кончая акульим гарпуном. Но особое уважение пиратов Анна Бонни заслужила своим бесстрашием в бою и обнаружившимся у нее талантом военачальницы. Именно ей, в частности, принадлежала идея внезапного нападения на многопушечный испанский галеон. Всего же на счету Калико Джека и его супруги был не один десяток разграбленных судов в Карибском море. Но самым поразительным стало даже не это. В родительском доме Анна демонстративно не желала подчиняться общепринятым правилам поведения. Став же пираткой, она добилась строгой дисциплины среди членов вольного братства. Анна Бонни потребовала, чтобы все пираты приняли присягу на верность и не нарушали установленного распорядка. Например, каждый мог есть и пить сколько хотел, но беспробудное пьянство сурово каралось.

Нельзя сказать, чтобы жесткие ограничения пришлось по душе рядовым флибустьерам. Однако на открытое неповиновение охотников не нашлось, поскольку всем были известны вспыльчивость Анны и ее привычка чуть что хвататься за пистолет.

В октябре 1720 года у побережья Ямайки пиратская бригантина случайно наткнулась на хорошо вооруженный английский военный корабль. После ожесточенного боя уцелевшие флибустьеры вместе со своими предводителями попали в плен. Суд приговорил всех к смертной казни. Анна заявила, что беременна, и ей предоставили отсрочку до рождения ребенка, предписав жить в семье родителей.

Но как только пиратку освободили из тюрьмы, она принялась строить планы побега. К ней приставили двух охранников, которые должны были постоянно находиться в снятом ею до отъезда из Порт-Ройяла доме. Но однажды утром незадачливые стражники обнаружили, что их подопечная бесследно исчезла. Дальнейшая судьба королевы флибустьеров Анны Бонни неизвестна¹⁰.

---

¹⁰ Зато известно, как она отозвалась о смерти Джека: «Если бы он сражался, как мужчина, то его не повесили бы, как собаку». (Прим. ред.).

КРОВАВАЯ МЭРИ

Хотя Мэри Рид плавала вместе с Анной Бонни под одним «Веселым Роджером», биография этой пиратки разительно отличается от истории грехопадения дочери богатого плантатора. Где прошло детство, как, впрочем, и настоящие имя и фамилия Кровавой Мэри, неизвестно. Сама она скупо рассказывала, что ее мать относилась к числу тех, кого во Франции называли «веселыми вдовушками». По какой-то причине та выдавала дочь за мальчика, соответственно одевая и воспитывая ее¹¹. В тринадцать лет

¹¹ Согласно другим источникам, мать одевала ее так, потому что претендовала на наследство, передаваемое только по мужской линии. (Прим. ред.)

какая-то богатая дама взяла «подростка» в дом прислугой. Но «мальчишке-сорванцу» (никто не подозревал, что это девочка) не понравилось быть на побегушках. Он сбежал из дома и нанялся юнгой на военный корабль. Но и здесь Мэри надолго не задержалась, ибо ей показалось слишком скучным неделями болтаться в море. В одном из портов она покинула корабль и... завербовалась солдатом в пехотный полк, дислоцировавшийся во Фландрии. Там юная девица участвовала во многих стычках, проявив незаурядную отвагу и удачу. Однако ее военная карьера неожиданно прервалась.

Перейдя из пехоты в кавалерию, девушка влюбилась в однополчанина, которому открыла, кто она на самом деле. Избранник ответил Мэри взаимностью, предложив сменить военный мундир на женское платье и выйти за него замуж. Их свадьба стала сенсацией для всей армии, поэтому ее почтили своим присутствием многие высшие офицеры. А командование в качестве приданого подарило женщине-кавалеристу немалую сумму денег, на которые молодожены купили таверну «Под тремя подковами».

Вскоре супруг Мэри умер, и она, вновь облачившись в мужскую одежду, поступила на военную службу под вымышленной фамилией. Но гарнизонная жизнь, в которой львиную долю времени занимала муштра, не устраивала темпераментную особу. Мэри дезертировала из части и нанялась матросом на купеческое судно, направлявшееся в Вест-Индию.

В Карибском море «купца» перехватила и ограбила пиратская бригантина Калико Джека. Когда Мэри обнаружила, что здесь всеми командует женщина, Анна Бонни, то решила присоединиться к морским разбойникам, хотя и не открыла им своего пола. Она быстро убедилась, что пиратство как нельзя лучше отвечает ее натуре. Если предстояло идти на abordаж, Мэри неизменно вызывалась участвовать в «группе захвата». Ей доставляло истинное удовольствие рубиться в рукопашных схватках, а поскольку она была большой охотницей сносить головы пленникам, то позднее, когда раскрылась тайна ее пола, получила кличку Кровавая Мэри. Причиной этого открытия стала роковая любовь.

На борту одного из захваченных кораблей оказался молодой человек весьма привлекательной наружности, на которого Мэри сразу же обратила внимание. Она уговорила Анну Бонни пощадить пленника и, безумно влюбившись в юного красавчика, всячески опекала его. Как-то раз избранник ее сердца затеял ссору с одним из пиратов. Поскольку, согласно введенным королевой флибустьеров правилам, дуэли на борту судна были запрещены, поссорившиеся сошли на берег, чтобы там выяснить отношения, благо бригантина стояла на якоре возле острова Нью-Провиденс. Естественно, Мэри последовала за ними. Каково же было негодование пиратки, когда ее подопечный выказал откровенную трусость. Вместо того чтобы драться на саблях или стреляться, как подобает настоящему мужчине, он стал просить прощения у своего противника. После такой постыдной сцены разочарованная Мэри Рид сама спровоцировала ссору с красавцем и вызвала его на дуэль, во время которой в ход пошли шпаги и пистолеты. В конце концов оскорбленная в своих чувствах пиратка убила ничего не подозревавшего молодого человека.

После этого она раскрыла тайну своего пола, чем немало удивила пиратов. Более того, подобно королеве флибустьеров, Мэри Рид начала менять любовников одного за другим. Впрочем, любовный пыл, пробудившийся в женщине, не уменьшил воинскую доблесть пиратки. Скорее наоборот, сделал ее еще более неистовой в abordажных схватках. К тому же Кровавая Мэри ока-

Мэри покоряла мужчин не только силой оружия

залась на редкость хитра. Однажды после захвата испанского торгового судна она предложила раздеть догола всю команду, прежде чем отправить ее на корм рыбам. Что касается богатых камзолов офицеров, тут все было понятно. Но пираты не могли взять в толк, зачем ей понадобились матросские робы. В ответ на все вопросы Мэри Рид лишь хитро улыбалась и попросила спрятать всю одежду в трюме: она еще пригодится.

Действительно, спустя некоторое время такой случай представился. Когда пиратская бригантина зашла за водой на остров Сент-Китс, Мэри посоветовала Калико Джеку приказать команде переодеться в припрятанное платье, а на мачте поднять испанский флаг. В эту бухту часто заходили купеческие суда и, увидев «испанца», спокойно бросили бы якорь неподалеку.

Посоветовавшись с Анной Бонни, Калико Джек решил последовать совету. И, как оказалось, не напрасно. На третий день стоянки, когда пираты уже собирались покинуть остров, в бухту на всех парусах вошел богатый испанский «купец». Заметив спокойно занимавшихся своими делами «соотечественников», новоприбывшие бросили якорь. Темнота в тропиках наступает быстро, и после полуночи, когда испанцы крепко спали, к судну незаметно подплыли лодки флибустьеров. Кровавая Мэри с тремя пиратами ловко взобралась по якорным цепям на палубу, бесшумно сняв вахтенных. Затем нападавшие без труда справились с захваченной врасплох сонной командой и завладели товаром.

...Когда Мэри Рид вместе с остальными пиратами оказалась за решеткой, суд склонен был отнестись к ней снисходительно. Возможно, учитывая

славное военное прошлое, пиратку могли оправдать, если бы кто-то из обвиняемых не рассказал о следующем эпизоде.

Однажды морские разбойники захватили мексиканское судно с грузом ценного дерева. Флибустьеры были разочарованы, не обнаружив ожидаемой добычи, и уже собирались отпустить бедняг. Но тут вмешалась Кровавая Мэри. Она заметила прилично одетую супружескую пару и стала на глазах у мужа полосовать ножом его жену. Не выдержав ее мучений, супруг признался, что у него в каюте спрятано тридцать тысяч песо. Обман настолько разъярил пиратов, что все пленники были убиты, а судно потоплено.

После подобных показаний участь Мэри Рид была решена: вместе с остальными пиратами ее отправили на виселицу, но она умерла в тюрьме.

Но имя этой женщины сохранилось не только в истории пиратства. Говорят, что именно ее прозвище дало название известному коктейлю «Кровавая Мэри», поскольку пиратка якобы любила разбавлять ром томатным соком.

ЧЕРНАЯ БОРОДА

Эдвард Тич

На рубеже XVII и XVIII веков укромные местечки бесчисленных островов Карибского моря служили надежным приютом пиратским шайкам. Одно из убежищ на острове Нью-Провиденс породило в начале XVIII века пирата, имя которого вселяло ужас — Черная Борода.

Свирепый кровавадный злодей, Черная Борода немало потрудился, чтобы заслужить свою отвратительную репутацию. Это он с двумя-тремя своими матросами уходил в глубь необитаемого острова Амелия, близ побережья Флориды, дабы как следует припрятать награбленное золото, серебро и драгоценные камни. Закопав сокровище, он обозначал его ориентирами, а свидетелей убирал, что являлось для него, обладавшего огромной физической силой и умением мастерски владеть любым оружием, вовсе не сложным делом. Его настоящее имя — Эдвард Тич. О его ранних годах жизни почти ничего не

известно: одни называют местом его рождения Порт-Ройал на Ямайке, другие — английский Бристоль. Однако все сходится во мнении с тем, что Тич не получил почти никакого образования и впервые заявил о себе еще в молодости, в 1713 году, как английский капер.

Место действия головорезов Тича

СПОСОБНЫЙ УЧЕНИК

Свою ужасную славу, уже под именем Черной Бороды, Тич приобрел в 1715–1718 годах, разоряя поселения на американском побережье. Каперство (узаконенное нападение) стало для него ступенью «эволюционного роста». Обосновавшись на острове Нью-Провиденс, Тич познакомился с капитаном Хорниголдом, предводителем шайки головорезов. Хорниголд, по-видимому, разглядел в молодом человеке перспективного соратника и взялся обучать его пиратскому ремеслу¹². Способный ученик пошел в гору, да так резво, что Хорниголд проникся к нему отеческими чувствами и наградил за выдающиеся практические успехи кораблем, который Тич нарек «Мщение Королевы Анны».

Вскоре Хорниголд получил так называемое «Королевское прощение» — амнистию, распространявшуюся на всех английских пиратов, согласных покончить с прежним образом жизни.

Тич был вне себя! Он обвинил своего наставника в предательстве и поклялся, что никогда не бросит «доброе пиратское ремесло». Демонстрируя презрение ко всяким «прощениям», Тич снялся с якоря, поднял «Веселого Роджера»¹³ и отправился в грабительский рейд. Отныне он стал называться Черной Бородой.

¹² Так, на Хорнигалда произвело огромное впечатление, что Тич не ждал, пока пленники снимут кольца, а просто обрубал им пальцы и бросал к себе в карман. (Прим. ред.)

¹³ Надо заметить, что пиратский флаг Черной Бороды отличался оригинальностью. На нем был изображен скелет с рюмкой в одной руке и дротиком в другой, которым он пронзает сердце. (Прим. ред.)

Природа не обделила Черную Бороду физическими данными. Рост мужчин в те времена редко превышал 180 см. Тич же был огромен и могуч: при росте 190 см он весил почти 120 кг и одним своим видом внушал страх любому. В схватке он не знал усталости и легко орудовал своей абордажной саблей даже тогда, когда почти все сражавшиеся падали без сил. Черная Борода обожал пистолеты. Обычно он затыкал за пояс семь-восемь пистолетов и, выхватывая один за другим, посылал пули в своих противников. Сохранились рассказы очевидцев о том, что Черная Борода перед схваткой наливал себе кружку рома, добавлял туда порох, поджигал эту адскую смесь и залпом выпивал ее. Воспламененный таким образом, он был непобедим.

Мастерски владея оружием, Черная Борода обладал еще и неким психологическим средством воздействия на противников — длинной черной бородой, за которую он и получил свое прозвище. Жесткая, как проволока, легендарная борода доходила ему до пояса. Для пущего эффекта он заплетал ее в косы и украшал разноцветными лентами. Во время сражения Тич вместо лент вплетал в бороду запальные фитили и поджигал их. Они извергали густой черный дым, вселяя смертельный ужас в сердца врагов. Перед противником вставал сам дьявол из преисподней.

Даниель Дефо, вдохновленный образом пылающей бороды пирата, писал: «Эта борода, покрывая все его лицо, наводила ужас на Америку подобно роковому метеору — страшнейшей из Божьих кар, когда-либо низвергавшихся с небес».

И МАНЬЯК, И САДИСТ

Но Черная Борода внушал трепет не только в сражении. Вспыльчивый, неуправляемый и непредсказуемый, он и своих людей держал почти в таком же страхе, как и врагов. Однажды, находясь в спокойном, даже меланхолическом состоянии, Черная Борода пригласил двоих из своей команды на выпивку. Сидели за столом при свечах. Неожиданно капитан выхватил два пистолета, задул свечи и, скрестив руки под столом, спустил курки. Одна из пуль попала в колено помощника капитана, Израэля Хендса, и тот на всю жизнь остался хромым. Говорят, Черная Борода так объяснил свою выходку: «Если я время от времени не буду убивать кого-нибудь из вас, вы забудете, кто я такой».

Смерть будто гипнотизировала его: вероятно, Черная Борода сознавал, что пиратская жизнь сулит ему раннюю могилу. Наверное, поэтому он, как маньяк, нередко предавался самоубийственным забавам. Однажды ни с того ни с сего крикнул своей команде:

— Эй, вы, а ну-ка, устроим тут чертов ад и посмотрим — не черти ли мы сами!

Ринувшись с палубы вниз, Черная Борода с тремя помощниками задраили люки и подожгли несколько больших горшков серы. Внутренние помещения корабля наполнились удушливым ядовитым дымом. Трое помощников едва не задохнулись, прежде чем смогли выбраться на палубу. Черная же Борода оставался в дыму еще несколько минут, танцуя и хохоча. Ни один смертный не смог бы выдержать столько времени в серном дыму. Белый как привидение, предводитель появился на палубе.

— Капитан, ты как будто прямо с виселицы! — воскликнул один из его людей.

— Отличная идея, приятель, — ответил Черная Борода. — В следующий раз мы поиграем в висельников и посмотрим, кто дольше сможет проболтаться в петле, не задохнувшись.

Поистине Черная Борода являлся патологическим типом. Никто не мог воздействовать на него, в том числе и 14 «жен», которых он менял почти так же часто, как корабли. С женами Черная Борода развлекался не менее изощренно, чем со своей командой. Например, любил смотреть, как очередная подруга вынуждена танцевать перед ним, аккуратно выпуская пулю за пулей ей по ногам. Когда так называемая жена надоедала, он просто запирал ее там, где хранил свои сокровища, и несчастная жертва умирала от голода. Черная Борода тем временем подыскивал себе следующую невесту.

Очередная свадьба Тича

Непредсказуемость Черной Бороды очень подходила к пиратской «профессии». Первые самостоятельные дела на Багамах принесли ему огромный успех: к 1717 году в его распоряжении находился целый флот из 6 кораблей, а также четыре сотни человек. Успех породил самоуверенность, и Черная Борода повел свою флотилию на север. Там, курсируя вдоль западного побережья Флориды, он стал брать приз за призом. Но скоро почувствовал, что ему надоели эти игры в кошки-мышки на море, и решил изменить стиль работы. К тому времени, как флотилия дошла до Южной Каролины, Черной Бороде уже вовсе наскучила та легкость, с какой он брал неуклюжие торговые суда. Следовало придумать что-нибудь новенькое. Бросив якорь у входа в гавань, Черная Борода стал ждать, когда жертва сама придет к нему: он знал, что торговые суда либо приплывут к Чарлстону, либо уйдут из гавани. И действительно, за несколько дней Черная Борода без каких-либо серьезных затруднений захватил 9 судов с людьми и товарами. Один лишь вид его развевающейся бороды лишал торговых моряков воли к сопротивлению. Никогда еще пиратство не давалось так легко.

Однако через несколько дней на победителей обрушились неприятности совершенно иного рода: людей Черной Бороды стали косить венерические болезни. Угроза нависла над всем его пиратским флотом. Надо было срочно до-

ставать какие-то медикаменты, и Черная Борода выслал на берег специальный отряд. Стоит ли говорить, что пираты не собирались платить за услуги. Черная Борода пообещал мэру Чарлстона, что расправится со всеми своими пленниками и сожжет все корабли в порту, если что-нибудь случится с его людьми на берегу или необходимая помощь не будет доставлена вовремя. Спасая жизнь невинных людей, мэр удовлетворил требованиям пирата и отправил все, что нужно, на его корабль.

Черная Борода тотчас освободил пленников и с триумфом поплыл в Северную Каролину. Там он собирался сделать остановку, чтобы подлечить людей, а заодно очистить днище своего корабля от моллюсков и водорослей. К тому времени во всех колониях имя пирата уже стало синонимом злодейства. Но Черная Борода состоял в тайных деловых отношениях с губернатором Северной Каролины Чарльзом Иденом, который пообещал ему мирный прием, публично заявив, что Черная Борода принял условия «Королевского прощения». Губернатор был подкуплен пиратом: в обмен на убежище Черная Борода выдал ему долю добычи. Жители Северной и Южной Каролины и Виргинии не переставали жаловаться на продолжавшиеся бесчинства Черной Бороды, но Иден ничего не предпринимал.

Возмущенные подобным поведением, жители обратились к губернатору Виргинии Александру Спотсвуду, в надежде, что тот примет меры против злодея. Узнав, что Черная Борода покинул флотилию и укрылся на своем корабле в одном из небольших заливов, чтобы устроить там пиратскую базу, колонисты обратились к Спотсвуду с требованием решительных действий. Губернатор, будучи ярым ненавистником пиратов, поклялся сделать все, что в его силах.

КОНЕЦ НЕГОДЯ

В это время в водах Виргинии оказались два патрульных военных корабля его королевского величества под командованием лейтенанта Роберта Мэйнарда. Капитан знал, что, пока Черная Борода находится в заливе Окракоук, с ним не сладить: залив слишком мелководен для тяжелых военных кораблей. Тогда Спотсвуд, желая поскорее настичь пирата, снарядил для Мэйнарда 58 его людей, два легких и маневренных шлюпа, а также назначил награду в 100 фунтов за Черную Бороду — живого или мертвого.

22 ноября 1718 года Мэйнорд подошел к заливу Окракоук. Быстро спустилась ночь, и лейтенант решил дождаться утра, потому что атаковать пирата в темноте, да еще в мелководном заливе было бы слишком рискованно. Черная Борода заметил появление Мэйнарда, но не придал этому особого значения. Он небрежно распорядился приготовиться к сражению, а сам занялся ромом и пьянствовал всю ночь. Это, однако, не помешало увидеть, как на рассвете шлюпы Мэйнарда осторожно вошли в залив. Но далеко им пройти не удалось: оба оказались на мели. Задуманная атака сорвалась.

Подняв «Веселого Роджера», Черная Борода подошел вплотную к беспомощным шлюпам. Приветствие соответствовало его духу:

— Кто вы, черт вас дерит, и откуда взялись?!

Пока на шлюпах отчаянно пытались сняться с мели, выбрасывая за борт все возможное, Мэйнорд смело поднял флаг английских королевских военно-морских сил и крикнул в ответ:

— По флагу можешь видеть, что мы не пираты!

Придя в бешенство от столь дерзкого ответа совершенно беспомощного капитана, Черная Борода поджег свою знаменитую адскую смесь, опрокинул ее в глотку и заорал:

— Будь я проклят, если пощажу вас, а вы — меня!

Возражений не последовало, и началась беспощадная битва. Нацелив по четыре пушки на каждый шлюп, пират дал залп, который вывел из строя один корабль, убив на нем 20 человек. Шлюп же Мэйнарда почти не пострадал, и хитроумный лейтенант решил заманить пирата в ловушку. Понимая, что Черная Борода может покончить с его кораблем подобным залпом, Мэйнард искусно завлек пирата на свой борт для рукопашной схватки. Он приказал своим людям

Поединок Тича и Мэйнарда

спрятаться внизу, а сам остался у руля. Черная Борода, видя одного лишь Мэйнарда и еще не протрезвев после ночной попойки, первым перебрался на шлюп, руководимый одним желанием: собственноручно растерзать дерзкого врага. Когда Черная Борода и его люди оказались на палубе, Мэйнард дал сигнал, и вся его команда ринулась наверх, застав атакующих врасплох. Но пираты быстро пришли в себя, завязалась жестокая схватка. Вскоре палуба стала скользкой от крови.

Кульминацией битвы стал поединок предводителей, сошедшихся лицом к лицу. Оба разрядили свои пистолеты, но Черная Борода промахнулся. Пуля же лейтенанта попала пирату прямо в грудь. Считая, что дело сделано, Мэйнард уже был готов праздновать победу, но его могучий противник вряд ли даже обратил внимание на зияющую рану. К ужасу Мэйнарда, пират занес свою абордажную саблю и страшным ударом разломил клинок лейтенанта надвое. Безоружный Мэйнард понял, что ему конец. Еще секунда — и пират покончил бы со своим врагом. Но в это мгновение один из матросов бросился на Черную Бороду сзади и перерезал ему горло. Захлебнувшись и криком, и кровью, страшный пират все же нанес удар, но промахнулся. Жизнь Мэйнарда была спасена.

Предводителю же пиратов, напротив, оставалось жить считанные минуты. Получив еще четыре пули и не менее двадцати глубоких сабельных ран, он в конце концов рухнул на палубу. К тому времени люди Мэйнарда уже явно брали верх над противником. Увидев, что их бесстрашный капитан повержен, пираты опустили оружие. Их арестовали, и впоследствии все они окончили жизнь на виселице.

Мэйнард поспешил в Бат. Желая как можно эффектнее объявить жителям обоих штатов о своей победе, он прикрепил к бушприту голову Черной Бороды. Знаменитая борода страшного пирата развевалась подобно «Веселому Роджеру». После остановки в Бате Мэйнард поплыл дальше, в Виргинию, где получил от Спотсвуда обещанную награду.

Остается сказать, что тайный альянс между Черной Бородой и губернатором Северной Каролины стал вскоре известен. Но достаточных улик не нашлось, и Иден остался на свободе. И хотя Черная Борода ушел в небытие, у пиратов еще долго оставался покровитель в Северной Каролине.

ОДИССЕЯ КАПИТАНА КИДДА

Кто самый известный пират всех времен и народов? Англичане считают, что это капитан Уильям Кидд. Расцвет его деятельности приходился на последние годы XVII века. Подвиги Кидда, как и он сам, стали легендой, в которой перед потомками предстает деспотичный капитан, безжалостный садист и жестокий морской грабитель. Удача всегда улыбалась ему, а где удача — там и богатство. И действительно, слухи о несметных кладах, где-то зарытых Киддом, и в наши дни не дают покоя охотникам за сокровищами. Если считать, что слава пирата измеряется речами, произнесенными о нем, то капитан Кидд вот уже 300 лет уверенно держит первенство.

Капитан Кидд мог выглядеть так

ДИТЯ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Причину особой судьбы Кидда надо искать не только на море. Его взлет и падение напрямую связаны со сложным переплетением политических интриг, ведущих аж к самому английскому королю. Когда Кидда в конце концов арестовали в Бостоне в 1700 году и отправили в Лондон, суд над ним стал настоящим сражением главных политических партий Англии — вигов и тори. В результате короткая пиратская карьера Кидда превратилась в событие большого общественного значения.

Родина Уильяма Кидда

Казалось, ничто не предвещало Уильяму Кидду судьбу пирата. Он родился в Шотландии в 1645 году, вырос в условиях, близких к роскоши, и получил солидное разностороннее образование. Он был очарован морем и решил наняться на торговое судно, бросившее якорь в родной гавани. Оказавшись на корабле, Кидд проявил себя способным моряком, а в торговых делах заслужил репутацию честного дельца, что в конце концов сделало его хозяином собственного торгового судна.

На этом поприще Кидд действовал весьма успешно; однако его одаренная честолюбивая натура требовала большего, заурядная карьера торгового капитана его уже не устраивала. Поэтому, когда представился случай, Кидд сменил профессию, став английским капером, алчущим французской добычи. Он имел такой потрясающий успех на этой стезе, что вскоре Англия уже называла Кидда бесстрашным героем, а Франция — безжалостным негодяем.

Имея в своем послужном списке заслуги перед отечеством, Кидд обосновался в Нью-Йорке и женился на одной весьма состоятельной особе. Как преуспевающий делец и уважаемый гражданин Кидд продолжал служить обществу: он нередко выходил в море и, курсируя в водах Новой Англии, очищал их от враждебных французских каперов. Благодарные сограждане не остались в долгу и проголосовали за вручение «великому капитану Кидду» крупной денежной премии.

Так продолжалось до тех пор, пока у Кидда не увели его собственный корабль. Однажды, во время стоянки у острова Антигуа в Вест-Индии, когда

На борту английского судна

капитан находился на берегу, взбунтовавшаяся команда подняла «Веселого Роджера» и ушла в море. Вероятно, зачинщику мятежа, некоему мадагаскарцу, удалось убедить остальных в том, что путь к настоящему богатству лежит через пиратство. Взбешенный Кидд поклялся, что впредь ни один мадагаскарец не ступит на борт его корабля. А в том, что ему еще предстоит командовать кораблями, он не сомневался.

В те времена случаи, когда команда вдруг становилась на путь морского разбоя, не являлись редкостью. И не только потому, что полные богатств испанские галеоны и португальские торговые суда были уж очень соблазнительной добычей; британский парламент серией законов о мореплавании, принятых в конце XVII века, навлек угрозу и на собственные, английские корабли. Эти законы запрещали колонистам Американского континента не только торговать с заморскими странами, но и самим производить готовую продукцию: подобное право целиком закреплялось за метрополией, то есть за Англией. Поэтому английские производители устанавливали непомерные цены на свои товары, что, естественно, не могло нравиться колонистам. Они возмущались, жаловались, но безрезультатно. И в то время как английские власти оставались глухими к жалобам своих заморских подданных, нашлись другие силы, отозвавшиеся на их нужды. Ведь пираты были не только головорезами, но и предпринимателями, а посему, не долго думая, взяли на себя выгодную роль «посредников» во взаимоотношениях между Англией и ее американскими колониями. Расчет оказался прост и верен: колонисты не проявляли щепетильности, приобретая товары, которые морские грабители снимали с судов, а затем продавали по вполне сходной цене.

Одна из влиятельных групп партии вигов особенно усердно обдумывала план экспедиции, которая не только искореняла бы пиратство, но и приносила «деловую» выгоду. Все необходимое было организовано, оставалось лишь подобрать надежного капитана. Уильям Кидд — кто лучше него подойдет для роли руководителя антипиратской кампании! Он так долго служил обществу, к тому же у него свои счета с мадагаскарцами...

Капитан Кидд действовал на морях с официального разрешения английских властей

Лорд Белломонт, член партии вигов и недавно назначенный губернатором штатов Нью-Йорк, Массачусетс и Нью-Хэмпшир, нашел капитана Кидда, который, к счастью, оказался в то время в Лондоне, и предложил ему возглавить кампанию. Ведь от удачного выбора главы мадагаскарской экспедиции зависело и положение самого лорда. Уильям Кидд принял предложение более чем охотно, предвкушая месть мадагаскарцам за потерю своего корабля.

ЧЕСТНЫЙ СРЕДИ ГОЛОВОРЕЗОВ

Состоятельные виги снабдили экспедицию Кидда всем необходимым. «Галера приключений», 258-тонный корабль-красавец, был снаряжен и вооружен под личным присмотром капитана. Особенно внимательно Кидд отнесся к подбору команды, не подпуская к кораблю ни одного мадагаскарца. Также капитан нуждался и в официальном документе, подтверждающем его полномочия. Без такой бумаги Кидд бы оказался не более чем обыкновенным пиратом. Белломонт и другие виги, поддерживавшие экспедицию, обладали достаточным влиянием, чтобы сделать нужный документ — королевскую грамоту. Кроме нее Кидд получил также разрешение атаковать французские корабли (каперское свидетельство), поскольку Франция в то время находилась в состоянии войны с Англией.

Вооруженный 34 тяжелыми пушками и королевской грамотой, Кидд отплыл в мае 1696 года. Но экспедиция началась неудачно. Вскоре после отплытия корабль Кидда остановило английское военное судно, капитан которого

уговорил, а может быть, заставил часть команды Кидда перейти на службу в военно-морской флот его величества. Лишившись надежных моряков, Кидд решил идти в Нью-Йорк, чтобы набрать там новых. Однако Нью-Йорк не оправдал его надежд: большинство опытных моряков, готовых выйти в море, являлись отпетыми преступниками. В конце концов Кидду ничего не оставалось, как нанять с десяток весьма сомнительных личностей, явно не понаслышке знавших, что такое пиратское ремесло. В сентябре 1696 года Кидд и его пестрая команда оставили Нью-Йорк и начали поиск пиратов.

Первой целью Кидда стал Мадагаскар, в то время крупное пиратское гнездо. Капитаны Тью и Мейз, встречи с которыми искал Кидд, обосновались именно на этом острове, и Ост-Индская компания терпела серьезные убытки. Но, добравшись до острова, капитан обнаружил, что пиратов на нем нет: они ходили где-то по морям в поисках добычи. Со скудным запасом продовольствия и в отнюдь не блестящем состоянии духа Кидд все же отправился дальше на восток, к другому пиратскому берегу — Малабарскому побережью Индии. В пути «Галера приключений» встретила немало голландских и английских судов с богатым грузом, но Кидд не тронул их: он был честным моряком и не собирался причинять зла мирным судам. Подобное поведение капитана, конечно, не понравилось беспокойной команде. Для многих бездействие стало последней каплей. Как только «Галера приключений» бросила якорь у

Побережье штатов Виргиния и Флорида

Малабарского берега, команда Кидда стала таять: люди незаметно исчезали с корабля и присоединялись к пиратам, которых Кидд пытался настичь.

Несмотря на все неудачи и искушения, честный капитан и на этот раз не изменил себе: с остатками команды он снова ушел в море, чтобы выполнить возложенную на него миссию. Но и те, кто еще остался с Киддом, не разделяли его убеждений. Однажды, когда мятежные настроения из шепота стали перерастать в громкий ропот, канонир Уильям Мур крупно повздорил с капитаном и вне себя закричал: «Ты взялся погубить нас, всем нам здесь крышка!» Кидд не сдержался. Схватив тяжелое деревянное ведро, он запустил им в бунтовщика и угодил тому прямо в голову. Мур рухнул на палубу с проломленным черепом и на следующий день скончался.

Открытое выступление Мура подействовало на Кидда куда больше, чем трагический исход инцидента. Это явилось последним предупреждением, и если не уступить отчаявшейся и готовой на все команде, то следующим трупом на корабле будет он, капитан Кидд. Пришла пора делать выбор, и Кидд, изменив себе, стал на путь пиратства.

Приняв роковое решение, Кидд больше не знал сомнений. Он нашел свой фарт на пиратском поприще и теперь как бы отыгрывался за неудачи, которые свели на «нет» все его попытки обуздать разбойников. Прежде всего Кидд заменил британский флаг французским (в те времена на каждом судне были на всякий случай припасены и флаги, и документы разных стран). По мнению Кидда, встреченное им судно «Кведаг» являлось его законной добычей, ибо шло под французским флагом. Что из того, что капитан оказался англичанином, владелец корабля — индусом, а груз предназначался американцам? Судно ценное, 454-тонное, а уж про груз и говорить нечего: шелк, сатин, золото, серебро и другие богатства. Прекрасно зная, что и флаг, и предъявленные французские документы фальшивые, Кидд тем не менее решил считать их подлинными, а в таком случае, по его мнению, имел полное право на захват «Кведага».

Весьма довольный добычей, Кидд вернулся на Мадагаскар с кораблем на буксире. Там он перевел свою команду с обветшавшей уже «Галеры приключений» на надежный «Кведаг» и, предвкушая возвращение домой, пустился в обратное плавание.

В то время как Кидд огибал Африку, известия о захвате им «Кведага» получили осязательный политический резонанс не только в Англии. Великий Могол Индии, взбешенный тем, что англичанин захватил индийский корабль, приказал бросить в тюрьму чиновников Ост-Индской компании. В свою очередь, Ост-Индская компания, уязвленная заточением своих представителей, требовала от парламента и короля загладить вину перед Великим Моголом. Политики пребывали в смущении: ведь Кидд имел при себе охранную королевскую грамоту. И они приняли решение: объявили документ недействительным, и Кидда стали считать пиратом. Был издан приказ: «Найти и схватить упомянутого Кидда и его сообщников».

Тем временем Кидд, ничего не подозревая, приближался к вест-индскому острову Ангилья. Здесь на него обрушилось неожиданное известие: его команда, едва сойдя на берег для пополнения припасов, вдруг примчалась обратно с сообщением, что их капитан объявлен пиратом и подлежит аресту. Быстро развернув паруса, Кидд взял курс на Антигуа, чтобы обдумать план действий. Зная, что на море его будут преследовать, Кидд решил, что единственное спасение — лорд Белломонт. Он все объяснит лорду, а тот в свою очередь убедит в его невиновности тех, кто финансировал экспедицию. Дойдя до залива Делавэр, Кидд высадил на берег большую часть своей команды, выдав

бывшим товарищам их долю добычи. Но на борту оставалось еще немало соковок. Прежде чем плыть дальше на север, навстречу своему року, Кидд отправил наконец сообщение лорду Белломонту.

Как ни велико было желание Кидда поскорее увидеть жену, он все же проявил осторожность и пошел сначала к Гарднерсу, небольшому островку к востоку от Лонг-Айленда. Бросив якорь, он послал за женой и ближайшими друзьями, чтобы вместе обдумать план дальнейших действий. Ожидая их прибытия и сознавая неопределенность своего будущего, Кидд закопал сокровища на острове (так, во всяком случае, он объявил впоследствии). Радостная встреча с женой и друзьями не прибавила Кидду уверенности: никто не знал, что делать дальше.

Остров Антигуа

КОВАРНЫЙ ЛОРД

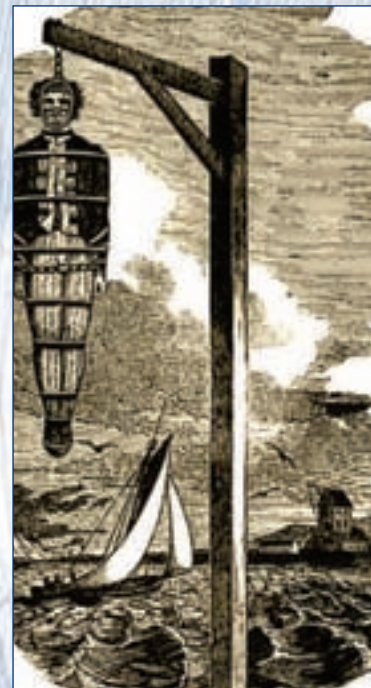
Надежда как будто появилась, когда пришло письмо от Белломонта. Лорд, будучи хитрым и расчетливым политиком, обещал Кидду поддержку, если тот сумеет предоставить французские документы, принадлежавшие якобы захваченному «Кведагу». Ободренный хорошей новостью, Кидд расстался с женой, чтобы никогда больше ее не увидеть.

Стремясь как можно скорее восстановить свое доброе имя, Кидд с поразительной для такого умного человека наивностью отправился в Бостон, чтобы вручить свои свидетельства Белломонту. Лорд же только того и ждал. Спустя час по прибытии в Бостон Кидд был арестован, брошен в тюрьму и закован. Ловушка захлопнулась, и теперь, чтобы довести дело до конца, Белломонту нужны лишь бумаги Кидда.

Пойманный, словно мышь, Кидд совсем теряет голову. Тут бы ему раскусить натуру лорда и догадаться об его истинных замыслах. Но нет, он вручает искушенному интригану свой единственный оправдательный документ. Белломонт, заботясь лишь о собственной безопасности и репутации собратьев по партии в Англии, устраивает «исчезновение» важных бумаг. Кидду теперь нечем защищаться; ловушка Белломонта держит надежно, и виги могут использовать своего бывшего капитана в качестве политического козла отпущения.

Колонии не имели еще права самостоятельно вести дела о пиратстве, поэтому в 1700 году Кидда перевезли в Лондон, где он и предстал перед судом. До самого конца капитан отрицал свою виновность; Белломонт же так и не предъявил суду документы, которые могли спасти его бывшего протеже. Спустя год Кидда признали виновным по пяти пунктам обвинения в пиратстве, а также в смерти Уильяма Мура и приговорили к виселице...

А что же сокровища? Капитан Кидд утверждал, что зарыл их на острове Гарднерс. Но капитаны пиратских кораблей не часто имели столько сокровищ, чтобы их стоило где-то закапывать: ведь добычу обычно делили между всеми членами команды. Сокровища Кидда искали многие, но так до сих пор никто и не нашел...

Бесславный конец Кидда

БАРТОЛОМЬЮ РОБЕРТС — ВЕЛИКИЙ ПИРАТ АТЛАНТИКИ

Капитан Бартоломью Робертс был не совсем обычным пиратом. Он родился в 1682 году в Уэльсе в графстве Пемброкшир, с годами став высоким, красивым, смуглым моряком. Чрезвычайно набожный, он предпочитал чай спиртному и на борту своих кораблей настаивал на строгом соблюдении субботнего выходного дня. В этот день у него отдыхали даже музыканты, которые обычно играли постоянно, когда их приглашали на корабли. Он запрещал азартные игры и грозил смертью каждому, кто попытается привести на борт женщину. Его религиозность подчеркивал золотой с бриллиантами крест, висевший на шее, — с ним он шел в бой. Однажды Робертс даже пытался заставить священника пойти с ним в поход для улучшения морального состояния своей команды. Вообще, характер и манеры Робертса совершенно не соответствовали общепринятому облику морского разбойника. И тем более поразительно, что он не только являлся настоящим пиратом, но и самым удачливым грабителем всех времен. Только за три года, с 1719-го по 1722-й, Робертс захватил более четырехсот (!) кораблей. Этот фантастический рекорд никогда никем не был побит.

Столь удивительное достижение Робертса поражает еще и потому, что он, как и Кидд, не помышлял о подобной карьере. Бартоломью служил на невольничьем судне «Принцесса» и имел безупречную репутацию. Как-то, выйдя из Лондона, «Принцесса» достигла африканского Золотого Берега и во время погрузки на борт черного товара, была захвачена двумя пиратскими кораблями. Их предводитель, капитан Хоуэл Дэвис, оказался, как и Робертс, валлийцем. Ему удалось заставить Робертса присоединиться к его команде.

НАЧАЛО «КАРЬЕРЫ»

Будучи прагматиком, Робертс попытался извлечь максимальную пользу из скверного положения, в которое он попал. Благодаря ясному и трезвому уму, опыту мореплавателя и бесстрашию в бою, Бартоломью заслужил уважение своих новых товарищей. И когда во время неудачного нападения Дэвис был убит, пираты выдвинули Робертса на должность своего предводителя. А ведь они знали его всего полтора месяца!

Но не все поддерживали этот выбор. Дело решили слова Генри Дэнниса. Он сказал:

— Советую вам, пока мы трезвые, выбрать человека храброго и искусного в мореплавании, того, который благодаря своей рассудительности и отваге лучше других способен защитить и нас, и наше добро. Таким человеком я считаю Робертса.

После подобной речи Бартоломью признали предводителем, хотя несколько участников собрания были против.

— Раз уж я замарал свои руки и вынужден пиратствовать, лучше быть капитаном, чем простым матросом, — сказал Робертс, принимая командование.

Бартоломью Робертс

Среди недовольных решением собрания был некий Уолтер Кеннеди, который затаил злобу на нового капитана.

Один из кораблей получил несколько пробоин, поэтому вся его команда перешла на судно «Королевский пират». Туда же перетащили и пушки. Первым намерением Робертса стало отомстить за смерть Дэвиса. Пираты вошли в гавань, разбомбили форт, а затем предали огню и поселение, и находившиеся в гавани суда.

Оставив дымящийся остров, Робертс направился к Бразилии. В бухте Байя пираты неожиданно обнаружили огромную флотилию хорошо вооруженных португальских торговых судов, готовых к отплытию. Отослав своих людей вниз, Робертс подошел к одному из португальских кораблей и встал на якорь. Затем он пригласил капитана на дружескую беседу и, когда тот, ничего не подозревая, оказался на «Королевском пирате», объяснил положение вещей: если гость не укажет самое богатое судно флотилии, его ждет мучительная смерть. Получив интересующую информацию, Робертс разрешил перепуганному португальцу вернуться на свой корабль, а сам поднял якорь и заскользил к цели.

После недолгой рукопашной схватки пираты Робертса овладели богатым португальским судном. Не теряя времени, «Королевский пират» вместе с захваченным судном невинно направился к выходу из гавани мимо ничего не подозревавшей флотилии. Вдоволь посмеявшись над глупостью и трусостью португальцев, пираты обратились к не менее приятному занятию — разделу добычи. А так как Робертс не поощрял чрезмерных увеселений на борту, решено было найти подходящее место.

Для триумфального пиршества выбрали остров Дьявола. Пока команда предавалась разгулу, Робертсу стало известно, что неподалеку идет какой-то торговый корабль. Не в силах упустить такой случай, Робертс поспешно отплыл на небольшом и плохо снаряженном шлюпе, оставив на острове большую часть своих людей. Догнать жертву Робертсу не удалось. Вернувшись на остров Дьявола, капитан не нашел там своих судов: в его отсутствие Уолтер Кеннеди отомстил недругу, сбежав с обоими его кораблями. Робертс остался с одним шлюпом, горсткой людей и почти без припасов.

Взяв курс на Барбадос, он попытался улучшить свое положение, случайно вступив в бой с двумя барбадосскими военными кораблями. Те, однако, оказали ему отчаянное сопротивление. В результате Робертс потерял тридцать пять человек убитыми, а шлюп получил сильные повреждения. Спасаясь от гибели, Робертс велел выбросить за борт пушки и на облегченном судне сумел дойти до островов Гренадины, где можно было залечить раны. В тот день Бартоломью поклялся отомстить барбадосцам за свое унижение.

Потерпев неудачу в теплых Карибских водах, пираты решили попытать счастья на севере и отправились к Ньюфаундленду. Робертс и не подозревал тогда, что это решение спасло ему жизнь. Всего через несколько часов после их отплытия к островам явились два военных корабля, посланные губернатором Мартиники, с приказом обезвредить пирата, но не смогли его найти.

МЕЖДУ ДВУХ КОНТИНЕНТОВ

В июне 1720 года Робертс вошел в гавань Трепасси на юге Ньюфаундленда. С его шлюпа неслись звуки трубы, а на мачте развевался «Веселый Роджер». В гавани на якоре стояли 22 судна. Увидев приближающихся пиратов, все, кто находился на этих судах, бросились на берег. Как бы объявляя миру о своем возвращении, Робертс ограбил все корабли, выбрал себе самый лучший, а остальные сжег.

После успеха на Ньюфаундленде Робертс продолжал действовать в Атлантике. Энергия и фортуна вели его то к африканским берегам, то к американским. Как-то раз, захватив хорошую добычу, его новый корабль «Королевский жребий» бросил якорь у острова Тобаго. Здесь можно было отдохнуть и пополнить припасы. Тут-то Робертс и узнал о тех двух кораблях с Мартиники, которые чуть не захватили его на Гренадинах. Это сообщение вызвало гнев пирата. Он поклялся отомстить губернатору, а заодно наказать и жителей Мартиники. Подготовившись к походу, он двинулся к ненавистному острову. По пути Робертс захватил голландский корабль. Было это в середине февраля 1721 года. Победа далась ему нелегко: кровавая схватка продолжалась 4 часа. Зато теперь в его руках находилось прекрасное средство для мести. Голландский корабль оказался невольничьим, а такое судно обычно поднимало особый флаг в знак того, что оно готово продать рабов. Робертс знал это и, идя вдоль берегов Мартиники, подал такой сигнал. Вскоре он увидел направлявшихся к нему перекупщиков живого товара. Люди Робертса тут же освободили их от наличных, а затем связали.

Губернаторы Мартиники и Барбадоса вызывали особую ненависть Робертса своими неоднократными попытками его поймать. По-видимому, он считал это личным оскорблением, так как изобрел даже собственный пиратский флаг, на котором изобразил себя, стоящим на двух черепах. Под каждым черепом была надпись, по три буквы: под одним — ГГБ (Голова Губернатора Барбадоса), под другим — ГГМ (Голова Губернатора Мартиники). Этим флагом Робертс как бы посылал предупреждение своим главным недругам, демонстрируя, что их ждет, если они окажутся у него в руках.

Но что-то помешало Робертсу осуществить свой замысел. Он оставил Вест-Индию и опять ушел к Западной Африке. В середине 1721 года он достиг устья Сенегала, который в то время являлся важным торговым путем. Монополию на торговлю рабами, оружием и слоновой костью держали французы, и два их военных корабля постоянно охраняли вход в реку. Приняв судно Робертса за торговое, они сами вышли навстречу. Когда же Робертс поднял «Веселого Роджера», французы так перепугались, что сдались без боя. Робертс милостиво разрешил им сойти на берег, корабли же забрал себе, одно переименовав в «Скитальца», а другое используя как грузовое.

ПОБЕДА ОГЛА

Побережье Западной Африки

С двумя новыми кораблями Робертс пошел к Сьерра-Леоне. Ему стало известно, что там курсируют два английских 50-пушечных корабля королевских военно-морских сил — «Ласточка» и «Веймут», предназначенные для охраны африканского побережья от пиратов. Поначалу Робертс не придавал этому большого значения. Однако спустя несколько месяцев он узнал из перехваченного письма, что «Ласточка» под командованием капитана Огла, находится всего в нескольких днях пути от него, и бдительность пришлось усилить. Посоветовавшись с командой, Робертс решил идти к острову Аннабоно, но ветер отогнал пиратов к мысу Лопес, где они встали на якорь в конце января 1722 года.

Тем временем Огл был вынужден прервать преследование, чтобы похоронить с дюжину своих людей, умерших от лихорадки. У «Веймута» потери оказались еще больше. Из Англии он вышел, имея на борту 240 человек. В плавании приходилось все время заменять вышедших из строя людей, и в конце путешествия в судовом журнале значилось 280 умерших. Несмотря на потери, Огл горел желанием положить конец блестящей карьере Робертса. Похоронив мертвых, «Ласточка» продолжила поиски и в конце концов нашла пирата у мыса Лопес. Это случилось 5 февраля 1722 года.

На подходе к гавани Оглу пришлось изменить курс, чтобы обойти мель. Робертс, заметив маневр, расценил его как признак нерешительности и послал «Скитальца» захватить испуганного противника. Огл сообразил, в чем дело, и, продолжая играть роль убегающего, увлекал «Скитальца» все дальше и дальше. Когда пираты настигли «жертву» и подняли свой флаг, Огл замедлил ход, делая вид, что готов сдаться. Суда поравнялись друг с другом, и в это время по приказу Огла на «Ласточке» открылись пушечные порты и по пи-

ратскому судну ударил залп. В последовавшем затем сражении пираты дрались героически и были готовы скорее даже взорвать свой корабль, нежели отдать его королевским военно-морским силам. Но на этот раз фортуна отвернулась от пиратов.

Захватив «Скитальца», Огл двинулся к мысу Лопес, в то время как ничего не подозревавший Робертс спокойно завтракал в своей каюте. Приближавшийся корабль Огла не вызвал сначала никаких подозрений. Но когда Робертс увидел королевский флаг, реакция его была молниеносной. Пираты подняли якорь и развернули паруса. У Бартоломею мгновенно родился план: на всех парусах идти на корабль Огла, принять его залп, дать свой и, не снижая скорости, уходить из бухты. План был рискованный и отчаянный, но мог сработать. Безукоризненно одетый, в богатом алом камзоле и бриджах, в шляпе с красным пером, Робертс отдавал одну команду за другой. Но его люди, позволив себе накануне слишком много спиртного, не успевали за своим капитаном. Огл дал второй бортовой залп, картечь настигла Робертса, и он навзничь упал на палубу. Думая, что капитан лишь ранен, пираты перевернули его на спину. По воротнику роскошного камзола расплывалось кровавое пятно: Робертс был мертв.

Лишившись предводителя, пираты сопротивлялись недолго, и Огл захватил их корабль. Большинство джентльменов удачи окончили жизнь на виселице, а капитан Огл был удостоен рыцарского звания за освобождение Атлантики от «великого пирата Робертса».

Так завершилась еще одна, полная драматических событий глава золотого века пиратства.

ДОЛГОВЯЗЫЙ БЕН, ИЛИ АРХИПИРАТ

Капитан Эйвери на Мадагаскаре

В 1700 году в Лондоне была издана небольшая книжка под интригующим названием «Жизнь и приключения капитана Джона Эйвери, Мадагаскарского владыки». Автор не поставил своего имени, подписавшись просто «неким свидетелем, которому удалось сбежать с Магадаскара». Книжка повествовала о том, как капитан Эйвери, известный английский пират, провозгласил себя королем Мадагаскара и жил на этом острове как и подобает настоящему восточному властелину. Богатство же свое он нажил морским разбоем: захватил мавританский корабль с неисчислимыми сокровищами на борту, среди которых находилась и прекрасная дочь Великого Индийского

Могола. При захвате корабля многих женщин убили, но индийской принцессе была уготована судьба, худшая, чем смерть: Эйвери держал ее на Мадагаскаре как свою наложницу..

В Англии ходили разные версии этой истории, ведь при жизни Эйвери своей славой превосходил многих других известных пиратов. Его даже называли Архипиратом. Пьеса о нем под названием «Удачливый пират» была поставлена в Лондонском театре в 1712 году и имела грандиозный успех.

Настоящее имя «удачливого пирата» — Генри Эйвери, а свои называли его Долговязый Бен (явно не без юмора, ибо современники описывают его как приземистого, склонного к полноте мужчину). О происхождении Генри известно немного. В молодости он был честным моряком, служил в королевском, а затем торговом флоте, и к пиратству его побудила неверность жены. С 1690 по 1692 год Эйвери являлся капитаном корабля, нелегально промышлявшего работорговлей, и ему покровительствовал губернатор Багамских островов. Настоящая пиратская карьера Эйвери началась в 1694 году, когда он нанялся помощником капитана на каперское судно «Карл II», которое шло из Бристоля в Ла-Корунью, где собиралось присоединиться к испанской экспедиции

Флот Эйвери против французских купцов

ПИРАТЫ В ЛИЦАХ

против французов. Однако судьба распорядилась по-иному. На судне вспыхнул кровавый мятеж, вызванный отсутствием вожаемой добычи. Команде не платили уже восемь месяцев, и нет надежды на поживу за счет французов. Капитану предъявили ультиматум: или встать на путь пиратства, или покинуть свой пост. Тот выбрал последнее, и его высадили на берег. Наступил звездный час Эйвери: команда выбрала его капитаном, а судно изменило название на «Фенси» («Каприз»).

Ставший пиратским, корабль взял курс на острова Зеленого мыса и по пути забрал по праву сильнейшего провиант с трех английских кораблей. Далее пираты захватили два датских судна, но их первая добыча не впечатляет: всего по 8 унций золота на человека. Еще несколько мелких приобретений, и вот уже «Фенси», минуя мыс Доброй Надежды, заходит на один из Коморских островов. Вскоре сюда же пришло французское пиратское судно с добычей, взятой в Красном море. Эйвери, не забывая, что Англия находится в состоянии войны с Францией, захватывает его. Теперь добыча принадлежит капитану, после чего Эйвери благополучно забыл о войне и нанял французов в свою команду. Перед тем как плыть дальше, Генри написал открытое объяснительное письмо своим соотечественникам и попросил местного вождя вручить его англичанам, когда те здесь появятся.

Теперь «Фенси» держал курс к Красному морю, где пираты намеревались поджидать Кофейный флот Великого Могола. По пути к Эйвери присоединились два пиратских корабля из американских колоний; еще два судна пополнили его флот уже в Красном море. Вскоре появились Кофейный флот, но лишь два корабля становятся добычей пиратов, остальным удалось ускользнуть под покровом ночи.

На просторах Индийского океана

Добыча на этот раз превзошла самые смелые ожидания пиратов. Один из захваченных кораблей, «Ганг-и-Саваи», оказался крупнейшим во всем флоте Великого Могола. Корабль был хорошо вооружен: 62 пушки крупного калибра, четыре сотни мушкетеров и других солдат. Схватка продолжалась два часа, обе стороны несли тяжелые потери, но в конце концов пираты взяли верх в абордажном бою.

Индийский историк Хафи Хан обвиняет капитана «Ганга» Ибрагима Хана в поражении.

«Англичане не столь блестяще владеют саблями, — пишет он, — и при явном нашем преимуществе в вооружении мы обязаны были их разгромить, будь сопротивление организовано должным образом».

Историк сообщает, что, когда пираты прорвались на палубу «Ганга», Ибрагим Хан бросился в трюм, где держал молодых турчанок, взятых им в Мекке, надел на девушек тюрбаны и велел им сражаться. Разумеется, участие в схватке таких «воинов» не решило исхода битвы. Англичане, захватив корабль, убили немало мужчин и не упустили возможности изнасиловать женщин — не важно, были они молоды или стары. Затем они оставили «Ганг», забрав с собой почти всех женщин. Несколько знатных дам бросились в море, другие сами закололи себя оружием англичан. Среди знатных дам, на которых польстились необузданные пираты, находилась престарелая родственница индусского владыки, возвращавшаяся из Мекки. По-видимому, она-то и послужила анонимному автору «Удачливого пирата» прототипом... «прекрасной принцессы».

Члены команды «Фенси» впоследствии не отрицали, что англичане пытали мужчин, заставляя отдавать спрятанные на борту судна сокровища, которых оказалось великое множество, насиловали пленниц. Добычу делили на французском острове Реюньон: каждый пират получил около 1 тысячи фунтов наличными и некоторое количество драгоценных камней в придачу. Сделав дело, пираты после некоторых споров согласились с предложением предводителя идти на Багамы, где они могли рассчитывать на радушный прием. Итак, «Мадагаскарское королевство» капитана Эйвери, скорее всего, такой же миф, как и его «прекрасная принцесса».

Прежде чем появиться на Багамах, осторожный капитан зашел на остров Св. Томаса. И не зря: оказалось, что на Багамах теперь другой губернатор, Николас Тротт. Эйвери написал письмо, выразив надежду, что новый губернатор отнесется к нему столь же благосклонно, как и его предшественники. Разумеется, подразумевался взаимный интерес.

Тротт принял предложение без оговорок. Но при подходе к порту Провиденс «Фенси» попал в сильный шторм, был выброшен на берег и полностью разбит. По совету Тротта пираты сняли со своего корабля пушки, которые затем установили на берегу для защиты гавани.

УДАЧЛИВЫЙ ПИРАТ

Обосновавшись на Багамах и зная, что Ост-Индская компания не оставит без последствий их «подвиги» в Красном море, Эйвери и его команда стали искать возможность получить королевское прощение. В этом им мог помочь губернатор Ямайки, имевший влияние при дворе. Пираты обратились к нему с просьбой, предлагая хороший гонорар за содействие, но тот, не поддавшись соблазну, отказался.

Тем временем Ост-Индская компания, находясь в очень сложных отношениях с индийскими властями из-за действий английских пиратов, умоляла британское правительство принять ответные меры. Правительство издало указ о награде в 500 фунтов за голову каждого члена шайки Эйвери, а компания эту награду удвоила.

Не получив поддержки губернатора Ямайки, пираты покинули своего капитана и рассеялись: одни перебрались на американский материк, другие — на соседние острова Вест-Индии. Часть команды, купив два шлюпа, отплыла в Англию. Капитаном одного из шлюпов был сам Эйвери, но теперь его звали Бриджменом. Оба судна благополучно пересекли океан и в июне 1696 года добрались до Ирландии. Здесь, при разгрузке своей добычи, они вызвали подозрение местного шерифа. Один из пиратов, Филип Миддлтон, был арестован. Спустя три месяца, в Лондоне, он дал пространные показания против своих бывших товарищей по ремеслу. Другой пират из команды Эйвери, Джон Ден, благополучно добравшись до Англии, был выдан полиции одной девицей, которая пришла в негодование от скупости своего клиента, хотя у того, как она сумела заметить, денег было больше, чем полагалось иметь простолюдину. Ден дал показания, которые подтвердили достоверность информации Миддлтона.

До конца года были арестованы еще несколько бывших людей Эйвери, и свидетельств о жестоких похождениях удачливого пирата прибавилось. Кроме того, показания пойманных преступников указывали на широкое потворство со стороны губернаторов американских колоний, что также не осталось без последствий.

Из двадцати четырех осужденных шестерых повесили, а остальных отправили на плантации в Виргинию. Самого Эйвери так и не нашли. По свидетельству Дена, капитан из Ирландии отправился в Шотландию, но собирался потом перебраться в Девоншир.

Конец действительной истории Архипирата остается загадкой. После ареста своих бывших товарищей он вряд ли продолжал называть себя Бриджменом, а раз так, то хроника его дальнейшей жизни скорее всего никогда не станет известной. Можно предположить, что Эйвери благополучно окончил свои дни в Англии и даже посещал Лондонский театр, где любовался пьесой «Удачливый пират».

ПИРАТ-ПУТЕШЕСТВЕННИК ФРЭНСИС ДРЕЙК

Пираты являлись не только грабителями, но иногда, «по совместительству», и путешественниками, открывателями новых земель. Жизнь заставляла... Многие из них попали на страницы энциклопедий и справочников и ныне предстают перед нами весьма уважаемыми людьми. Впрочем, некоторые из них отнюдь не кровожадны. Кое-кто на склоне лет отходил от разбойного промысла, покупал себе дворянские титулы и поступал на королевскую службу. Такой неоднозначной фигурой, например, являлся прославленный Фрэнсис Дрейк. Именем этого пирата-путешественника даже назван пролив на южной оконечности Южной Америки.

XVI век ознаменовался прославленными путешествиями целой плеяды знаменитых английских капитанов. Фробишер и Хокинс, Рэйли и Девис, Дрейк и много других блестящих мореходов бороздили волны Северной Атлантики и Карибского бассейна, Индийского океана и Полинезии. Увы, эта пора являлась одновременно и эпохой расцвета пиратского промысла. Поэтому все перечисленные здесь капитаны прославились в первую очередь как «джентльмены удачи».

Испанцы «знакомятся» с индейцами

Королева Елизавета I

Самым известным англичанином XVI века, без сомнения, был сэр Фрэнсис Дрейк — пират и работорговец, кругосветный мореплаватель и талантливый флотоводец, сыгравший решающую роль в разгроме испанской «Непобедимой армады».

Являясь близким родственником известного пирата и торговца «живым товаром» Джона Хокинса, Фрэнсис с 23 лет ходил на его кораблях к берегам Западной Африки, возвращаясь оттуда с трюмами, полными невольников.

Затем Дрейк решил самостоятельно заняться пиратским ремеслом. Он начал нападать на испанские суда, перевозившие сокровища¹⁴. Так, в разбойничьих трудах и заботах, пролетело 12 лет. За это время капитан Дрейк накопил немалый мореходный опыт и кое-какой капитал, что позволило ему предложить королеве и ее приближенным дерзкий проект пиратской экспедиции в

¹⁴ В одной из экспедиций добыча составила 310 тысяч фунтов стерлингов. 300 тысяч в качестве подарка Дрейк преподнес английской королеве Елизавете I, которая являлась заклятым врагом Испании. (Прим. ред.)

испанские колонии на Тихоокеанском побережье Америки. Здесь никто не ожидал нападения англичан, и добыча могла быть значительно больше, чем в порядком ошипанных пиратами портах Карибского моря.

Королева Елизавета благосклонно отнеслась к планам Дрейка и даже соизволила внести свою лепту в финансовое обеспечение экспедиции в размере... тысячи крон. Более весомый вклад сделали высокопоставленные королевские чиновники: граф Эссекс, Уолсингем и Берли. Впрочем, досточтимые лорды не собирались оставаться внакладе и действительно не просчитались. По возвращении Дрейка они получили свою долю добычи, и прибыль их составила... 5000 процентов на вложенный капитал...

Но все это случилось позже. А мы хотим вам рассказать о кругосветном путешествии капитана-пирата. В декабре 1577 года пять кораблей флотилии Дрейка вышли из порта Плимут и взяли курс на юг. Сам Дрейк командовал флагманским кораблем «Пеликан», позднее переименованным им в «Золотую лань». Экипаж всей флотилии составлял всего 160 человек. Поразбойничав сначала у африканских берегов, Дрейк захватил и ограбил больше десятка

ПИРАТЫ В ЛИЦАХ

испанских и португальских кораблей с богатым грузом. Кроме того, в его руки попала и иная добыча — португальский лоцман, ходивший ранее в Южную Америку.

В июне 1578 года флотилия Дрейка подошла к бухте Сан-Хулиан, находящейся сравнительно недалеко от Магелланова пролива. Бухта эта, печально известная бунтом, случившимся во время стоянки здесь экспедиции Магеллана, и на этот раз оправдала свою дурную славу. На одном из кораблей вспыхнул мятеж, распространившийся на команду. Все закончилось тем, что Дрейк казнил одного из капитанов — Доути, обвинив его в подстрекательстве к мятежу и предательстве. Оставив в бухте два сильно поврежденных корабля, поредевшая флотилия двинулась дальше. Но на входе в

Магелланов пролив сильнейший шторм обрушился на суда и в течение 50 дней гнал их на юг. Итогом стало открытие Дрейка, что Огненная Земля — остров, а не выступ Южно-Американского материка, как считалось ранее. Широкий пролив, отделяющий этот остров от Антарктиды, носит ныне имя Дрейка.

Шторм нанес флотилии серьезный урон: один корабль утонул, а другой из-за повреждений вынужден был вернуться в Англию. Однако Дрейк не привык отступать. На единственном оставшемся корабле — «Золотой Лани» — он направился на север, к побережью Чили. Дальше начинается полоса активных и удачных пиратских походов Дрейка. 5 декабря 1578 года англичане нападают на порт Вальпараисо, в результате чего захватывают корабль с ценным грузом и грабят побережье. 5 февраля 1579 года — налет на порт Арика и новые трофеи. Затем — нападение на перуанский город Кальяо. Из-под носа Дрейка уходит галеон с грузом золота и серебра. Следует яростная погоня, и 1 марта галеон захвачен после пушечного обстрела. Драгоценные слитки перекачивают в трюм «Золотой лани».

Фрэнсис Дрейк выполнил поставленные перед собой задачи. Добыча его огромна. Но возвращение домой прежним путем стало невозможным. Слухи о наглых нападениях и грабежах дошли до испанских властей, и военные корабли Испании караулили «Золотую лань», чтобы расквитаться с пиратом за все его злодеяния.

Тогда Дрейк уходит на север, нападает на мексиканский порт Гуатулко, грабит его, заодно пополняет запас провианта. Затем он ведет «Золотую лань» еще севернее, надеясь найти пролив, соединяющий Тихий океан с Атлантикой. Корабль английского пирата доходит до 49-го градуса северной широты! Так далеко на север вдоль Тихоокеанского побережья не забирался еще ни один мореплаватель! Но никаких признаков пролива обнаружить не удастся, и Дрейк вынужден повернуть к югу. И тут ему улыбается удача: у берегов Никарагуа англичане захватывают корабль, на котором находят карты Тихого океана и Филиппинских островов. Это подсказывает Дрейку идею вернуться в Европу через Тихий и Индийский океаны.

В июле 1579 года «Золотая лань» берет курс на запад. Сделав лишь четыре остановки в пути (на Филиппинах, Молуккском архипелаге, острове Ява и в Сьерра-Леоне), Дрейк в 1580 году с триумфом возвращается в Англию. Так, через 60 лет после путешествия Магеллана еще одному кораблю удалось обойти вокруг света. Причем Дрейк стал первым капитаном, который от начала до конца командовал кораблем в кругосветном плавании.

Но для встречавших в Плимуте «Золотую лань» сановников главным было не это. Корабль Дрейка привез золота и драгоценностей на сумму, равную двухгодичному доходу всей королевской казны! Королева приказала своему капитану лично прибыть в Лондон с наиболее эффектными драгоценностями и удостоила его шестичасовой беседы. Вскоре Елизавета пожаловала Дрейку рыцарский титул.

Став дворянином, разбойник и грабитель сделался уважаемым членом общества. Он купил себе поместье и женился на богатой наследнице. Дрейка выбрали мэром Плимута и членом парламента. Однако спокойная жизнь была моряку явно не по душе. Он организовал еще две пиратские экспедиции в Карибское море, а в промежутке между ними успел принять участие в войне с Испанией. Также неоднократно он отправлялся к берегам Америки грабить «Золотой флот» испанцев. Потом дерзко разбойничал в Европе, прямо под

Просторы Атлантики стали ареной многих пиратских сражений

носом у короля Испании Филиппа II. Как говорил сам Дрейк — «подпаливал ему бороду».

Сэру Фрэнсису Дрейку, назначенному вице-адмиралом британского флота, принадлежит главная заслуга в триумфальном сражении с «Непобедимой армией», посланной Филиппом II против англичан. Несмотря на двойной перевес в численности кораблей и пушек, испанцы потеряли 60 кораблей из 130 и вынужденно отступили.

Отправившись в 1596 году к берегам Панамы, сэр Фрэнсис Дрейк заболел желтой лихорадкой, а проще говоря дизентерией, и скончался на борту своего корабля. Как и положено у моряков, его тело, в соответствии с завещанием самого Дрейка, поместили в свинцовый гроб и опустили в Карибское море, которое было свидетелем первых подвигов знаменитого английского «джентльмена удачи».

Погибла в море и «Золотая лань». Но не от шторма или ядер противника. Ее деревянный корпус превратил в труху крошечный червячок — тореда.

Но вот сравнительно недавно репутация знаменитого английского пирата получила неожиданный удар. Министерство обороны Великобритании не стало финансировать операцию по извлечению его гроба со дна Карибского моря. А британская королевская почта отказалась выпустить серию почтовых марок, посвященных 400-летию со дня его смерти.

Чем же мотивируют власти свое нежелание чествовать земляка? Почтовики объяснили свой отказ тем, что в 1973 году уже выпускались марки с профилем сэра Фрэнсиса. Военные же сослались на дороговизну предстоящей операции по извлечению гроба. Но скорее всего, англичане не хотят оскорблять чувства испанцев, чьи предки пострадали от рук Дрейка, а также американцев: ведь именно с Дрейка ведет начало рабство на Северо-Американском континенте, куда он регулярно поставлял «черное золото».

ПИРАТЫ В ЛИЦАХ

А может, англичане вспомнили, как противились латиноамериканские страны празднованию 500-летнего юбилея открытия Америки Колумбом, с чьим именем у многих связано начало жестокого истребления южно-американских народов...

РОБИН ГУД МОРЯ-ОКЕАНА

Сэмюэль Беллами

Среди длинной вереницы морских разбойников, оставивших более или менее заметный след в истории пиратства, встречаются личности весьма неординарные. Наряду с заурядными грабителями, интересы которых не выходили за рамки наживы, просторы морей бороздили поистине уникальные пираты, достойные восхищения не только за проявленный героизм и благородство, но и подводившие под свои действия ярый социальный протест против несправедливостей несовершенного мира.

Достоверная биография уроженца Новой Англии капитана Сэмюэля Беллами прослеживается с 1715 года, когда он отправился в Вест-Индию искать затонувший испанский галеон с сокровищами. Не обнаружив на морском дне золотых россыпей, он решил поискать их в трюмах торговых кораблей и присоединился к известному французскому пирату Левассеру, прославившемуся позже в Индийском океане. Крейсируя в водах Флориды, Кубы и Багамских островов, они грабили все суда, попадавшие им на пути.

В ТЕАТРЕ КАК В ЖИЗНИ

Беллами не был чужд искусству, которое пытался прививать своим буйным подчиненным. Однажды капитан решил поставить на борту корабля пьесу «Королевский пират», которую видел несколько лет назад в одном из театров Бостона. В последнем акте Александр Македонский приказывает казнить пойманного пирата Диомеда. Страстный монолог Диомеда на премьере неожиданно прервал помощник капитана, никогда не видевший ничего подобного. Уверовав в реальность происходящего, он бросился в трюм и позвал подвыпивших товарищей спасать осужденного:

— Если они повесят Джека, то следующими будем мы!

Хмельная братия, размахивая саблями, устремилась на палубу. Потасовка была недолгой, но жаркой. Когда появился Беллами и восстановил порядок, пирату, игравшему роль судьи, уже успели отрубить руку, а «Александрю Македонскому» — ногу.

Перед командами захваченных судов Сэмюэль Беллами неизменно произносил речь, пропагандируя свои взгляды и идеи:

— Я не злодей, и вам ничего не грозит. Я веду войну только с богатеями, которые нажили свои деньги путем обмана слабых и обездоленных. Я не признаю законов, которые выдумали богачи для своей безопасности, ибо как же иначе они, кровопийцы, лишённые храбрости, занимались бы мошенничеством? Будь они все прокляты! Эти хитрые негодяи клеветуют на нас, изображая душегубами, хотя различие между нами состоит лишь в том, что они грабят бедных под прикрытием закона, а мы грабим богатых под защитой нашей собственной отваги. Так не лучше ли вам стать одними из нас, чем пресмыкаться перед этими мерзавцами?

Тем же, кто все-таки отказывался стать вольным охотником на стезе справедливости, капитан презрительно бросал:

— Все вы дьявольски совестливые болваны, черт бы вас побрал! Что толку убеждать слюнтяев, которые позволяют себя обирать под защитой священника-сводника, который сам не верует и не поступает так, как советует тупо-

умным дуракам, коим проповедует смирение и лучшую долю на небесах. Я высажу вас на первой же стоянке и убирайтесь с глаз моих! Подставляйте свои задницы для пинков и дальше, если вам это нравится!

Высаживаясь на берег, новоявленный Робин Гуд щедро одаривал самых бедных местных жителей, неизменно делая предпочтение одиноким старикам и семьям, оставшимся без кормильцев!

В начале 1717 года Беллами взял на абордаж великолепный 18-пушечный корабль «Уайдах», укрепил его еще десятью пушками и сделал этот трофей флагманским кораблем своей эскадры. В трюмах «Уайдаха», помимо хины, индиго и сахара, оказалось 180 мешков золотых и серебряных монет. Беллами решил припрятать богатую добычу, для чего отправился на север, дабы подыскать надежное местечко. В районе полуострова Кейп-Код, штат Массачусетс, пиратская флотилия попала в сильнейший шторм. «Уайдах» при порыве ветра буквально лег на бок и едва не опрокинулся. Беллами приказал убрать часть парусов, но к ночи шторм усилился. Вспышки молний выхватывали из сплошной темноты поверхность взбесившегося океана. Удары гигантских волн, перекатываясь через палубу, сотрясали корабль. Рулевые изо всех сил удерживали судно против ветра. Но силы были неравны.

Грот-мачта переломилась в трех футах над палубой и полетела вместе с такелажем за борт. Вслед за ней отправилась и бизань-мачта. Беллами растерял все свои суда и боролся с непогодой в одиночку..

Ближе к утру, в полнейшей темноте, «Уайдах» налетел на берег. Треск ломающегося шпангоута слился с воплями пиратов. Беллами исчез в бурунах одним из первых, часть матросов, удержавшихся на плаву, изо всех сил боролась за жизнь. Из 146 человек команды спастись удалось лишь двоим — плотнику и матросу-индейцу.

Когда через сутки распогодилось, на место крушения сбегались местные жители. Обломки корабля море разбросало на протяжении четырех миль. В течение двух дней, пока не прибыли официальные власти, жители полуострова выковыривали из песка золотые и серебряные монеты.

Но основная часть сокровищ капитана Беллами осталась в прибрежных водах. В 1982 году к их поискам приступил американец Барри Клиффорд. Нанятые им ныряльщики на глубине 10 метров обнаружили несколько медных гвоздей и обрывки корабельных снастей. Клиффорд был уверен, что это остатки «Уайдаха», но не смог убедить своих компаньонов, и работы временно пришлось свернуть.

Через два года, найдя деньги на собственные исследования, Клиффорд продолжил поиски. На том же месте ему удалось обнаружить три пушки, а еще через год один из аквалангистов наткнулся на судовой колокол. Когда находку очистили от ракушек, на бронзовом ободе проступила надпись: «Уайдах гелли. 1716 г.».

— Мы почти у цели! — радовался кладоискатель.

Клиффорду повезло. В отличие от многих других горе-кладоискателей он не сошел с ума, не разорился и не превратился в фанатика. Ему сравнительно быстро и без больших затрат удалось реализовать планы, не дававшие спать по ночам. Счастливчик Барри, как его окрестила американская пресса, поднял со дна моря сокровищ на 15 миллионов долларов.

Так Фортуна, руководствуясь своими таинственными законами, отвернулась в свое время от благородного Робин Гуда — Беллами, чтобы через три века улыбнуться другому.

Гибель «Уайдаха»

ЗАГАДКА ЧЕРНЫХ СКАЛ

Основателем первой пиратской обители на Блэк-Рокс считается крупный гонконгский мафиозо Вонг Кунг-Кит. Этот бандит обосновался здесь еще в 20-х годах прошлого века, действуя просто, но очень жестоко. На море он обкладывал данью рыбаков, на суше — ремесленников, торговцев и владельцев ресторанов. Всех, кто не подчинялся, Кунг топил в море. Это оказалось достаточным, чтобы вскоре в округе не осталось ни одного строптивца.

Однако «соратники» Кунга, слегка разбогатев, покидали своего патрона, что ослабляло его «армию». Поэтому он принялся материально помогать всевозможным закрытым религиозным сектам, которые, в свою очередь, поставляли Кунгу надежных молодых парней. Все они были бедными, безработными и голодными, а потому Кунгу не составляло труда заставить их работать на себя. Порция риса с рыбой, новые штаны и обувь делали их верными и преданными Кунгу людьми. Эти новобранцы и составили его первые пиратские экипажи.

ПИРАТЫ ПРОТИВ ТАНКЕРОВ

На небольших ботах и джонках пираты нападали на мелкие торговые суда, очищали их трюмы от всего ценного, команду убивали и отправляли на дно, а суда продавали либо оставляли себе. Бизнес Кунга процветал. Дисциплина среди его моряков была железной: непослушание, трусость, дезертирство или попытка уйти в отставку карались смертью.

Так продолжалось до 1939 года, когда 49-летний Вонг Кунг внезапно влюбился в 14-летнюю красотку Чан. После свадьбы Кунг не расставался с женой ни на минуту, и его люди подчинялись ей так же, как и своему хозяину. Однако прошло шесть лет, и Чан стала вдовой. Но, как оказалось, эта девочка привыкла не столько к роскоши и богатству, сколько к власти. Она возглавила пиратскую флотилию, уже насчитывавшую около полутора десятков военных моторных катеров с приличным вооружением. Именно с приходом к власти мадам Вонг пираты развернулись в полную силу. Так, в 1947 году они ошибочно захватили небольшой, груженный нефтью танкер. Когда Чан узнала об этом, ее головку посетила мысль о сверхприбылях. Нефть продали, а танкер отремонтировали и зарегистрировали под новым именем. Но это вовсе не означало, что пиратов перестали интересоваться торговые суда или честные ремесленники. Просто нефть сулила куда более значительные доходы.

Чтобы без помех попадать на танкеры, хитрая Чан раздобыла для своих головорезов форму таможенников и полиции. Естественно, ничего не подозревавшие капитаны иностранных танкеров спокойно подчинялись требованиям остановиться. Оказавшись на палубе, бандиты предъявляли морякам... автоматы. Этого оказывалось достаточно, чтобы экипажи танкеров перекачивали нефть в трюм пиратского судна. В противном случае команду попросту запирали в каюте, делали свое дело, а судно отпускали на волю волн.

В этих случаях пираты обходились без кровопролития, что вызывало недоверие гонконгских властей к рассказам капитанов о налетах. Да и страховые компании отказывались возмещать судовладельческим компаниям убытки. А Чан тем временем богатели. Есть сведения, что к 1950 году в ее флотилии

насчитывалось около 60 судов, а к 1960 — уже 200, а под ее командованием находились более 10 тысяч пиратов!

Чан также захватила и регулировала всю проституцию, как на берегу, так и на море. Идея создания плавучих публичных домов принадлежала именно этой женщине. Сначала она придумала весьма любопытный ход. Вечером к торговому судну, находящемуся на рейде, подплывала лодка с полуголыми девицами. Команда корабля, завидев дешевых проституток, тайком от начальства поднимала их на борт, и начиналась оргия. Моряки распивали принесенный девицами алкоголь, не подозревая, что он «с сюрпризом». Утром оказывалось, что трюмы судна пусты, но это почти никого уже не волновало из-за тяжелого похмелья. Случалось и так, что вся команда просыпалась на боте, в котором вечером к кораблю подходил плавучий бордель, а судно с проститутками и пиратами было уже далеко в открытом море.

Хитроумная Чан Вонг

МЕСТНЫЙ БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Возникает естественный вопрос: куда же десятилетиями смотрели власти Гонконга? Отвечаем. Одни чиновники — самых высоких рангов — смотрели в свои кошельки, постоянно пополнявшиеся щедрой рукой Чан, других делали «слепыми» ее искусные проститутки. Империя Чан процветала. Сама же королева пиратов много времени проводила на Черных скалах. Видимо, не доверяя банкам все свое золото, Чан складировала драгоценный металл на одном из многочисленных островков. Каждое судно, приближавшееся к Блэк-Рокс, подвергалось атаке неизвестных катеров и прицельному обстрелу. А рыбацкие суденышки пропадали бесследно, словно в Бермудском треугольнике.

Когда вконец обнаглевшей Чан заинтересовался Интерпол, то выяснилось, что ни у кого в мире нет ее фотографии. За портрет королевы пиратов объявили вознаграждение в 25 тысяч долларов. В Гонконг потянулись фотографы — любители и профессионалы. И почти все они бесследно исчезли.

Жутким исключением стали филиппинский и австралийский журналисты. Упакованную в коробку для торта голову филиппинца получил по почте его же редактор. А шефу австралийца прислали конверт с двадцатью четырьмя фото. Причем на каждом отдельном снимке была запечатлена отдельная часть его подчиненного...

С лета 1963 года о вдове великого Вонг Кунг-Кита ничего не слышно. Но существует версия, что тогда на одном из островов произошел сильнейший взрыв, почти полностью его уничтоживший, и мадам Вонг погибла. Об этом Интерполу рассказали несколько ее бывших подчиненных. Их имена, естественно, не разглашаются. С тех пор к Блэк-Рокс потянулись искатели кладов, но их преследовали неудачи, если не сказать злой рок. Кто-то из экипажа бесследно пропал, или судно шло ко дну, или ни с того ни с сего взрывался двигатель. Ужасна участь трех американских яхтсменов (двух мужчин и 23-летней девушки), вставших в 1977 году на якорь неподалеку от злополучного острова. Одного мужчину нашли прибитым гвоздями к борту яхты. Тело второго выловили из моря: на его акваланге был перерезан кислородный шланг. Девушка же потеряла рассудок. Врачи установили, что ее насиловали в течение нескольких суток. Спустя четыре месяца она скончалась в психиатрической клинике, так ничего и не сообщив следствию.

После этих жутких событий поток кладоискателей у Блэк-Рокс пошел на убыль. Но вероятно, что в гротах и пещерах Черных скал все же находится что-то существенное. Может быть, это сокровища или духи Кунга и Чан, а может быть, там обитают их «законные» наследники и последователи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

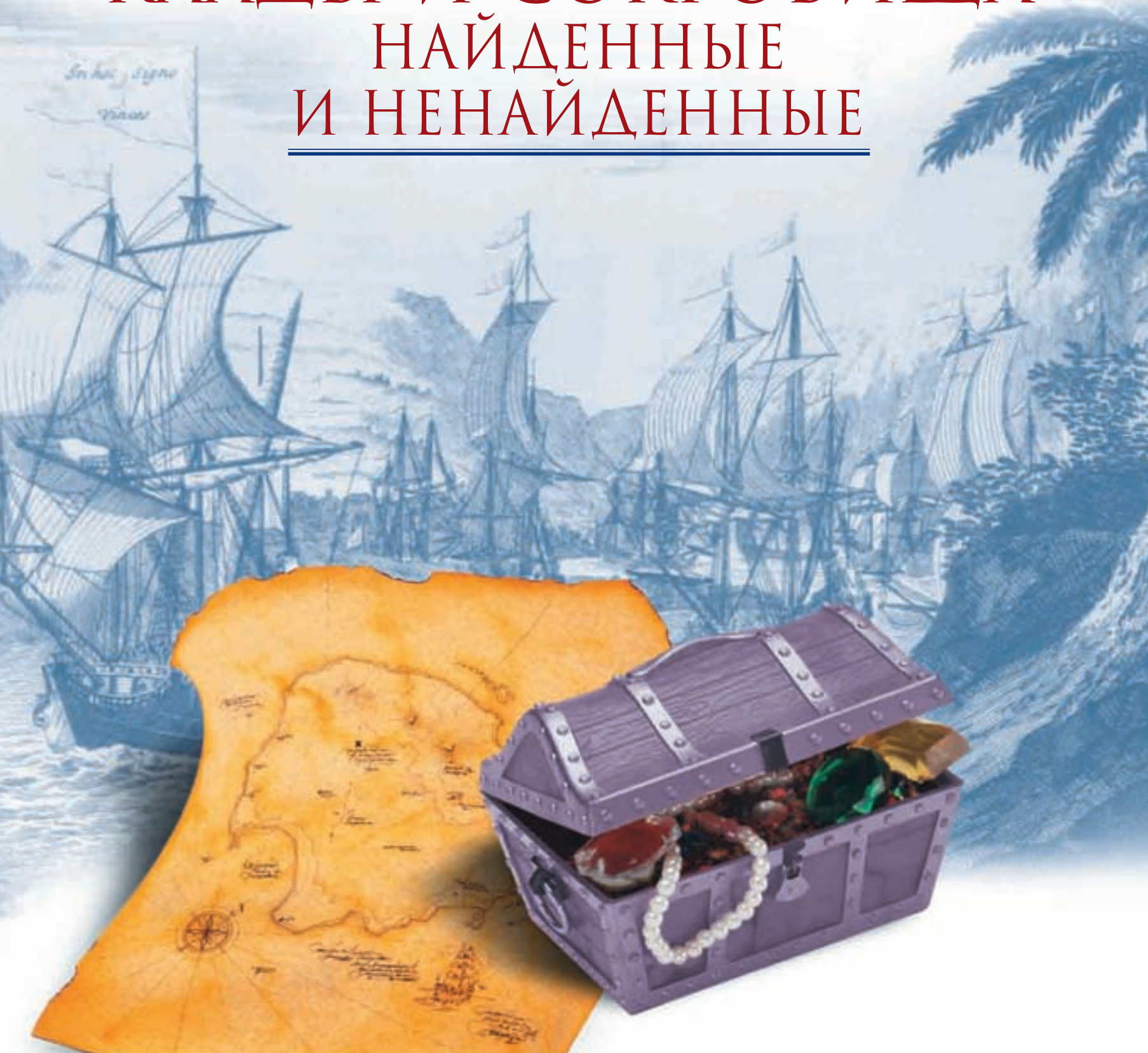

ПИАСТРЫ! ПИАСТРЫ! КЛАДЫ И СОКРОВИЩА: НАЙДЕННЫЕ И НЕНАЙДЕННЫЕ

ГИБЕЛЬ «САН-ДИЕГО»

Почти 400 лет назад у берегов Филиппин в одном из морских сражений затонул испанский галеон. Сравнительно недавно подводникам удалось обнаружить обломки судна и кое-что из его груза. Археологи даже не подозревали, что предметы кухонной утвари времен династии Мин, множество глиняных кувшинов и треснувшие шпангоуты выведут на след ужасной трагедии, унесшей в морскую пучину 350 жизней.

Обнаружить судно, затонувшее столетия назад, удастся не каждому исследователю. Подобное открытие для археолога-подводника — истинная награда за

В водах островов до сих пор лежат клады на много миллионов долларов

многолетние поиски и труды. Для Френка Годдио, подводного археолога со стажем, галеон «Сан-Диего» — опыт совершенно особый. Его находка «выдала на-гора» не только пушки, кувшины, гвозди... в общем, не одну лишь мертвую материю. Одновременно она пролила свет на события, послужившие ярчайшим примером человеческой ничтожности, вполне достойным того, чтобы быть вписанным в энциклопедию глупости, если бы таковая имелась.

По свидетельству Френка Годдио, его знакомство с галеоном «Сан-Диего», исчезнувшим в филиппинских водах 14 декабря 1600 года, началось задолго до обнаружения судна — тогда, когда он начал рыться в архивах, скрупулезно изучая пожелтевшие бумаги со свидетельствами немногих уцелевших в этой трагедии.

Поначалу история галеона не обещала ничего загадочного. Имеются точные сведения о дне и часе его гибели, о численности экипажа, количестве орудий и типе груза. Даже место катастрофы: в шести милях от острова Лусон. Так, во всяком случае, значится в объемистом протоколе, пылящемся вот уже почти 400 лет в испанских архивах и составленном свидетелем катастрофы, адмиралом Антонио де Моргой.

А теперь лучше дать слово Френку Годдио:

«Чем глубже я уходил в детали, тем сильнее путался. Существовали ведь свидетельства и других выживших. А те придерживались своих версий, существенно расходившихся с показаниями де Морги. Взять хотя бы записки капитана голландского галеона «Маврикий», едва не затонувшего рядом с «Сан-Диего». Именно из них я узнал, что на «Сан-Диего» разыгралась подлинная драма, истоками которой послужили мелочность, некомпетентность и тщеславие, погубившие 350 человек».

Так что же случилось? Френк Годдио потратил много времени на сопоставление фактов и материалов, после чего сделал собственное, обоснованное заключение. Теперь и мы имеем возможность проследить за его выводами, пережив заново события, произошедшие четыре столетия назад.

ГАЛЕОН ГОТОВ К ПЛАВАНИЮ

Шел к концу 1600 год. В Риме был сожжен Джордано Бруно. В будущих Нидерландах изобрели первую подзорную трубу. А в Маниле, столице Филиппин, контролируемой Мадридом с 1565 года, поднялся настоящий переполох: в прибрежных водах курсировали голландские каперы. И это тогда, когда весь испанский флот выступил на подавление исламских мятежей на юге архипелага! Манила, где, кроме 20 000 филиппинцев и 15 000 китайцев, проживали всего 2000 испанцев — женщины и дети в том числе, — была практически беззащитна перед возможной атакой голландцев.

А полностью загруженный 270-тонный галеон «Маврикий» под командованием капитана Оливье ван Ноорта и сопроводительный шлюп «Эендрахт»,

История Филиппинских островов хранит много пиратских сюжетов

водоизмещением 50 тонн, — почти два года находились в пути, представляя собой лишь жалкий остаток некогда могущественной боевой группы, которая вместе с четырьмя другими протестантскими флотилиями обошла едва ли не полмира, чтобы помешать Испании, своему старому противнику, в ее прибыльной дальневосточной торговле. Во время страшных штормов у берегов Южной Америки ван Ноорт потерял два больших корабля и 150 матросов. В команде осталось чуть больше 90 человек. В Чили он смог загрузить в качестве провианта только птичьи яйца и засоленное мясо пингвинов, и, как следствие, на борту вскоре стала свирепствовать цинга.

И все же голландцы, практически неспособные сражаться, достигнув Филиппин, пошли на хитрость, выдав себя за французов. Один из голландских «еретиков» даже оделся в костюм католического священника. Хитроумным чужакам удалось водить за нос испанцев почти 10 дней, что позволило морякам немного отдохнуть. Позже, однако, надувательство раскрылось, и ван Ноорту едва удалось ускользнуть. Теперь провианта и питьевой воды на судне хватало, но силы команды были на исходе. Самое большее, на что могли бы решиться голландцы, это атаковать пару джонок с китайским фарфором, следующих в Манилу. Самое время возвращаться домой!

Жителям Манилы до голландцев дела не было — лишь бы не трогали! Но кое-кто мыслил по-иному. Для председателя высшего совета Филиппин, влиятельнейшего лица всей колонии, столь неожиданно явившийся противник оказался весьма кстати. Уже два года Антонио де Морга состоял на службе у короля Филиппа. Удар по пиратам-протестантам открыл бы для него — и он на это очень надеялся — дорогу в Америку, о которой он мечтал давным-давно.

Итак, де Морга приказал снарядить два торговых судна: 300-тонный галеон «Сан-Диего» и маленькое судно «Сан-Бартоломе», переоснастив их в крейсера и объявив себя адмиралом флотилии. Из «Сан-Диего» он сделал

Голландский парусник

флагманский корабль, снабдив его 14 пушками, снятыми с крепостной стены Манилы, и загрузив трюмы судна 127 бочками пороха, большим запасом пушечных ядер и мушкетных пуль. На случай преследования он взял на борт достаточно провианта и питья.

Некоторая заминка произошла у адмирала с набором экипажа. Позже, в своей хронике «События на Филиппинах» он писал, что поначалу предприятие, «обещавшее много риска и мало выгоды, ни у кого не вызывало большого восхищения», но все «естественно» изменилось, «когда граждане увидели, что корабли стоят под командой Антонио де Морги».

Новая роль де Морги была совершенно непонятна горожанам: юрист и специалист по управлению, он не обладал ни морскими, ни военными знаниями. Чтобы успокоить судовых офицеров, вице-адмиралом и комендантом «Сан-Бартоломе» был назначен опытный капитан Хуан де Алькега.

С де Алькегой вышло в море всего 100 солдат и матросов. А на борту 35-метрового «Сан-Диего» теснилось более 450 человек: филиппинцев, африканских моряков, японских наемников, слуг и 150 испанских нотаблей, жаждавших снискать славу в этой сомнительной экспедиции.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЕЧНОСТИ

С самого начала дул крепкий норд-ост, едва не срывая паруса. Еще в бухте Манилы всем стало ясно, что судно безнадежно перегружено. Всем, кроме командующего. Матрос Бенито дель Уэрто, которому чудом удалось спастись вместе с другими 20 моряками, свидетельствовал: «Вода за бортом достигала портов орудий — корабль так оказался забит, что даже к пушкам нельзя было подойти».

Чтобы хоть как-то выровнять крен, почти весь экипаж собрался с навстречной стороны, но тщетно. Судовладелец Луис де Бельвер очень тревожился за свой галеон и умолял хотя бы часть груза выбросить за борт. Но именно де Морга приказал «весь хлам убрать с палубы вниз», так что там, среди всей этой рухляди, не осталось даже места, чтобы при необходимости позаботиться о раненых или погасить случайную искру (чудо, что весь корабль не взлетел на воздух!).

14 декабря ван Ноорт заметил на горизонте чужие паруса. Он немедленно приказал «Эндрахту» возвращаться на родину с дубликатами всех его многочисленных экспедиционных отчетов. На оставшемся корабле стали готовиться к бою.

Испанцы начали атаку сразу, но первый выстрел прозвучал с «Маврикия». Прямое попадание. Грот «Сан-Диего» разорвало в клочья, одну из помп — вдребезги. Де Морга в ярости приказал открыть ответный огонь, но шеф канониров рапортовал, что орудия зарядить невозможно. Тогда де Морга решил брать «Маврикий» на абордаж — к несчастью, забыв приказать убрать паруса. «Сан-Диего» на полном ходу врезался в противника, получив при этом пробоину ниже ватерлинии. У «Маврикия» в тот момент серьезных повреждений не оказалось.

Тем временем 30 испанцев уже спрыгнули на палубу «Маврикия» и с криками «Сдавайтесь, псы!» принялись резать снасти и срывать с мачт паруса, готовясь поднять испанские флаги. Ван Ноорт и 58 человек экипажа забаррикадировались в трюмах. Перевес был явно не на их стороне, и голландец предложил начать переговоры о сдаче.

В этот момент подплыл «Сан-Бартоломе» и... сразу открыл огонь по «Маврикию», невзирая на то что голландский корабль был уже почти занят испанцами. Лишь в последний момент вице-адмирал де Алькега наконец понял, что же произошло. Он бросился в погоню за «Эндрахтом» и настиг его через несколько часов.

А что же происходило на «Сан-Диего»? Матрос Бенито дель Уэрто нашел своего адмирала бледным и безразличным, лежащим на матраце у якорной лебедки, на самом носу судна. Дель Уэрто махал перед его глазами захваченным вражеским флагом, заклиная де Моргу отдать, наконец, приказ о полном захвате «Маврикия», ибо экипаж последнего фактически уже сдался. В ответ он услышал лишь лепет заикавшегося командующего: «Делай, что можешь...» Ничего конкретного он так и не приказал. Все это никак не вяжется с героическими мемуарами самого де Морги, у которого едва ли не на каждой странице описываются ожесточенные схватки, но нигде нет ни слова о томительном ожидании так и не поступившего распоряжения.

Морской бой в бухте

Из неразберихи на «Сан-Диего» голландец ван Ноорт решил извлечь выгоду. Он приказал снова открыть огонь из орудий второй палубы, одновременно пойдя на чисто военную хитрость: его люди взорвали дымовые шашки, и из люков стал медленно выползать густой дым, разъедая глаза нападавшим.

Опасаясь, что и «Сан-Диего» будет охвачен пламенем с «Маврикия», де Морга отдал свой первый приказ (после 6-часового молчания!), оказавшийся самым фатальным в его короткой карьере командующего. Вместо того чтобы эвакуировать команду с поврежденного «Сан-Диего» на «Маврикий», он отозвал своих людей с борта голландского судна и приказал рубить абордажные канаты.

В течение нескольких минут неспособный к маневру «Сан-Диего» затонул в Южно-Китайском море, унеся с собой в пучину 350 жизней. Полные отчаяния солдаты пытались расстегнуть тяжелые нагрудные панцири и латы, но не успевали этого сделать. Лишь немногим все же удалось вплавь достигнуть суши. Между тем голландцы собрались на палубе и преспокойно открыли палубу по потерпевшим кораблекрушение.

Де Морга оставил свое судно одним из первых (снова полное расхождение с его мемуарами) и поплыл на плоту, припрятав на себе два захваченных неприятельских флага. Плот с горе-командующим до самого острова Фортуна толкал перед собой его секретарь.

НАХОДКИ

Вот такая трагически захватывающая, но противоречивая история. И вот теперь, 400 лет спустя, перед археологом Френком Годдио стояла задача: на основе изученных документов попытаться обнаружить обломки «Сан-Диего» и найти вещественные доказательства всему описанному. Де Морга указывал место кораблекрушения — в шести милях от побережья острова Фортуна. Но Годдио имел достаточно оснований не доверять запискам тщеславного глупца. По другим источникам, берег находился в досягаемости пушечного выстрела, поэтому Годдио сразу ограничил поиски сравнительно небольшим участком (4,6×2,8 км) у юго-восточного побережья острова. Глубина воды здесь составляла 70 метров, а морское дно покрывали коралловые пласты, соответствовавшие примерно высоте остова «Сан-Диего». В такой ситуации помочь мог только магнитометр, ведь все металлические части «Сан-Диего» после стольких лет коррозии наверняка потяжелели на сотни килограммов. Итак, настроили детекторы, после чего исследовательский катамаран Френка Годдио, руководителя экспедиции, прошел контрольное поле метр за метром. На это ушло несколько недель. Результата никакого. Годдио даже стал склоняться к мысли, что де Морга мог написать правду..

Но однажды детектор все-таки среагировал, показав, что прямо под археологами находятся 250 килограммов железа. Для «Сан-Диего» этого было, конечно, мало. И все же после долгого погружения один из водолазов всплыл на поверхность с радостной улыбкой — в 52 метрах под исследовательским судном действительно находятся обломки какой-то посуды — всего в полукилометре от берега.

В полумраке подводного мира корпус затонувшего корабля едва ли отличался от коралловых пластов, но сотни больших кувшинов образовали нечто вроде бруствера, вокруг которого сновали пестрые косяки рыб. То тут, то там под отложениями угадывались контуры якорей и пушечных лафетов.

Здесь встала на якорь рабочая аварийно-спасательная платформа, рассчитанная на команду в 52 человека, среди которых находились 18 глубоководных водолазов. В первый же день исследователи натолкнулись на артефакты редкой красоты: 1000 совершенно неповрежденных предметов из небесно-голубого китайского фарфора времен династии Мин — первоклассный экспортный товар, удивительно хорошо сохранившийся за столько лет пребывания в морской воде.

Был найден и единственный в своем роде изящный сосуд для воды в форме баклажана, служивший скорее всего для увлажнения чернильного камня, который аквалангисты тоже подняли на поверхность. Не меньшее культурно-историческое значение имеют и 570 огромных глиняных кувшинов, служивших для хранения запасов мяса, овощей, приправ, масел, вин и, естественно, воды. Кроме того, водолазы извлекли практически действующую астроблюбу и корабельный компас.

Находка на дне моря

«После того как был убран балласт судна — 150 тонн камней, — рассказывает Френк Годдио, — «Сан-Диего» поразил нас другой, не менее радостной неожиданностью: части его корпуса удивительно хорошо сохранились. Прежде всего киль, многочисленные шпангоуты, даже руль! В общем, материала достаточно, чтобы составить довольно точное представление о судостроении того времени».

От многочисленных утопленников не осталось практически ничего. Были найдены только двенадцать фрагментов черепов и несколько частей скелетов. Похоже, несчастные находились на нижней палубе, когда судно провалилось в пучину, а при ударе о морское дно были расплющены пушками: все обнаруженные останки лежали среди орудий.

При проверке останков археологи очень удивились: одна из жертв несомненно была женщиной. Переодетая в мужское платье авантюристка? Или провезенная контрабандой проститутка?

НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ АДМИРАЛ

Пройдет еще немало времени, пока все находки будут занесены в каталог, отреставрированы и тщательно исследованы. Френк Годдио очень надеется, что они расширят наши знания о прошлом, а может быть, и о самой драме, произошедшей у острова Фортуна.

Дальнейшая судьба тех, о ком шел рассказ, хорошо известна. В августе 1601 года, спустя полгода после филиппинской авантюры, Оливье ван Ноорт на своем «Маврикии» появился в родной гавани Роттердама. Его земляки все продолжали высылать флотилии в далекие восточно-азиатские воды. Но только спустя 40 лет голландцы завладели довольно большой частью Индонезии, взяв под контроль торговлю специями, что впоследствии сделало эту страну одной из самых состоятельных в мире.

Спасенный адмирал де Морга первым делом приказал арестовать Хуана де Алькегу, своего вице-адмирала и капитана «Сан-Бартоломе» («только из-за его самовольного преследования «Эндрахта» и произошло несчастье»). И прежде чем иные сведения о произошедших событиях достигли берегов Испании, при мадридском дворе все зачитывались искусно выдуманными сочинениями де Морги. В июле 1603 года «морской волк» получил-таки столь желанный пост в Мексике, в вице-королевстве Новая Испания.

Через 13 лет Антонио де Морга стал президентом королевского совета в Кито. Там он и умер в 1636 году в возрасте 77 лет. Незадолго до смерти ему еще раз пришлось столкнуться с правосудием, но по другому поводу: его оштрафовали на 2000 золотых дукатов за «совершенно открытые и неподобающие отношения со многими женщинами».

СОРОК МИЛЛИАРДОВ НА ДНЕ БУХТЫ ВИГО

...Сгущались сумерки. Новость достигла дворца, когда в его покоях уже зажигали свечи, и полетела из зала в залу. Вскоре гости, собравшиеся на шумный праздник, уже передавали ее друг другу «на ушко»: предусмотрительно поднятый веер и склоненная к нему треуголка выделяли из толпы посвященных. «Вы слышали, монсеньер? Говорят, что... Мне только что сообщили по секрету.. Это невероятнее, чем увидеть наяву вечный двигатель, и фантастичнее, чем открытие философского камня! Сказочное сокровище! Ожившее Эльдорадо. И где? Здесь, рядом с нами, только руку протянуть. Да, три тысячи четыреста тонн золота! Увы, оно глубоко под водой...»

При этом все — одни с радостью, другие с грустью — невольно сравнивали услышанную цифру с размером собственного состояния, каждый в мечтах видел себя могущественным обладателем несметного сокровища, каждый прикидывал, как бы попытаться им завладеть... Тем временем груды золота, надежно запечатанные в металлических сундуках и кожаных мешках с печатями и гербами их католических величеств Фердинанда, Изабеллы и их преемников, покоились на дне залива Виго в ожидании дня, когда чья-нибудь смелая рука вырвет их из мертвой тишины...

ГИБЕЛЬ «ВТОРОГО СОЛНЦА»

24 октября 1702 года английские пушки весь день палили по 23 французским кораблям. Испанский адмирал Мануэль де Веласко стоял на капитанском мостике флагманского галеона «Иисус—Мария—Иосиф» и следил в подзорную трубу за быстрым приближением англо-голландской эскадры. До них оставалось не более двух миль, и расстояние быстро сокращалось. Адмиралу предстояло сделать трудный выбор: либо позволить англичанам завладеть сокровищами, либо отдать приказ о затоплении. Выбрать первое казалось немислимым. Неужели к горечи поражения добавится сознание того, что врагу досталось такое сказочное богатство?! Не лучшим виделся и второй выход вариант, означающий, что 3400 тонн драгоценного металла будут потеряны навсегда.

Времени на раздумья уже не оставалось. В последний раз взглянув в подзорную трубу, адмирал Мануэль де Веласко обернулся к стоявшему рядом офицеру и коротко отдал приказ.

Озарив небо, солнце бросило последний луч, словно прощаясь, и закатилось за горы. 19 красавцев-галеонов один за другим медленно уходили под воду, унося в вечный сумрак морских глубин груды золота, которое люди так часто принимают за второе солнце.

Итак, шел 1702 год от Рождества Христова. Уже два года длилась война за испанское наследство. Толчком к ней послужило восшествие внука Людовика XIV, Филиппа V, на испанский престол, завещанный ему Карлом II. В борьбе за испанский трон столкнулись интересы двух мощных группировок, спешивших заявить свои права: с одной стороны, Англии, с другой — Франции и Испании, объединившихся под властью Людовика XIV.

Для содержания армий, сражавшихся по всей Европе, существовал неистощимый источник средств — золото Америки. Единственная трудность заключалась в том, что располагался он далеко ватно. Однако ежегодно через океан отправлялись все новые и новые галеоны, а сундуки богачей из Кадиса пополнялись мексиканским и перуанским золотом. На море свирепствовали пираты, и, дабы не разжигать сверх меры их аппетит, галеоны шли под охраной военных кораблей.

Именно такую элементарную осторожность предприняло французское правительство, когда в декабре 1701 года поручило графу Шаторено «проводить» до Испании 19 галеонов адмирала Мануэля де Веласко. Шаторено принял под свое командование 23 военных корабля, ведь испанцы везли в Европу совершенно фантастическое количество драгоценного металла — плод трехлетних трудов на перуанских и мексиканских рудниках.

В январе 1702 года французская эскадра бросила якорь у берегов Мартиники. Веласко прекрасно сознавал, какой ценный груз несут его галеоны, и потому спешил как можно скорее оказаться под защитой французского адмирала. Шаторено со своей стороны торопился побыстрее пересечь океан. Но по неизвестной причине обе эскадры встретились в Гаване лишь в августе и, не теряя ни минуты, снялись с якоря. Уже в пути стало известно, что порт Кадис блокирован врагом. Шаторено и Веласко пришлось срочно менять курс и двигаться к северному побережью Испании.

22 сентября они вошли в залив Виго — южную часть Галисийской бухты. Этот залив 1500 метров в длину и 500 метров в ширину. Таким образом, бухта

могла служить надежным убежищем, но в то же время в случае прямой атаки легко превращалась в самую настоящую ловушку. Впрочем, у графа Шаторено и адмирала Веласко не оставалось выбора. Начались штормы осеннего равноденствия, и им во что бы то ни стало требовалась спокойная гавань. Сюда и направились галеоны.

УПОРСТВО БАНКИРОВ

Здравый смысл подсказывал, что необходимо побыстрее разгрузить корабли и увезти сокровища подальше от побережья. Но действовать следовало осторожно: не говоря о том, что золото могли разграбить во время разгрузки, крайне рискованным представлялось везти его через всю страну, не имевшую надежных путей сообщения, по которой к тому же рыскали банды головорезов. Несмотря на все эти трудности, наверное, единственным разумным решением было бы поступить именно так, но... Банкиры в Кадисе, которым принадлежала большая часть груза, не хотели рисковать, а кроме того, между французами и испанцами начались трения. В результате инициатива, во всяком случае, временно, была упущена. Французы предлагали выйти в море и взять курс на Брест; испанцы ответили категорическим отказом. Их легко понять: к чему искушать дьявола, доверяя французскому правительству охрану несметного количества драгоценного металла. Когда ставка достигает 3400 тонн золота, поневоле станешь осторожничать. Конечно, Франция — союзница, и ее лояльность вне сомнений. Но, увы, горький опыт научил народ, что, когда речь заходит о сокровищах, слово «честность» зачастую становится пустым звуком.

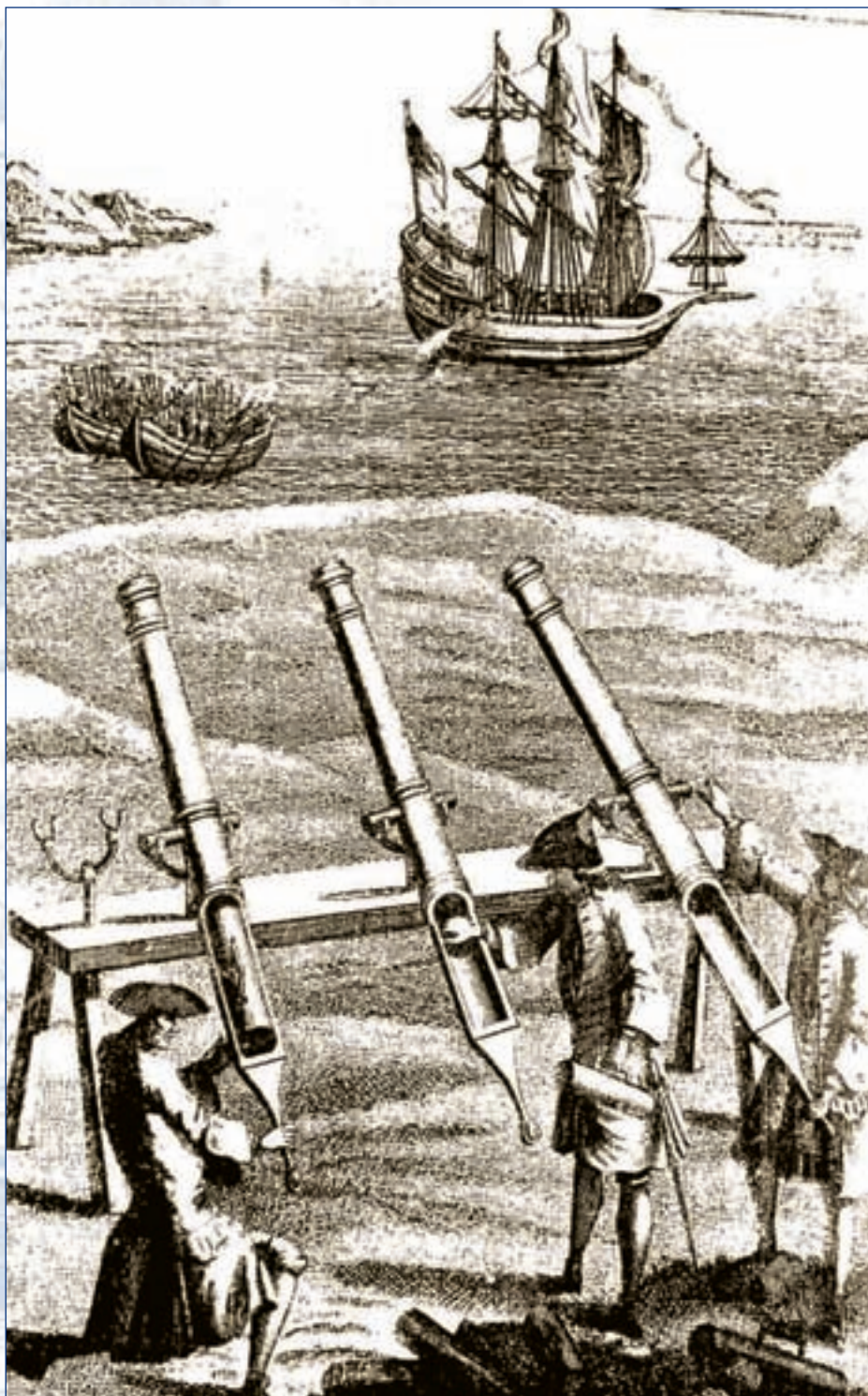
Прошло целых 26 дней, когда 19 октября 1702 года адмирал Веласко решил наконец взять на себя ответственность и освободить флагманский галеон от части бесценного груза. С корабля выгрузили 65 тонн золота и на двух тысячах мулов повезли через суровую Галисию в Мадрид. К несчастью, этот обоз так и остался единственным, хотя в течение следующих нескольких дней с кораблей выгрузили еще 250 тонн золота. Но мулов больше не нашли. Пришлось до поры до времени укрыть золото в деревушке.

Таким образом, из 3400 тонн драгоценного металла, проделавших путешествие в толстом брюхе галеонов, было выгружено всего 315 тонн. Эту цифру можно считать точно установленной. Золото в виде 12 миллионов монет уложили в 4600 сундуков. Половина из них благополучно прибыла в Мадрид; вторая половина скорее всего была украдена по дороге.

Между тем случилось одно событие, о котором, похоже, и понятия не имели в Виго. Командующий англо-голландскими морскими силами адмирал Руки, потерпел сокрушительное поражение возле Кадиса. Он столкнулся с таким упорным сопротивлением порта, что всякую надежду покорить его пришлось оставить, во всяком случае пока. Смертельно обиженная Англия приказала адмиралу продолжать борьбу. По чистой случайности Руки стало известно, что в заливе Виго стоит франко-испанский флот, прибывший из Америки, а следовательно, груженный золотом. Адмирал быстро сообразил, что ему предоставляется уникальная возможность доказать королю, на что он способен, немедленно снял осаду с Кадиса и взял курс на Виго.

ДРАМА В ЗАЛИВЕ

Ранним утром 22 октября 1702 года 130 парусников сэра Джорджа Руки приблизились к пресловутому заливу. Четыре тысячи английских и голландских солдат под командованием герцога Осмонда высадились на сушу.

Береговые батареи надежно охраняли форты от пиратов

Начался штурм фортов Ранде и Бестинса, защищавших подходы к заливу. Атакующих встретил пушечный залп, нисколько не поколебавший их решимости. У французов и испанцев имелось позиционное преимущество, но... их было слишком мало. Неравный бой длился почти три часа, на исходе которых защитникам фортов пришлось сдаться. Немногих оставшихся в живых взяли в плен. Эта операция позволила кораблям Руки подойти вплотную к форту Ранде, через который проходила оборонительная линия, удерживаемая французами. С обеих сторон полетели пушечные ядра, но силы были неравны. Французские корабли, разбитые и истребленные вражескими ядрами, лишь отделили на несколько часов драматический исход сражения. Семнадцать из них пошли ко дну, а остальные шесть, в буквальном смысле разбитые вдребезги, были взяты в плен. Теперь между англо-голландской армадой и груженными золотом испанскими галеонами не оставалось никаких преград. С попутным западным ветром пройти оставшиеся две мили — сущий пустяк! Увы, радость адмирала Руки вскоре сменилась изумлением, а затем и настоящей яростью. Он увидел, как испанские корабли один за другим уходят под воду. Уходило золото, уходило прямо из-под носа! Каждую секунду море безжалостно проглатывало сотни тонн золотых дублонов. Знаменитое сокровище галеонов Веласко на глазах превращалось в мираж, тающий в зыбком вечернем сумраке. Руки все-таки сумел захватить шесть кораблей, на которых оказалось 600 тонн золота и серебра, но... Очевидно, удача не желала улыбаться победителю. После нескольких дней неотложного ремонта к кораблям Руки присоединилась для охраны эскадра адмирала Шоувела. Большую часть добычи погрузили на один из галеонов. Флот уже проходил последние скалистые отроги залива, когда корабль с золотом возле Байонских отмелей наткнулся на риф и в мгновение ока затонул.

Среди многочисленных историй о затонувших сокровищах часто бывает трудно отличить правду от вымысла — слишком редко остаются подлинные документы. Но к драме, разыгравшейся в заливе Виго, это не относится. Сохранилось достаточно материалов, зафиксировавших военные операции 24 октября 1702 года и те политические разногласия, из-за которых, собственно, все и произошло. Они хранятся в городе Виго, а также в архивах Парижа, Мадрида и Лондона.

Начнем с первого, твердо установленного факта. Флот адмирала Веласко действительно вез из Нового Света сказочное количество золота, серебра, драгоценных камней, ювелирных украшений, а также менее ценный груз в виде индиго, кошенили, дерева, пряностей, кож, табака и т.п. И большая часть всего этого сокровища вот уже больше трехсот лет покоится на дне залива под толстым слоем ила. С 1698 по 1702 год ни одна крупная флотилия не пересекала океан. Мексиканское и перуанское правительства, находясь в курсе внутренних неурядиц Испании, не желали, чтобы тонны их золота разбазаривались на цели, совершенно их не касающиеся. Последняя армада увезла с собой в 1698 году 45 миллионов монет-«восьмушек»¹⁵. Эта цифра, подтвержденная официальными источниками, практически не менялась и выражала большую часть годового дохода правительства; она же может послужить отправной точкой для подсчета золотых и серебряных монет, увезенных галеонами. Получается 135 миллионов монет, что почти не расходится с данными Мадридского

¹⁵ Так называлась золотая или серебряная монета весом в 27 г. (Прим. ред.)

Прямое попадание в кюйт-камеру означало неминуемую гибель судна

морского архива, который упоминает 127 338 250 монет (из них 118 338 250 серебром и 9 миллионов золотом).

Читатель с богатым воображением не удержится от соблазна прикинуть, в какую сумму по нынешним понятиям оцениваются 3400 тонн золота, из которых следует вычесть 315 тонн, которые Веласко успел спасти до сражения. Разумеется, такие подсчеты уже сделаны. Их итог: 40 миллиардов старых франков!

ПОД СЛОЕМ ИЛА

Разве не удивительно, что спустя три века после описанных событий сокровище залива Виго все еще пребывает практически нетронутым? Тем, кто когда-либо пытался извлечь на свет божий хотя бы часть богатства, хорошо известна причина его труднодоступности: дно покрыто толстым слоем ила, нанесенного двумя впадающими в залив речками. Исследования показали, что останки затонувших кораблей покоятся под 10-метровой толщей наносного ила. Раньше не существовало действительно эффективных технических средств, которые позволили бы начать систематические работы по их поднятию с глубины. Впрочем, известно несколько смелых попыток.

Так, в 1748 году португалец Антонио Ривера сумел поднять со дна примерно двести тысяч золотых монет, а через 75 лет экспедиция «Диксон» извлекла из воды пятьдесят серебряных подносов и множество слитков. И только в XX веке в заливе Виго увидели людей в водолазных костюмах. Ими стали члены итальянской экспедиции, которым удалось вытащить на поверхность содержимое не одного сундука.

Успех в деле извлечения из морских глубин затонувших сокровищ зависит главным образом от совершенства используемой техники. Так, в 1958 году начала работы американская экспедиция Джона Поттера. Среди членов экспедиции имелось немало опытных водолазов, в том числе француз Флоран Раможе — один из сотрудников команды Кусто. Экспедиция Джона Поттера была оснащена самым современным оборудованием, включающим специальные насосы для откачки ила, трубы для проникновения внутрь затонувших кораблей, а также всевозможные приборы — от простых телефонов до сложнейших электромагнитных локаторов. Водолазы Джона Поттера подняли из морских глубин пушки и якоря, от долгого пребывания в соленой воде похожие на картон, старинные блоки, а также... бесчисленное множество бутылок рома! Позже их упорство вознаградили десятком добытых со дна полновесных золотых слитков. Но потом финансирование прекратилось. Так что три тысячи тонн золота все еще дремлют под спокойными водами залива Виго и ждут своего часа...

НАСЛЕДСТВО ГЕНРИ МОРГАНА

В наши дни начинающему кладоискателю частенько норовят подсунуть самую что ни на есть настоящую карту, на которой крестиком помечено место клада, зарытого давным-давно каким-нибудь знаменитым пиратом. Случается, что не всякий опытный специалист может с первого взгляда отличить ее от настоящей, настолько искусно изготовлена фальшивка. А уж если речь идет о знаменитом Генри Моргане, то тут просто необходимо держать ухо востро. Почему? Да потому, что до недавнего времени не было обнаружено ни одного сколько-нибудь крупного клада, зарытого знаменитым буканьером, хотя легенды о его богатствах не дают спокойно спать искателям сокровищ вот уже три столетия. Однако в последние годы ситуация стала меняться.

ВЕЗЕТ ЖЕ НЕКОТОРЫМ!

Дебри и прибрежные районы Панамы являются Меккой для предприимчивого кладоискателя. Здесь открывают залежи драгоценных камней; в сухих руслах рек обнаруживают золотые жилы; археологи во время раскопок находят старинную глиняную посуду и бесценные золотые украшения. В древности страну не раз посещали ацтеки, майя и тольтеки, создававшие из драгоценных камней, золота и серебра великолепные произведения искусства. Многие из этих изделий захоронены в тайниках едва ли не по всей территории Панамы. Немало здесь и пиратских кладов, которые все еще ждут своего открытия.

Если верить сообщениям местной прессы, два бывших американских солдата, служивших когда-то в зоне Панамского канала, сумели обеспечить себе безбедную старость. В 1997 году они вернулись в Панаму и в пещере у реки Чагрес обнаружили большой клад, зарытый в XVII веке, возможно, самим Генри Морганом. Парадоксально, что обнаружить клад им помогла старая пиратская карта, купленная у рыночного торговца, который и сам-то, похоже, не знал, что она подлинная.

Кроме золотых дублонов, отчеканенных в Лиме (Перу), тайник оказался полон золотых и серебряных украшений, различных по весу и величине. Поскольку пиратскую добычу нашли в зоне, находящейся под юрисдикцией США, сокровище передали американскому правительству, а счастливики получили положенную долю, оказавшуюся немалой.

Вообще, если говорить о кладах Генри Моргана, то здесь пальму первенства держит легендарный остров Кокос, затерявшийся в экваториальной части Тихого океана у берегов Коста-Рики и овеянный наиболее загадочной славой. Кроме него есть еще Каймановы острова, расположенные к северо-западу от Ямайки, которые Морган неоднократно посещал до и после своих пиратских рейдов, чтобы запастись продовольствием. Именно там он мог захоронить часть награбленных драгоценностей. На одном из островов у него имелся свой дом.

Известно, что Генри Морган неоднократно находил пристанище на острове Пинос (Хувентуд), расположенном в 65 километрах к югу от побережья Кубы и, как мы уже говорили, как две капли воды похожем на остров сокровищ из зна-

менитого романа Стивенсона. Очень возможно, что и там король бунтарей мог спрятать часть награбленного...

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА СЛАВУ

Сравнительно недавно американский кладоискатель Грегори Брукс вылетел на Гаити, чтобы присоединиться к команде из 10 человек, арендовавшей бывший катер береговой охраны, оборудованный самыми современными приборами для проведения подводных работ. Что же повлекло американцев на Гаити? Конечно же, пиратские сокровища.

Грегори Брукс, уроженец Черрифилда, стал кладоискателем — он предпочитает называть себя «коммерческим археологом» — совершенно случайно. В 1984 году вместе с женой Кэтрин и несколькими друзьями он нырял с аквалангом у побережья Гаити. За два дня до окончания отпуска, ко всеобщ-

шей радости и изумлению, Брукс поднял со дна три серебряных бруска. Этот день он считает в своей жизни поворотным.

В течение последующих четырех лет в портландской публичной библиотеке Брукс перерыл гору книг по истории Эспаньолы (Гаити) и испанских колоний в Америке. Он узнал, что не менее тысячи судов затонули в XVII веке у берегов острова. Брукс снова прилетел на Гаити в 1988 году вместе с двумя друзьями. Он также обзавелся металлодетектором. В океане, недалеко от побережья, им удалось обнаружить район, над которым детектор вел себя очень активно.

Вернувшись в США, они тщательно разработали план действий и, уладив все формальности с гаитянскими и американскими властями, через два года снова были на острове. Вскоре Бруксу и его друзьям удалось поднять целую коллекцию старинного французского фарфора, найденную в районе предполагаемого кораблекрушения. Затем на поверхность извлекли два британских орудия, отлитых приблизительно между 1650 и 1699 годами. Исторические документы указывают, что только два судна могли затонуть в этом районе в то время: фрегат «Оксфорд», принадлежавший пирату Моргану, и «Джамайка Мерчент» — корабль, на котором приплыл сюда все тот же Морган, чтобы попытаться отыскать груз со своего судна. Именно «Оксфорд» взорвался тогда, в январе 1669 года, у Коровьего острова.

По мнению Брукса, если бы на корабле не имелось ничего ценного, король пиратов никогда бы не стал возвращаться на место гибели судна. Брукс уверен, что на «Оксфорде» находилась часть сокровищ, награбленных буканьерами в Портобело. Но на быстрое поднятие судна едва ли стоит рассчитывать. Необходимо провести тщательную видеосъемку, необходимые анализы и расчеты. Тем не менее Брукс полон оптимизма и собирается оплачивать проект с помощью своих спонсоров, поддержкой которых уже заручился. Естественно, он надеется на прибыль — поднятие «Оксфорда» сулит миллионы долларов.

УВЯДШИЙ «ЦВЕТОК МОРЯ»

... Это был необычный рейс. В 1512 году флагман португальской эскадры «Флер де ла мар» (Цветок моря) отплыл из султаната Малакка, находившегося на юго-западном побережье Малаккского полуострова. На борту «Флер де ла мар» находились сокровища султанов Малакки, а также богатства, захваченные в Африке и на Аравийском полуострове, в Индии и Сиаме.

Последний рейс «Флер де ла мар» продолжался недолго. Почти сразу после отплытия, попав в сильный шторм, судно наскочило на риф и затонуло, на многие столетия став манящей легендой для кладоискателей. Отлитые из золота скульптурные изображения слонов, тигров, обезьян, украшения из драгоценных камней, китайский фарфор и другие сокровища с португальского

Каждый из этих кораблей мог перевозить несметные сокровища

корабля, стоимость которых, по оценкам специалистов, может составить миллиарды долларов, до сих пор лежат на дне Малаккского пролива у берегов Индонезии.

Легенды о богатствах, затонувших здесь, веками будоражат воображение искателей сокровищ. Вблизи Индонезии, по мнению историков, воды скрывают сотни потерпевших крушение судов. Они везли из Китая и бывших колоний пряности, фарфор, ткани, изделия из драгоценных металлов и многое другое. Корабли тонули во время штормов, разбивались о рифы, становились добычей пиратов.

А в 1991 году весь мир облетело сенсационное сообщение о том, что на дне Малаккского пролива в 8 километрах от северо-восточного побережья острова Суматра под 18-метровым слоем песка и ила обнаружены останки затонувшего почти 500 лет назад португальского корабля с несметными сокровищами на борту. Пресса пестрела заголовками.

В районе предполагаемой находки, куда немедленно устремились местные охотники за подводными кладами, корабли ВМС Индонезии вели круглосуточное патрулирование с целью пресечь несанкционированные попытки поднять с морского дна сокровища, аукционная стоимость которых, по оценкам экспертов, может составить около 9 миллиардов долларов (что составляет почти треть годового бюджета Индонезии).

Поиски «Флер де ла мар» в течение двух лет вела с разрешения правительства индонезийская компания «Джаятама истикачипта», потратив на это 10 миллионов долларов. Однако ее владельцы были готовы вложить еще столько же в подъем сокровищ с морского дна. По условиям контракта, половина добытых сокровищ должна достаться правительству Индонезии, а предметы, представляющие историческую ценность, — возвращены правительству Малайзии.

Между тем до сих пор еще нет полной уверенности в том, что старинные монеты, нож, балластные камни и другие находки, поднятые поисковой группой с морского дна у берегов Суматры, послужившие основанием для сенсационных заявлений об обнаружении останков «Флер де ла мар», действительно являются частью драгоценного груза «золотого корабля». Не исключено, что они находились на борту сопровождавшей судно португальской эскадры, которая, как полагают, также напоролась во время шторма на рифы и пошла ко дну вместе с «Цветком моря». Да и сам владелец индонезийской компании признал, что подводники явно поторопились с сенсационным заявлением, которое тут же подхватили информационные агентства.

ИСТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Интерес к подводным сокровищам не иссякает. В министерство иностранных дел Индонезии со всего мира посыпались предложения о сотрудничестве в поисках богатств, а полиция и береговая охрана с досадой отметили небывалый наплыв в эти места любителей подводных видов спорта.

В дележе сокровищ «Флер де ла мар» спешат принять участие и кладоискатели из других стран. Одна из австралийских археологических экспедиций объявила, что завершила переговоры с представителями правительств Индонезии и Малайзии о подъеме груза с португальского корабля. А в Гон-

конге итальянец Бруно де Винсентис, в свою очередь, заявил, что его переговоры с индонезийскими и малазийскими властями находятся на завершающей стадии. «Мы надеемся отыскать сокровища, хотя это будет довольно дорогостоящее предприятие, — сказал он. — Но нас вдохновляет то, что среди обломков «Флер де ла мар» находится, возможно, самый большой клад в мире».

Но власти не спешат идти навстречу кладоискателям. «Мы пока никому не давали разрешений на подводные исследования», — заявили представители индонезийского правительства. В соответствии с международным правом, найденные ценности должны быть поделены между тремя сторонами: страной, которой принадлежал корабль, страной, в чьих территориальных водах найдены сокровища, и теми, кто их нашел. Глава индонезийского управления археологических исследований в этой связи отметил, что его стране не хватает опыта для проведения таких работ.

Озабоченность индонезийцев можно понять, если вспомнить события относительно недавнего прошлого, когда группа авантюристов нелегально подняла с затонувшего в районе Молуккских островов корабля множество антикварных предметов, которые затем продали на европейских аукционах за миллионы долларов. То, что им не удалось поднять, было варварски уничтожено. А в 1990 году в районе острова Бинтан, где, как полагают, находятся обломки пяти затонувших кораблей, задержали одиннадцать иностранцев. По мнению полиции, эта группа, в которую входили американцы, австралийцы и англичане, занималась незаконными поисками сокровищ.

Подводные богатства у берегов Индонезии не дают покоя многим. При этом одни озабочены, как ими завладеть, другие — тем, как их сохранить. Борьба идет с переменным успехом. Да и можно ли вообще говорить о надежной охране мест кораблекрушений, если в водах Малаккского пролива до сих пор действуют... пираты? Так что история «Флер де ла мар» может иметь самый неожиданный финал.

СОКРОВИЩА ОЛИВЬЕ ЛЕВАССЕРА

Оливье Левассер

Пожалуй, нет такого острова в западной части Индийского океана, с которым не были бы связаны легенды о зарытых там пиратских сокровищах. И немудрено. Сейшельские острова в начале XVIII века стали последним «пиратским раем» на земле: изолированность, отсутствие населения, множество удобных бухт, чтобы укрываться от шторма или погони, здоровый климат,

наличие источников пресной воды, изобилие пищи и древесины для починки судов — все это, естественно, привлекало морских разбойников.

В 20-е годы XVIII века здесь промышляли три крупнейших — по количеству награбленной добычи — пирата: ирландец капитан Эдвард Ингленд, бывший лейтенант британского флота Джон Тейлор и француз Оливье Левассер, больше известный под кличкой Ля Буш («Глотка»).

Говорят, Левассер получил корабль в 1715 году от французского правительства, чтобы грабить (конечно, в пользу родной казны) английские суда в Атлантике. За какие-то проступки его лишили этого права, но капитан не подчинился предписанию, а отправился на поиски счастья в Индийский океан. К моменту своего появления на торговых путях, ведущих в Индию и обратно, он уже располагал достаточным богатством, так как с награбленным ранее добром, естественно, решил не расставаться.

ИЩИТЕ... КТО СМОЖЕТ!

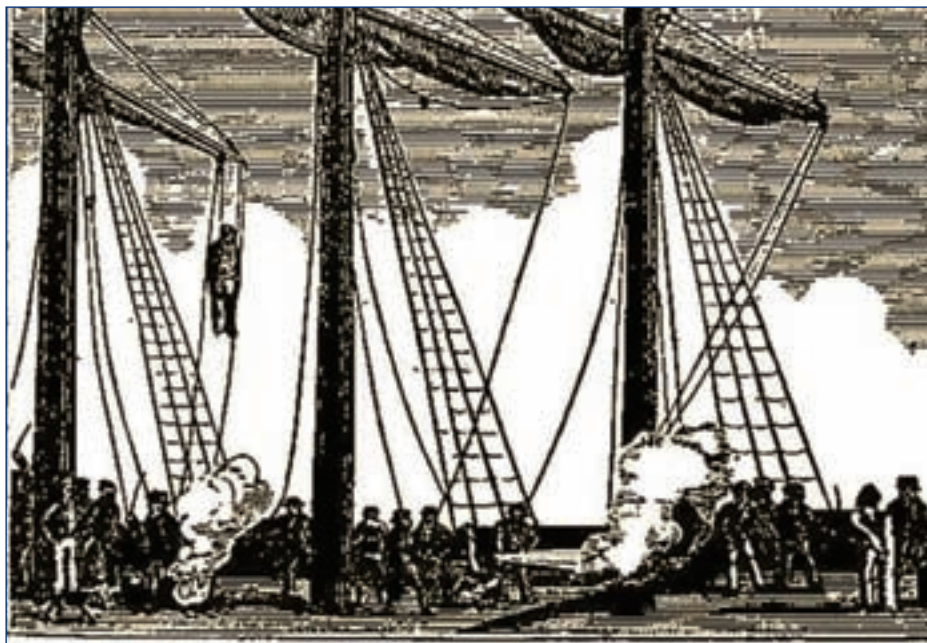
13 апреля 1721 года Тейлор на «Виктории» и Левассер на «Кассандре» возле острова Реюньон наткнулись на крупнейшую в истории пиратства добычу — огромное португальское судно, сильно поврежденное штормом. Большинство из 70 пушек было сброшено за борт, чтобы судно не затонуло, так что захватить его пиратам не составило труда. К своему восторгу они обнаружили, что корабль представляет собой плавучую сокровищницу. Здесь имелись золотые и серебряные слитки, сундуки с золотыми монетами и жемчугом, бочонки с алмазами, шелка, произведения искусства, а также жезл, крест и другие ценные религиозные принадлежности архиепископа Гоа, который плыл на этом корабле в Португалию.

Добыча была поделена между Левассером и Тейлором. О количестве захваченных тогда богатств свидетельствует такой факт, что каждый член команды двух кораблей получил по 5 тысяч золотых гиней и по 42 алмаза. Левассеру же пришлось по душе слитки и священная утварь архиепископа. Их не так легко было сбить с рук, как, например, монеты или драгоценные камни, но они ценнились значительно больше.

Левассер то спокойно жил на Сент-Мари, то пускался в плавание по Индийскому океану, в поисках добычи и приключений. В начале 1730 года во время очередного рейда неподалеку от Мадагаскара с ним вступил в бой капитан французского судна «Медуза» Лермит. После кровопролитного сражения пиратское судно было захвачено, и Левассера в кандалах доставили на Реюньон. Слушание в Адмиралтейском суде стало не более чем формальностью, и 17 июня 1730 года Левассера повесили.

Согласно легенде, которая жива до сих пор, Левассер, когда ему на шею накидывали петлю, вытащил какую-то бумагу и со словами: «Ищите мои сокровища, кто сможет!» бросил ее в толпу. Поступок этот вполне соответствует характеру пирата, однако неизвестно, была ли это шутка и издевка над будущими кладоискателями, или же он задал им подлинную головоломку. Некоторые скептически настроенные историки говорят, что Левассера повесили на корабельной рее, а значит, толпы зевак вокруг него просто не могло быть. Но наиболее ярые сторонники этой легенды уверяют, что на реях вешали только рядовых членов команды, а Левассера казнили на берегу.

«Ищите мои сокровища!»

Оливье Левассер не раз посещал Сейшелы, и считают, что именно там спрятаны сокровища с португальского судна «Верж дю Кап». С записки, якобы брошенной им в толпу перед казнью, были сделаны копии, которые разошлись со временем по всему свету во множестве экземпляров. Основные ориентиры его карты зашифрованы — это криптограмма. Немало исследователей ломало себе головы над картой. Но все безрезультатно. Как писал австралийский журналист Атол Томас, «Оливье Левассер спрятал клад настолько хитро, что его нельзя найти, просто ковыряя ногой гальку на берегу».

ПОИСКИ КРУЗА-УИЛКИНСА

Многие считают, что Левассер закопал свои несметные сокровища, стоимость которых оценивают в 100 миллионов британских фунтов, на песчаном берегу в местечке Бель-Омбр на главном острове Сейшельского архипелага — Маэ. Одним из самых ревностных сторонников этой теории в течение многих лет являлся англичанин Реджинальд Херберт Круз-Уилкинс. Комиссованный в 1941 году по инвалидности из армии, он, бывший английский офицер, отправился в Кению, где, став профессиональным охотником, проводил сафари для богатых туристов. Но в 1948 году вновь дала о себе знать старая рана, к тому же начался приступ малярии, и Круз-Уилкинс поехал на три недели отдыхать на Сейшелы. А когда оказалось, что корабля, который смог бы доставить его обратно, не будет еще три месяца, он перебрался из гостиницы в бунгало на берегу Бо-Валлон около Бель-Омбр. Там он встретил норвежского китобоя, двадцать лет возившего с собой криптограмму, над которой безуспешно ломал голову. Так, по воле случая, отставной английский офицер оказался вовлеченным в поиски сокровищ на Сейшелах.

Круз-Уилкинс из любопытства снял копию с криптограммы, хранившейся у норвежца, и случайно упомянул об этом некой Шарль Сави из Бель-Омбр.

Она показала ему еще восемь документов, которые скопировала в маврикийских архивах. Круз-Уилкинс узнал, что сокровища ищут в Бель-Омбр с 1923 года — тайком, ночью, при свете фонаря и при помощи обычной лопаты. Госпожа Сави и ее муж обнаружили на прибрежных скалах какие-то странные знаки, явно сделанные рукой человека, — изображения собак, змей, черепах, лошадей и людей. Подобные знаки, как оказалось, были найдены на скалах и в некоторых других местах на Маэ. Сави не сомневалась, что они оставлены в свое время пиратами, и считала, что знаки указывают на место, где спрятаны сокровища. Однако лопаты увлеченной кладоискательством четы раскопали не золото, а два гроба и останки человека, зарытого прямо в песок безо всяких церемоний. Супруги Сави решили, что это прах пиратов, присутствовавших при захоронении сокровищ и которых убрали, как ненужных свидетелей.

Документы, хранившиеся у Сави, включали криптограмму, карты, письма (одно на немецком языке, второе — на ломаном французском) и другие бумаги, на одной из которых имелись четыре таинственных знака. Все говорило о том, что эти знаки как-то соотносятся с загадочными изображениями на скалах.

«С самого начала изучение документов убедило меня, что схема, указывающая путь к сокровищам, была основана на сюжетах древнегреческой мифологии и расположении звезд», — утверждал отставной английский офицер.

Круз-Уилкинс, тщательно исследовав все документы, решил вложить в поиски сокровищ имевшиеся у него 200 фунтов. Первые же предпринятые им расследования убедили его: искать надо на берегу Бель-Омбр, а сокровища принадлежат не кому иному, как Левассеру.

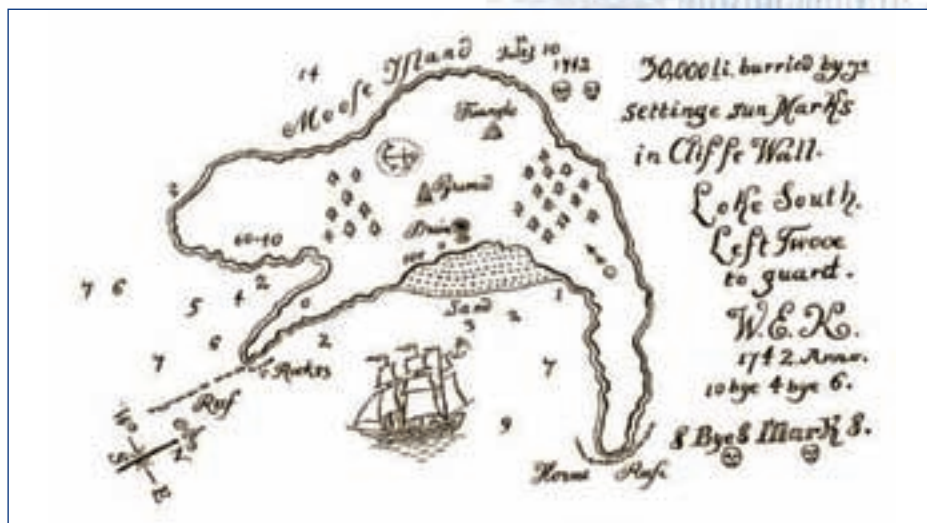
В 1949 году Круз-Уилкинс отправляется в Найроби и создает там синдикат по поиску клада французского пирата. Таинственные знаки из документов, которые дали ему Сави, указывали на конкретное место. Там нанятые рабочие и начали раскопки. Через восемь часов работы они откопали грубо вырубленные в скале ступени лестницы (о которой, кстати, упоминалось в одном из документов), ведущей, по всей видимости, из подземной пещеры к нагромождению скал, господствующих на подходе к песчаному берегу Бель-Омбр. На стенах тоже имелись какие-то изображения, но вход в пещеру оказался завален. Либо громада скал просто осела за прошедшие века, либо Левассер специально подстроил это, чтобы затруднить доступ к сокровищам. Но трудности лишь подогрели энтузиазм и уверенность Круза-Уилкинса. В последующие двадцать лет он вложил в поиски 10 тысяч фунтов стерлингов собственных сбережений и 24 тысячи капитала, собранного у членов синдиката в Восточной Африке. К 1972 году стоимость работ по поиску сокровищ составила около 40 тысяч фунтов.

ЛОВУШКА ПИРАТА

Крузу-Уилкинсу пришлось переместить 700 тонн скального грунта с гранитного уступа, чтобы обнаружить важные, как он считал, для его дальнейших поисков высеченные на скалах изображения. Берег у Бель-Омбрирыли траншеями и туннелями ниже уровня моря, а вокруг возвели бетонные стены, чтобы защитить от волн оборудование для откачки воды. Круз-Уилкинс твердо верил, что нашел пещеру, в которой спрятаны сокровища. Но, чтобы добраться до нее, была проделана огромная и опасная инженерная работа. Прежде всего, пришлось соорудить большую дамбу, чтобы место раскопок не заливало. Левассер — если это действительно было делом его рук — надежно защитил свой клад: сокровища, спрятанные ниже уровня моря, охраняли и большущая скала, и вода одновременно. К пещере можно было податься только с севера.

Коварный и хитрый пират расставил множество опасных ловушек. Когда Круз-Уилкинс подбирался к трем камням, изображавшим, по его предположению, золотые яблоки Гесперид, огромная скала начала сползать вниз и едва не раздавила его. Англичанин обнаружил какие-то изображения на стенах, которые якобы упоминались в документах, лезвие шпаги (меч Персея), палки, торчащие вертикально из пола пещеры (воины-копьемосцы из зубов дракона, которые Язон зарыл в землю), а рядом с подземным ручьем — монету времен Левассера (плата Харону за то, что он переправлял мертвых через Стикс). Более обычные находки включали кремневый пистолет, резные статуэтки, кувшин для вина XVII века. На берегу кладоискатели обнаружили пушку, часть спускового устройства мушкета и монету времен Карла I.

И хотя сотрудники Британского музея заявили Крузу-Уилкинсу, что оригиналы документов, которыми он пользовался, действительно относятся к началу XVIII века, и сам он даже не сомневался, что сокровища лежат в трех сундуках, размером 3 × 7 футов, на этом все его находки и окончились, а сам он обрел славу «самого знаменитого неудачливого кладоискателя нашего времени». Круз-Уилкинс считал, что он на верном пути, и если бы еще немного денег... Но желающих вкладывать средства в его предприятие больше не

По таким картам еще никто ничего не находил

нашлось. Тем не менее отставной британский офицер стал живой достопримечательностью Сейшел, а около места грандиозных раскопок даже открылся весьма популярный ныне ресторан «Корсар».

Сегодня в Бель-Омбр все ржавеет. Оборудование наполовину засыпало песком, хотя и видны еще остатки бетонных стен, возведенных для того, чтобы вести работы ниже уровня моря.

В одном из путеводителей по Сейшелама говорится, что «на месте раскопок в Бель-Омбр был применен миноискатель, который указал наличие 17 килограммов металла на глубине 3 метров. Это могли быть части старого сундука».

Точно известно, что в руки Левассеру попало немало богатой добычи, и он явно хотел ее спрятать, зная, что за ним охотятся военные корабли. Южно-африканский писатель Т. Балпин считает, что «награбленное Левассером было одной из самых больших добыч в истории пиратства».

Сокровища, покоящиеся под пляжем в Бель-Омбр, — это не обязательно лишь добыча с португальского судна. Существует легенда, что зарытые там богатства — это приданое прекрасной арабской принцессы, которая плыла на корабле в Занзибар, чтобы выйти замуж за красавца-принца. На ее корабль напал Левассер, зарубил всю команду, а саму принцессу продал в рабство. Затем пират отправился на Маэ, где и спрятал сокровища, а чтобы место захоронения награбленного оставалось в тайне, застрелил всех участников «погребения», когда работа была завершена.

Шарль де Ларонсьер, бывший хранитель отдела печатных изданий Национальной библиотеки в Париже, в своей книге «Таинственный пират», посвященной Левассеру, излагает свою версию расшифровки «документа», брошенного в толпу перед казнью, и загадочных знаков на Сейшельских скалах. Он пишет:

«Находка его сокровищ послужит в один прекрасный день эпилогом этой истории. Уже начались раскопки...»

Стоит добавить, что с тех пор как были написаны эти строки, прошло семьдесят лет. Но пока — ничего...

ЗАКЛЯТИЕ ОСТРОВА ОУК

Дэниел Макгиннис не читал пиратских романов по одной простой причине: на дворе стоял 1795 год, и время Стивенсона и Конрада еще не настало. Зато вдоволь наслушался рассказов старожилых о настоящих корсарах — капитане Кидде, Черной Бороде, Эдварде Девисе, которые сравнительно недавно бросали якоря в здешних водах у полуострова Новая Шотландия на восточном побережье Канады. Он и сам любил играть в пиратов, для чего вместе с двумя приятелями отправлялся на маленький островок Оук совсем близко от побережья, в заливе Махон.

ШАХТА ПОД ДУБОМ

Как-то раз подростки углубились в дубовую рощу, от которой остров и получил свое название, и оказались на большой поляне. В центре стоял огромный старый дуб. На его стволе еще виднелись старые следы топора, а с толстого сука что-то свисало. Приглядевшись, Дэниел понял, что это снасти с парусника, причем заржавевший блок на конце просмоленной тали явно служил отвесом. Он как бы указывал на едва приметную ложбинку под дубом. Сердца мальчишек бешено заколотились: неужели на острове на самом деле были пираты, которые закопали здесь сокровища!

В следующий раз ребята захватили лопаты. На небольшой глубине они наткнулись на слой обтесанных плоских камней. «Есть! — приплясывая от восторга, закричал Дэниел. — Под ними наверняка лежат пиратские сокровища!» Но ошибся. Когда они разбросали камни, то увидели колодец. Скорее, это была даже глубокая шахта шириной около семи футов, уходящая в глубь земли. Почти у самой поверхности, в грязи, заполнявшей ствол шахты, валялось несколько кирок и лопат. Очевидно, пираты так спешили, что даже не успели захватить с собой инструменты. Теперь-то уж сокровища без всякого сомнения были совсем близко!

С удвоенной энергией мальчишки принялись расчищать горловину. Однако вскоре работу пришлось прервать: они настолько углубились в шахту, что стало трудно выбрасывать лопатами землю на поверхность. На следующий день они вернулись с ведром и веревкой и опять взялись за дело. На глубине 12 футов лопаты глухо стукнулись о дерево. Сундук? Бочка с дублонами? Увы, это оказалось лишь перекрытие из дубовых бревен, за которым шахта явно продолжалась.

Поняв, что своими силами не справятся, юные кладоискатели отправились за помощью в маленькую деревню Луненберг. Но странное дело: хотя ребята горячо рассказывали о золотых слитках и монетах, которые якобы лежат под ногами, никто из взрослых не изъявил желания отправиться с ними. Остров Оук пользовался у местных жителей дурной славой, особенно маленькая заводь, носящая название Бухты Контрабандистов. Кто-то видел там голубые языки пламени, кто-то — призрачные полуночные огни, а один старожил уверял, что по острову бродит и мрачно ухмыляется призрак одного из убитых в давние времена пиратов.

Мальчишки вернулись на Оук, но раскапывать шахту дальше не стали: слишком глубоко, да и дубовое перекрытие самим разобрать оказалось не под силу. Вместо этого они решили обследовать побережье. Поиски только подогрели их надежды: в одном месте нашлась медная монета, датированная 1713 годом, в другом — каменная глыба с железным кольцом (видимо, здесь швартовались шлюпки с пиратских кораблей). Отыскался в песке и позеленевший боцманский свисток. А вот с мыслью о кладе пришлось на время распрощаться, хотя Макгиннис и его друзья были убеждены, что он действительно зарыт на острове. Дальнейшие раскопки решили отложить до лучших времен, а пока постарались уничтожить следы своих работ и замаскировать горловину шахты.

ВНИЗ, СЛОЙ ЗА СЛОЕМ

Снова на острове Оук Дэниел Макгиннис оказался лишь через десять лет в компании единомышленников-кладоискателей.

Орудя лопатами, проходчики-любители принялись расчищать колодец. Мягкий грунт поддавался легко, дело продвигалось быстро, но клада все не было. Неизвестный строитель постарался надежно укрыть его. Через 30 футов встретился слой древесного угля, 40 футов — слой глины, на глубине 50 и 60 футов — слои из волокон кокосового ореха, так называемой кокосовой мочалки. Затем — опять глина, но явно не местного происхождения. К тому же через равные промежутки ствол шахты перекрывали платформы из дубовых поленьев. Здесь кладоискатели наткнулись на большой плоский камень с вырезанной на нем надписью. Правда, это был еще не клад, а только указание, где его искать, — именно так истолковали охотники за сокровищами зашифрованный текст из треугольников, крестиков и каких-то значков.

Забегая вперед, скажем, что позднее нашелся некий дешифровальщик, который, пробежав надпись глазами, заявил, что текст ему ясен: «10 футами ниже покоятся два миллиона фунтов стерлингов». Такое прочтение, естественно, не могло не вызвать сенсации. Но, во-первых, десятью футами ниже Макгиннис ничего не нашел, а во-вторых, дешифровальщик отказался объяснить, каким способом было зашифровано послание. Кстати, в 1904 году, через много лет после смерти Макгинниса, камень с загадочной надписью таинственно исчез из музея, куда его передал кладоискатель.

А в 1971 году профессор Мичиганского университета Росс Вильгельм предложил новую расшифровку этой записи. По его словам, шифр на камне чуть ли не полностью совпадал с одним из шифров, описанных в трактате по

Криптограммы острова Оук

тайнописи 1563 года. Его автор, Джованни Баттиста Порто, привел и способ расшифровки. Применив его, профессор Вильгельм установил, что послание написано по-испански и переводится так:

«Начиная с отметки 80 сыпать в водосток маис и просо. Ф.».

Буква «Ф», считает профессор, это начальная буква имени Филипп. Впрочем, и его вариант может оказаться притянутым за уши. В таком случае надпись, если это не предостережение-заклятие, еще ждет правильной расшифровки, которая — не исключено — поможет обнаружить клад.

Макгиннис же и его товарищи загадочную надпись не разгадали и продолжали копать дальше. На 90-футовой отметке шахта начала заполняться водой, а еще через три фута рыть вообще стало невозможно: на ведро грунта приходилось поднимать ведро воды. Но как заманчиво пройти еще чуть-чуть! Вдруг сокровище находится совсем рядом, в каком-нибудь ярде-двух. Между тем стало темнеть. Напоследок кто-то предложил потыкать в дно щупом. Через пять футов он уперся во что-то твердое. Потыкали железным прутом вокруг: на перекрытие из бревен не похоже — размер у преграды небольшой. Неужели заветный сундук? А может, бочка? Ведь пираты, как известно, прятали клады и в бочки, и в сундуки.

Сулящее скорый успех открытие привело искателей сокровищ в восторг. Ночь можно передохнуть, а утром приступить к делу. Однако их радость оказалась преждевременной. На следующий день Макгиннис с товарищами передрались с досады: шахта была заполнена водой. Съездили за ручным насосом, но все попытки откачать воду ни к чему не привели.

КОГДА ТЕХНИКА БЕССИЛЬНА

Дальнейшая судьба Макгинниса неизвестна, а вот история шахты прослеживается во всех деталях. Кладоискатели настолько уверовали, что на дне лежит сокровище, что окрестили ее «денежной шахтой».

Новая экспедиция появилась на острове Оук через 45 лет. Первым делом в шахту опустили бур. Но на глубине в 98 футов он уткнулся в ту же самую преграду и дальше не пошел: по-видимому, она была не деревянная, а железная. Во всяком случае, в одном кладоискатели убедились точно — необходим иной способ проходки. В конце концов остановились на таком варианте: пробурили много вертикальных и наклонных каналов, надеясь, что по одному из них вода уйдет сама собой. Однако произошло непредвиденное. Клад — если это на самом деле был клад — ухнул вниз. Просел в развороченном грунте или утонул в образовавшейся на дне жидкой грязи. Во всяком случае, прощальное бульканье в горловине колодца наглядно показало незадачливым бурильщикам, как близки к цели они были и как непродуманно поступили.

Возможно, профессор Вильгельм правильно истолковал надписи на камне: вдруг маис и просо, если насыпать их в шахту, сыграли бы роль водосасывающего средства? В пользу этого предположения говорит такая деталь. В 1848 году экспедиция обнаружила в Бухте Контрабандистов полузатопленную дамбу из... кокосовой мочалки, аналогичной той, что встречалась в шахте в виде слоев. Возможно, это были остатки старинной

дренажной системы, предотвращавшей поступление океанской воды в глубинные слои почвы острова.

В последующие годы число экспедиций на Оук стало расти. И каждая открывала что-то новое. Но все они действовали столь ретиво и неосмотрительно, что скорее отдаляли разгадку тайны, чем приближали ее. Например, экспедиция 60-х годов прошлого века обнаружила под островом несколько ходов сообщений и водных каналов. Один из самых больших туннелей соединял «денежную шахту» с Бухтой Контрабандистов и выходил прямо на кокосовую дамбу. Однако предыдущие неумелые попытки добраться до клада нарушили тонкую систему подземных галерей и каналов. Поэтому откачать оттуда воду никак не удавалось. Даже современная техника оказалась бессильна.

Сезон 1896 года принес очередную сенсацию. Кладоискатели, по обыкновению, стали вести бурение в стволе шахты, и на глубине 126 футов бур уперся в металлическую преграду. Его заменили на маленькое сверло из особо прочного сплава. Преодолев металл, сверло пошло на удивление быстро — очевидно, там имелось пустое пространство, а с отметки 159 футов начался слой цемента. Точнее, это был не цемент, а что-то вроде бетона, арматурой в котором служили дубовые доски. Толщина его не превышала 20 сантиметров, а под ним оказался какой-то мягкий металл! Но какой? Золото? Этого никто не знает, поскольку ни одна крупинка металла не прилипла к сверлу. Бур же поднимал кусочки железа, крошки цемента, волокна древесины — все, кроме золота.

Один раз на поверхности появилась совсем уж загадочная вещь. К буру прилепился маленький кусочек тонкого пергамента, на котором отчетливо виднелись написанные чернилами буквы «i» и «w». Что это: обрывок плана с указанием, где искать клад? Фрагмент его описи? Зловещее заклятие? Гадать можно до бесконечности. При последующих спусках бура продолжения текста на поверхности не появилось, а сенсация так и осталась лишь сенсацией.

Тем не менее самоуверенные бурильщики заявили, будто на глубине 160 футов найден новый сундук. О ранее затонувшей в жидком грунте «бочке» они даже не подумали. Больше того, в погоне за славой охотники за сокровищами сообщили о нескольких кладах, якобы закопанных на острове. Вскоре после этого пошли слухи о том, что остров прямо-таки нашпигован сокровищами, правда, затопленными; причем, если их не поднять, бедный Оук может лопнуть от распирающих его богатств.

В XX веке экспедиции посыпались на остров Оук, как из мешка: 1909 год — фиаско, 1922 — фиаско, 1931, 1934, 1938, 1955, 1960 — результат тот же. Какая только техника не использовалась кладоискателями: мощные буры и сильные насосы, чувствительные металлоискатели и экскаваторы — все было напрасно.

Если проследить историю острова, то легко заметить, что он ведет «нечестную игру». Любая тайна, особенно когда она связана с каким-либо сокровищем, рано или поздно раскрывается. Достаточно иметь хотя бы приблизительное указание на место клада, некоторые средства, определенную технику — и можно идти в ближайший банк, чтобы открыть там счет. Или, убедившись, что сокровища нет, объявить себя банкротом. Так было со многими пиратскими кладами. Тот же Шлиман имел куда меньше достоверных сведений, но все-таки откопал Трою. А с островом Оук все наоборот.

«Денежная шахта» оказалась в финансовом смысле буквально бездонной: она охотно поглощает любые суммы денег — а вот отдача равна нулю.

Начиная с 1965 года завеса таинственности, окутывавшая остров, стала постепенно рассеиваться. Однако не обошлось без драматических эпизодов. Именно тогда «денежная шахта» показала свой коварный нрав: в ней погибли четыре человека.

Семья Ресталлов — Роберт, его жена Милдред и два их сына — появились в Оуке в конце 50-х годов. Шесть лет они бурили остров, пытаясь найти ключ к секрету водоводных каналов. Их окрыляло то, что в первый же год пребывания на острове Роберт нашел еще один плоский камень с выбитой на нем загадочной надписью. Но золота, как и все предшественники, семья не добыла, да и вообще камень оказался единственной находкой. Кроме того, на Оуке объявился конкурент — некий Роберт Данфилд, геолог из Калифорнии. Он нанял бульдозеристов и принялся методично срывать остров, надеясь не мытьем, так катаньем добиться успеха. Неизвестно, чем бы закончилась их конкуренция, если бы Ресталл не свалился в шахту. Три человека спустились вниз, чтобы спасти его, но все погибли под обвалом. Среди жертв оказался и сам Роберт Ресталл, и старший сын кладоискателя.

АРХИВЫ

Какая только техника не привлекалась для поисков на острове Оук!

В том же 1965 году на острове появилась новая фигура — 42-летний бизнесмен из Майами Дэниел Блэнкеншип. Новичок не разделял пристрастия к варварским методам «обращения» с Оуком, но все же, дабы приобщиться к делу, стал компаньоном Данфилда. Впрочем, ненадолго. «Бульдозеристу» не удалось избежать стереотипной судьбы всех «покорителей» острова: он разорился. Так Блэнкеншип стал полновластным распо-

рядителем раскопок. Правда, у новоиспеченного руководителя не было средств: с банкротством Данфилда превратилась в дым и доля Блэнкеншипа. Выручил его Дэвид Тобиас, финансист из Монреаля, который заинтересовался Оуком и выделил значительную сумму организованной им компании для поиска клада, в которой Блэнкеншип занял пост одного из директоров. Однако на своем посту он вовсе не торопился бурить, взрывать или рыть землю, а засел за архивы. Рассматривал старинные пожелтевшие карты, листал дневники экспедиций, читал книги, посвященные пиратским и иным сокровищам. В итоге ему удалось систематизировать все версии относительно происхождения возможного клада.

Первая была связана с легендарным сокровищем капитана Кидда. Четыре года знаменитый корсар и его пиратская эскадра наводили ужас на моряков в Индийском океане. В 1699 году один из кораблей Кидда, без эскадры, неожиданно объявился у берегов Америки с драгоценностями на борту, составляющими огромную по тем временам сумму в 41 тысячу фунтов стерлингов. Пирата сразу же арестовали и отправили в Англию, где очень быстро приговорили к смертной казни через повешение. За два дня до виселицы, в мае 1701 года, Кидд «раскаялся» и написал в палату общин письмо, в котором просил сохранить ему жизнь в обмен на спрятанные где-то в тайнике несметные богатства. Но это не помогло: пирата казнили. Зато буквально на следующий день началась интереснейшая в истории кладоискательства охота за его сокровищами.

Американец Гарольд Уилкинс, посвятивший всю свою жизнь поискам старинных кладов, издал в конце 30-х годов книгу под названием «Капитан Кидд и его Остров Скелетов». Факсимильная карта, якобы начертанная рукой капитана, которая приведена в этой книге, поразительно напоминает остров Оук: та же бухта на северном берегу, похожая на Бухту Контрабандистов, та же шахта и даже тот самый таинственный треугольник из камней. Для простого совпадения этого было слишком много. Скорее всего речь могла идти о подтверждении прямой связи последнего похода Кидда к берегам Америки с исчезновением его сокровищ. Но были ли они захоронены именно на острове Оук, сказать трудно.

Во второй версии речь шла о сокровище инков. На самом севере Перу есть провинция Тумбес. Пятьсот лет назад это был самый укрепленный район империи инков. Когда Франсиско Писарро в 20-х годах XVI века прошел огнем и мечом по их земле, то награбил сказочные богатства на сумму в 5 миллионов фунтов стерлингов. Однако это оказалась лишь малая толика сокровищ. Большая их часть пропала без следа. Куда же она делась? Не была ли тайно укрыта на одном из маленьких атлантических островов? И не мог ли этот клочок суши являться островом Оук?

Третья версия касалась сокровищ английских монахов. В 1560 году английский парламент упразднил аббатство при соборе св. Эндрю. Монахи аббатства славились тем, что на протяжении тысячи лет копили в подвалах своего монастыря золото, бриллианты и произведения искусства. После решения парламента сокровища неожиданно исчезли. Может, их неизвестные хранители смогли переправиться через океан и добраться до острова Оук? Причем Блэнкеншип обратил внимание на один любопытный факт: подземные галереи Оука и подземные ходы, прорытые под старинным английским аббатством, на удивление похожи. Если отбросить мелкие различия, то можно предположить, что их делали руки одних и тех же мастеров.

Наконец, четвертая и самая спорная версия. В Евангелии говорится, что, перед тем как взойти на Голгофу, Иисус Христос собрал Тайную Вечерю — прощальный ужин с учениками. Будущие апостолы проливали слезы и отпивали вино из массивной золотой чаши, известной как чаша Святого Грааля. Дело происходило в доме Иосифа Аримафейского. Неизвестно, происходила ли Тайная Вечеря на самом деле, но подобная чаша долгое время хранилась в Англии, в Глстонберийском аббатстве, куда ее якобы лично доставил Иосиф Аримафейский. Когда же правительство решило конфисковать богатства Глстонбери, обнаружилось, что чаша Святого Грааля испарилась. Аббатство перевернули буквально вверх дном, нашли множество золотых и серебряных предметов, но чаши не было. Историк Р.В. Харрис, первым описавший остров Оук, считал, что чашу украл масоны и затем спрятали. Для этого мастера

Иногда поиски увенчивались успехом

соорудили на острове надежное хранилище, в котором Святой Грааль находился бы в полной безопасности от грабителей и кладоискателей.

Казалось бы, вся подготовительная работа Блэнкеншипом проведена, чего же ждать? Ехать на остров и приступать к бурению! Но Дэниел не торопился. До него дошли слухи о существовании на Гаити подземелья, которое в давние времена служило пиратам Карибского моря тайным хранилищем награбленных богатств. Причем система тамошних туннелей и водоводных каналов будто бы очень похожа на подземную сеть острова Оук. Блэнкеншип садится на самолет и летит в Порт-о-Пренс. Подземного «банка» он не находит, зато встречает человека, который открыл пиратский клад, оцениваемый в 50 тысяч долларов, и вывез его с Гаити контрабандным путем.

Беседа с кладоискателем подсказала американцу новый вариант происхождения сокровищ на острове Оук. Скорее всего пираты Северной Атлантики не строили подземелий, ибо это им было просто ни к чему. Кто-то прорыл все эти туннели задолго до Кидда и Черной Бороды. Возможно, испанцы. Тогда «денежную шахту» следует датировать примерно 1530 годом, когда испанский флот стал совершать относительно регулярные рейсы между Европой и недавно открытой Америкой. Не исключено, что командующие армадами только говорили, что часть судов с драгоценным грузом тонет во время ураганов, а на самом деле утаивали значительную долю награбленных сокровищ и прятали их до лучших времен на Оуке. Именно у испанских адмиралов имелись и время, и рабочая сила для сооружения весьма совершенных подземных тайников.

В то время Блэнкеншип еще не знал об исследованиях профессора Вильгельма, но если бы знал, точнее, если бы тот раньше расшифровал загадочную надпись, они наверняка бы пришли к единому мнению.

Вернувшись с Гаити, Блэнкеншип наконец обосновался на острове, но пустил в ход бурильное оборудование опять-таки не сразу. Сначала обошел весь Оук вдоль и поперек. Ходил он медленно, внимательно осматривая каждый квадратный метр земли, и это дало кое-какие результаты. Блэнкеншип обнаружил то, что осталось незамеченным предыдущими экспедициями. Например, осматривая берег Бухты Контрабандистов, он нашел занесенные песком развалины старинного пирса — деталь, свидетельствующую о явной невнимательности всех предшественников. Те слишком рвались проникнуть в недра острова, и это мешало им приглядеться попристальнее к его поверхности. Кто знает, сколько тайных и явных знаков, свидетельств, примет, лежавших буквально под ногами, было уничтожено бульдозерами.

ПРИЗРАЧНЫЙ КЛАД

Скважина «Шурф 10X», находившаяся в 200 футах к северо-востоку от «денежной шахты», впервые была пробурена в октябре 1969 года. Тогда ее диаметр не превышал 15 сантиметров. Трудно сказать, почему Блэнкеншип заинтересовался именно ею. Как бы то ни было, он расширил скважину до 70 сантиметров и укрепил ее стенки широкой металлической трубой, которая была спущена до глубины 180 футов и уперлась в коренную скальную породу. Но это не остановило поисковика. Он принялся бурить скальное основание острова. Интуиция подсказывала, что разведку нужно вести именно в этом месте. Бур прошел еще 60 футов и вышел в затопленную водой полую камеру.

Это произошло в начале августа 1971 года. Первым делом Блэнкеншип спустил в «Шурф 10Х» портативную телекамеру, снабженную источником света. Сам он сидел в палатке у телевизионного экрана, а три его помощника работали у лебедки. Камера дошла до заветной полости и стала медленно поворачиваться, посылая вверх изображение. В этот момент из палатки донесся дикий вопль. Помощники бросились туда, ожидая самого худшего, что могло случиться, — обрыва кабеля, и увидели своего начальника в состоянии крайнего возбуждения. На экране мерцало изображение: огромная камера, очевидно, искусственного происхождения и в центре ее — здоровенный ящик, может быть, даже сундук с сокровищами. Однако вовсе не он заставил Блэнкеншипа испустить душераздирающий вопль. Прямо перед объективом телекамеры в воде плавала человеческая рука — точнее, отсеченная у запястья кисть.

Когда помощники ворвались в палатку, Дэниел, несмотря на свое состояние, не произнес ни звука — ждал, что скажут они. Вдруг у него начались галлюцинации, а те ничего не увидят? Но не успел первый вбежавший бросить взгляд на экран, как тут же закричал:

— Что это за чертовщина, Дэн?! Никак человеческая рука!

— Может, перчатка? — внутренне ликуя, усомнился начальник.

— Черта с два перчатка! — возразил второй. — Вон, все кости у этой дьявольщины можно пересчитать!

Когда Блэнкеншип опомнился, было уже поздно. Рука исчезла из фокуса телекамеры, а о том, чтобы сфотографировать ее, никто и не подумал. Потом Дэниел много раз делал снимки с экрана. На одном из них видны «сундук» и размытое изображение руки. На другом можно различить очертания человеческого черепа! Однако та четкость, с которой рука была видна в первый раз, впоследствии ни разу не повторялась.

Блэнкеншип хорошо понимал, что снимки — еще не доказательство. Хотя сам он был уверен в существовании и сундука, и руки, и черепа, убедить в этом других он не мог. Любой фоторепортер поднял бы его на смех. Ведь все прекрасно знают, как делаются фотомонтажи.

Дэниел сам решил спуститься в «Шурф 10Х» и поднять на поверхность хоть какое-нибудь доказательство. Но поскольку спуск человека в 70-сантиметровый колодец на глубину почти 75 метров дело рискованное, его пришлось отложить до следующей осени.

Итак, сентябрь 1972 года. На острове Оук работает последняя из известных экспедиций. Ее начальник Дэниел Блэнкеншип собирается проникнуть в глубь скального основания острова, чтобы разгадать наконец загадку, почти 200 лет не дающую покоя искателям сокровищ.

Первый проверочный спуск был проведен 12 сентября. Блэнкеншип дошел до глубины 170 футов и опробовал аппаратуру. Все прошло нормально. Через два дня — повторный спуск. Теперь уже Дэниел решил достичь самой «сокровищницы» и немного осмотреться там. Погружение шло как по маслу. За две минуты он добрался до нижнего конца 180-футовой металлической трубы, проскользнул в шахту в скальной породе и затем очутился на дне камеры с сундуком. Первым впечатлением стало разочарование: кругом сплошная темень. Вода была мутной, и свет фонаря пронизывал ее всего на какой-нибудь метр. Через полторы минуты Дэн дернул за трос: «Поднимайте!»

— Видно фута на три, дальше — мрак, — рассказывал он на поверхности. — Впрочем, ясно, что это большая полость и в ней что-то есть. Что именно — сказать трудно. Нужно больше света. На дне какой-то мусор, обломки, все за-

несено илом. В следующий раз постараюсь разглядеть побольше. Главное — добрался!

21 сентября Блэнкеншип предпринял третью попытку. Сначала опустил в камеру две автомобильные фары, закрепленные на небольшой платформе, потом пошел сам. Увы, результат оказался плачевным: фары не справились с мутной от ила водой. Оставалась последняя надежда на фотоаппарат со вспышкой. Спустившись еще раз 23 сентября, Дэниел понял, что задумка не удалась. Снимая легкий водолазный костюм, он жаловался помощникам:

— Фотографировать бессмысленно, вспышка ничуть не лучше фар. Знаешь, что там что-то есть, но от малейшего движения поднимаются тучи ила, ни черта не видно.

После своего последнего спуска Блэнкеншип заявил, что не собирается никому ничего рассказывать:

— Во всяком случае, до тех пор, пока не выясню все до конца. Не хочу, чтобы здесь началась свалка из-за сокровищ. Единственное, что могу сказать о них, — пираты тут ни при чем. Мне кажется, я знаю, что находится внизу, и эта штукавина грандиознее, чем все, что можно себе вообразить. Гипотезы об инках, Святом Граале и английских монахах любопытны, но неправдоподобны. То, что находится под островом, оставляет позади любую, самую смелую гипотезу. Капитан Кидд — сопливый мальчишка по сравнению с теми, кто рыл эти туннели. Эти люди были куда значительнее, чем все пираты, вместе взятые...

Чтобы оградить загадочную камеру от непрошенных гостей, Блэнкеншип забетонировал и тщательно замаскировал «Шурф 10X», рассчитывая позднее продолжить свои изыскания. Но сделать это ему не удалось: финансист из Монреаля охладел к поискам кладов и прекратил спонсирование. А новых спонсоров Блэнкеншип найти не смог.

Остров Оук по-прежнему охраняет свою тайну.

Аэрофотосъемка острова Оук

ПЯТНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК НА СУНДУК МЕРТВЕЦА...

Высаженный на Сундук мертвеца моряк

Кто не помнит начало знаменитой пиратской песенки из романа Роберта Стивенсона «Остров сокровищ»? Ее пел Билли Бонс в трактире «Адмирал Бенбоу». Отправляясь в опасное плавание и поднимая якорь, ее затягивал по просьбе матросов Джон Сильвер, и вся команда дружно подхватывала:

— Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Но мало кому известно, что эта популярная среди моряков XVIII века песня насчитывала семь куплетов и имела несколько вариантов. Ее пели на мотив «Дуй, муссон Мэн Даун!», и она имела весьма примечательное название: «Страсти Билли Бонса». О самом Билли Бонсе, которого Стивенсон сделал персонажем своего романа, в песне ничего не говорится, из чего можно заключить, что он и являлся автором слов.

Дадим небольшой комментарий, касающийся припева. Для слуха русского человека он более похож на гомерический хохот пиратов. На самом деле, припев соответствует русскому «Раз, два, взяли!». Это очень важно, когда команде корабля необходимо было разом приложить какие-то усилия. Ниже приводится полный текст песни в переводе Николая Позднякова:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Их мучила жажда, в конце концов.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

*Им стало казаться, что едят мертвецов.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Что пьют их кровь и мослы их жуют.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Вот тут-то и вынырнул черт Деви Джонс.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Он вынырнул с черным большим ключом.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
С ключом от каморки на дне морском.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Таращил глаза, как лесная сова.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
И в хохоте жутком тряслась голова.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Сказал он: «Теперь вы пойдете со мной.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Вас всех схороню я в пучине морской».
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
И он потащил их в подводный свой дом.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
И запер в нем двери тем черным ключом.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!*

Билли Бонсу, как автору, трудно отказать в поэтическом таланте. Во всяком случае, и пиратам, и английским матросам песня нравилась и была им близка. Немаловажно и то, что, судя по всему, Билли Бонс во время сей пердряги был в числе тех пятнадцати, о которых поется в песне.

Стивенсон очень убедительно описал образ пирата и его последние часы жизни в гостинице «Адмирал Бенбоу». Обратимся к тексту романа:

«...Ранен? — сказал доктор. — Чепуха! Он так же ранен, как ты или я... А я попытаюсь спасти эту трижды ненужную жизнь... Джим, принеси мне таз.

Когда я вернулся с тазом, доктор уже засучил у капитана рукав и обнажил его большую, мускулистую руку. Рука была татуированная во многих местах. На предплечье синели надписи: “На счастье”, “Попутного ветра” и “Страсти Билли Бонса”.

Возле самого плеча была нарисована виселица, на которой болтался человек. Рисунок этот, как мне показалось, был выполнен с истинным знанием дела.

— Пророческая картинка, — заметил доктор, трогая пальцем изображение виселицы. — А теперь, сударь Билли Бонс, если вас действительно так зовут, мы посмотрим, какого цвета ваша кровь... Джим, — обратился он ко мне, — ты не боишься крови?

— Нет, сэр, — сказал я.

— Отлично, — проговорил доктор. — Тогда держи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену...»

Как видно из приведенного отрывка, одна из татуировок повторяет имя автора вышеприведенной песни, что, конечно, Стивенсон сделал не

случайно. Что касается самой песни пиратов, то исследователей творчества писателя особенно интриговали слова: «Пятнадцать человек на сундук мертвеца». Они справедливо полагали, что за этой строкой кроется какая-то тайна. Стивенсон никаких пояснений на сей счет не оставил, но известно, что он позаимствовал этот куплет из сборника известного знатока истории пиратства, мистера Джеффри Монтегю, сотрудника газеты «Ричмонд таймс».

Некоторые литературоведы высказывали предположение, что, возможно, после смерти пирата в море его имущество делили между членами команды. Им возражали, ведь в таком случае в тексте был бы не «сундук мертвеца», а «рундук мертвеца», ибо, по морской терминологии, все нехитрое имущество матросов и пиратов хранилось в рундуках, которые одновременно служили койками.

Короче, столь интригующее место в пиратской песне продолжало хранить свою тайну с момента выхода в свет романа «Остров сокровищ» 14 ноября 1883 года.

ТАИНСТВЕННЫЙ «СУНДУК»

Публикация «Острова сокровищ» многое изменила в жизни Стивенсона — закончились его финансовые затруднения. Правда, за первое издание он получил гонорар всего лишь в 100 фунтов, чем был чрезвычайно доволен, так как считал, что сам роман этого не стоит, ибо писал он его легко — по главе в день. Роман быстро перевели на все европейские языки, и издательства завалили Стивенсона выгодными предложениями. В далекой России роман напечатали в журнале «Вокруг света» всего через несколько месяцев после выхода в свет первого английского издания.

Тайну с сундуком мертвеца и пятнадцатью пиратами удалось разгадать лишь в 1969 году, да и то по чистой случайности. Английский географ-исследователь, а также страстный путешественник и коллекционер всевозможных раковин Куэнтин ван Марле предпринял одну из поездок на Карибское море, где имеется множество больших и мелких островов, в том числе необитаемых. В его распоряжении имелся быстроходный катер. Однажды, радуясь хорошей погоде, он ушел на катере далеко в море. Неожиданно мотор стал давать сбой и наконец окончательно заглох. Все попытки запустить его оказались тщетными, и раздосадованный Марле, осмотрев бескрайний морской простор в сильный бинокль, узрел на горизонте полоску суши. Соорудив примитивный парус и воспользовавшись благоприятным ветром, уже в сумерках он достиг небольшого островка площадью всего в 200 квадратных метров. Подогрев на спиртовке скромный ужин, он заночевал в катере, предварительно по радиации сообщив свои координаты спасательной службе и пустив в небо несколько сигнальных ракет.

Проснувшись на рассвете, Марле решил обследовать остров. Это оказался довольно унылый клочок суши, каменистый, покрытый мелким кустарником и открытый всем ветрам. С первых же шагов Марле должен был проявлять величайшую осторожность, ибо остров буквально кишел змеями, которые угрожающе шипели и весьма неохотно уступали дорогу. Некоторые,

довольно внушительных размеров, оставив на песке неглубокий след, скрылись в море. Кроме змей, на острове водилось множество ящериц, включая весьма крупных игуан. Они с любопытством разглядывали человека и совершенно его не боялись...

Затем ветер стал крепчать, гнать волну, и Марле поспешил к катеру. Вскоре вдаль показались спасатели. Уже на борту судна, взявшего курс в ближайший порт, Марле попросил показать ему карту того района, где он волею случая оказался, и спросил капитана, как называется пустынный остров, на котором он провел довольно тревожную ночь. Ответ капитана поверг Марле в изумление. Остров носил название Сундук мертвеца!

Много позже, в кругу друзей, он признавался, что, услышав название острова, сразу вспомнил песню пиратов из книги «Остров сокровищ», которую с интересом прочел в детстве. Марле сразу понял, что держит в руках ключ к открытию тайны. Затем он предпринял архивные поиски и отыскал те документы, которые полностью подтвердили его догадку по части слов из пиратской песни.

Марле отыскал документ с еще более изощренной историей, произошедшей в самом начале XVIII века. Пират Карибского моря Эдвард Тич, по прозвищу Черная Борода, отличавшийся особой злостью и коварством, ходил на корабле «Мечь королевы Анны», на котором из-за невыносимых условий и жестокости капитана вспыхнул мятеж. Черная Борода, отличавшийся чудовищной силой и умением владеть как пистолетом, так и холодным оружием, сумел запереться в своей каюте, отбиться от нападавших, а затем довольно скоро подавил мятеж. Пятнадцать особо активных пиратов, желавших заменить капитана на более приемлемого главаря, Черная Борода отправил на необитаемый остров под названием Сундук мертвеца. Пиратов высадили на остров, каждому вручили по бутылке рому и бросили им связку абордажных сабель и кортиков.

Черная Борода знал, что на острове нет ни одного источника пресной воды, что ром только усиливает жажду, если его пить неразбавленным, и, следовательно, все они были обречены на мучительную и ужасную смерть. Но мстительному и жестокому садисту Тичу на это было наплевать. Зная вспыльчивый характер пиратов, он рассчитывал, что они скоро перессорятся и изрубят друг друга на куски. Он даже не стал прибегать к такому распространенному на английских кораблях наказанию, как протаскивание связанных матросов под килем корабля. Оставив людей на крохотном островке, Тич дал команду «Поднять паруса!», и скоро корабль скрылся за горизонтом.

Для Билли Бонса и его товарищей наступили кошмарные дни и ночи. На островке было действительно тесно, как в сундуке. Представьте себе вытянутый квадрат каменистой суши размером 10×20 квадратных метров, где кучка людей не имеет никакой возможности укрыться от тропического зноя, ветра и змей. При помощи огня пираты добыли огонь и разожгли небольшой костер. За ночь в куски парусины они собирали росу, слегка разбавляли ее морской водой и затем поровну делили между собой. Но воды не хватало. От нестерпимой жажды некоторые начали бредить, ночью воспаленный мозг порождал чудовищ вроде морского дьявола Деви Джонса с бутылкой рому в когтистой лапе...

Но драк и поножовщины между пиратами не возникало. Может, этому способствовал Билли Бонс, который еще недавно должен был заменить Тича на посту капитана. Во время отлива остров несколько увеличивался в

Эдвард Тич и провинившийся матрос.

Такой могла бы быть иллюстрация к книге Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ»

размерах, море отступало, и изнуренные «робинзоны» собирали между кораллов моллюсков, крабов и черепах. Основной пищей пиратов, как следовало из документов, найденных Марле, стали змеи и ящерицы. Их убивали, потрошили, рубили на куски, вялили на солнце и затем съедали. Пираты не чувствовали брезгливости и считали этих тварей «королевским блюдом»...

Через месяц Тич вернулся к Сундуку мертвеца. Каково же было его изумление, когда он увидел, что все его бывшие подчиненные живы, хотя так

изнурены, что едва передвигают ноги. По требованию команды Тич их простил. На борту корабля несчастные быстро окрепли, набрались сил; рассказы о них распространились по всему Карибскому бассейну, и хрипылыми голосами пираты принялись дружно горланить сочиненную Билли Бонсом и полюбившуюся всем песню «Пятнадцать человек на Сундук мертвеца».

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА

Сквайра Трелони Стивенсон «списал» с губернатора острова Ямайки. Его легко узнавали друзья, а писатель его хорошо знал. Наконец, следует сказать несколько слов об адмирале Бенбоу (1653–1702), чье имя носил трактир, где поселился Билли Бонс. Любопытно, что такой адмирал действительно существовал, и в его доме близ Лондона останавливался и квартировал Петр Великий. Благодаря адмиралу Джону Бенбоу Петр нанял на русскую службу 42 специалистов, среди которых следует отметить шлюзного мастера Джона Перри, видного кораблестроителя Осипа Ная и профессора математики Эндрю

Адмирал Джон Бенбоу

Фергансона, который, приехав в Москву, преподавал в Школе математических и навигацких наук, а затем в Морской академии в Петербурге.

В Англии Петр I провел более двух месяцев. По приказу короля адмирал Бенбоу устроил для почетного гостя показательные военно-морские маневры в Портсмуте, здесь же Петр осмотрел крупнейшие 80- и 100-пушечные военные корабли. Затем, к большой радости Петра, адмирал устроил еще два показательных сражения на море с участием лучших кораблей английского флота... Адмирал Бенбоу был отважным моряком, начавшим службу простым матросом и участвовавшим во многих сражениях, в том числе и с пиратами. В августе 1702 года близ Колумбии он, имея 7 военных кораблей, атаковал 9 французских судов; в жарком сражении был ранен в ногу, но остался руководить боем на палубе. Спустя некоторое время он умер от ран на Ямайке.

Многие мальчишки, перелистнув последнюю страницу романа «Остров сокровищ», задавали взрослым уйму вопросов. Почему такой одаренный

человек, как Джон Сильвер, стал преступником? Какова история жизни Бена Ганна, столь доброго сердцем? Что случилось с тремя пиратами, оставленными на острове? Почему такие друзья, как О'Брайен и Хендс, схватились насмерть друг с другом? Какова дальнейшая судьба Джима Хокинса?

Наконец, страстный поклонник творчества Стивенсона, Р. Делдерфилд, раз в год для собственного удовольствия и по просьбе внуков перечитывавший «Остров сокровищ», рискнул «дописать» несколько глав романа, назвав их «Приключениями Бена Ганна». Главы издали отдельной книгой, которая, по мнению многих, наверняка заслужила бы одобрение самого Стивенсона.

Повествование ведется от лица Бена Ганна. Он рассказывает о том, как он, сын приходского священника, стал пиратом. Все началось с того, что новые владельцы поместья, Кастеры, всячески притесняли мелких владельцев и арендаторов. Дело дошло до того, что молодой Кастер, дабы пресечь мелкую охоту в своих владениях, стал ставить капканы на людей. В одном из таких капканов погиб брат Бена Ганна, и это резко изменило всю его последующую жизнь. Бен случайно оказался свидетелем ночного поединка, в котором молодой Кастер был убит. Опасаясь неправого суда, он бежал. После ряда приключений в море Бен Ганн познакомился с Хендсом, Черным Псом, здоровяком Андерсоном и, наконец, Джоном Сильвером, выдававшим себя за капитана-работорговца.

Как вскоре выяснил Бен Ганн, Сильвер был знаком с пиратом Флинтом и его помощником Билли Бонсом, которые захватили корабль под названием «Морж». Билли Бонс получил удар саблей, оставившей на всю жизнь на его лице багровый шрам. Затем началась эпопея Флинта под пиратским флагом...

Р. Делдерфилд рассказал историю Билли Бонса, ставшего пиратом в силу обстоятельств. Много лет он являлся благонаправленным, довольно образованным шкипером, ходил между Бостоном и Кубой, пока испанцы не ограбили его корабль около Гаваны. Бонс ожесточился и решил вернуть себе добро тем же путем, каким потерял. Билли был превосходным моряком, и, если бы не эта потеря, он со временем стал бы членом Бостонского городского совета и владельцем нескольких судов.

Трудно сказать, насколько история Билли Бонса выдумана Р. Делдерфилдом, во всяком случае, знатоки утверждают, что она достаточно типична для своего времени, как и история Бена Ганна. Любопытно, что Делдерфилд знал о существовании острова Сундук мертвеца в Карибском море и что пиратская песня, которую так часто пели на «Испаньоле», посвящена именно этому острову. Он предполагал, что пятнадцать человек очутились там из-за кораблекрушения. К их острову прибило несколько бочонков рому, и, когда их подобрал один из кораблей, все они были мертвецки пьяны. Но Делдерфилд не знал, что остров чрезвычайно мал, что там совершенно не было воды и что судьба тех пятнадцати пиратов намного драматичнее...

Делдерфилд устами Бена Ганна рассказал и историю Джона Сильвера, который также имел своего прототипа. Одноногих пиратов, похожих на Сильвера, было несколько. Одним из них был Джеймс Скирм, другим — голландец Корнелис по прозвищу Деревянная Нога; третьим безногим, обладавшим многими чертами Сильвера (умом, находчивостью), являлся Джон Уолдон, квартирмейстер. Все они избежали виселицы и благодаря припрятанной в надежном месте некоторой сумме обзавелись кто

хозяйством, кто таверной в порту и доживали свой век вполне добропорядочными людьми...

Одним словом, «Приключения Бена Ганна» надо признать хорошей литературной удачей Делдерфилда. Непостижимым образом ему удалось чрезвычайно интересно и убедительно объяснить многие коллизии романа Стивенсона, например откуда у Флинта оказались столь огромные сокровища? Почему единственная карта с обозначением места, где спрятаны сокровища, оказалась только у Билли Бонса? Где потерял ногу Сильвер? Какова дальнейшая судьба Джима Хокинса и многое другое. А чтобы вопросы мальчишек не возникали до бесконечности, Делдерфилд достоверно сообщил им, что Бен Ганн дожил до весьма почтенного возраста — восьмидесяти лет и что похоронили его на маленьком кладбище в Ист-Бедли, в том самом приходе, где он родился в 1725 году. И что лежит он меньше чем в 20 ярдах от могилы своей матери, которая дала ему жизнь и сердце которой он, по его собственным словам, разбил.

БУДУТ ЛИ НАЙДЕНЫ СОКРОВИЩА

Читая роман Стивенсона, мы мгновенно переносимся в Карибское море, где в белом песке голубых лагун под зеленью пальм таятся золотые сокровища пиратов. Детская мечта найти спрятанное золото звала и зовет многих любителей приключений в самые отдаленные уголки Карибского моря, где с помощью современных технических средств они годами ищут пиратские клады.

Недавно у побережья американского штата Северная Каролина подводные археологи обнаружили останки старинного корабля, который, по мнению исследователей, является парусником «Мечь королевы Анны», на котором плавал знаменитый пират Черная Борода. У Тича имелся целый флот. Его флагманский корабль «Мечь королевы Анны» погиб в 1718 году. Его останки покоятся на глубине шести метров в трех милях от побережья. Со дна моря уже подняты старинные бутылки с джином и ромом, судовая рында, небольшая пушка. И хотя пресловутая «бутылка рома» уже найдена, следов пиратского сокровища, которое, как полагают, находилось на борту, пока не обнаружено. Как считают кладоискатели, исследование отмели, на которой найден пиратский корабль, займет еще около трех лет.

Однако имя Эдварда Тича теснее всего связано с Британскими Виргинскими островами. Именно здесь, среди сотен укромных бухт, маленьких островков и обломков скал уже третье столетие идет поиск главных сокровищ легендарного пирата. Базой свирепого пирата являлся остров Горда. Сегодня Черная Борода — местная туристская достопримечательность; его портреты, вышитые разноцветными нитками, можно купить на любом углу любого из поселков острова. По преданию, где-то здесь, на «Острове мертвеца», Черная Борода спрятал огромный клад. После того как сокровище надежно скрыли, Черная Борода щедро угостил ромом дюжину своих помощников, а когда те совсем опьянели от угощения, предводитель собственноручно отрубил им головы, чтобы надежно сохранить тайну сокровища. Эта легенда отчасти подтвердилась впоследствии, когда в разных местах острова были найдены несколько обезглавленных скелетов.

Клады стоили многих жертв

Черная Борода не случайно избрал Горду своей базой. Прибрежные воды острова усеяны коралловыми и вулканическими рифами, поэтому к берегу мог пристать только опытный моряк, хорошо знакомый с фарватером. В то же время рядом проходил главный путь испанских «Золотых галеонов», доставлявших в Испанию золото и серебро из Америки, и именно здесь-то, в узких проливах, их и подкарауливали быстроходные пиратские корабли.

Согласно современным данным, в окрестностях острова Горда на дне моря покоятся останки по крайней мере четырехсот испанских галеонов. Местные историки-краеведы называют другую цифру — более пятисот. Им точно известно местонахождение 138 погибших кораблей. А сокровище Черной Бороды стоимостью в несколько сот миллионов долларов, как считают островитяне, укрыто в одном из подводных гротов.

Известен случай, когда местный рыбак случайно обнаружил в скале отверстие, ведущее в подводную пещеру, в глубине которой оказался... сундук с золотыми монетами и украшениями! Эта весть мгновенно облетела остров, вызвав новую волну кладоискателей. Было открыто еще несколько подводных пещер. Сокровищ в них, правда, не оказалось, зато теперь эти пещеры служат предметом паломничества туристов. А искатели кладов продолжают свои, сопряженные с риском для жизни поиски, ведь на Горде рассказывают о том, что свирепый дух легендарного пирата до сих пор бродит по острову, охраняя свое сокровище...

Остров Пинос

ОСТРОВ ПИНОС: ПО СЛЕДАМ СТИВЕНСОНА

Едва в 1883 году английский писатель Роберт Льюис Стивенсон издал свой всемирно известный «Остров сокровищ», книга стала, как теперь говорят, бестселлером. Причем успеху романа в немалой степени способствовало то, что вымысел в нем строился на реальных фактах. Хотя Стивенсон и не знал, где находится остров с пиратскими кладами, у писателя имелась его подлинная карта, а также рукопись, повествующая о том, как знаменитый предводитель морских разбойников грабил торговые суда и прятал добытые сокровища.

Долгое время кладоискатели не верили в достоверное существование острова и даже не пытались сравнить его с географическими описаниями реальных клочков суши в Карибском море. Между тем если бы они это сделали, то без труда убедились бы в поразительном сходстве «Острова сокровищ» с островом Пинос у южного побережья Кубы: та же округлая форма, напоминающая «жирного дракона, стоявшего на своем хвосте»; глубокая, кривая бухта, узкий мыс, закрывавший ее, и даже три характерных холма — «Фок-мачта, Бизань-мачта и Грот-мачта».

ГОРДОН ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Поиски клада

На протяжении трех столетий, с 1520 по 1830 год, Пинос являлся главной базой пиратов в Карибском море. На его песчаных берегах высиживались шайки Джона Хокинса и Фрэнсиса Дрейка, Ван Хорна и де Граафа, Черной Бороды, Лафита, Лолонуа и многих других. Всех привлекало то, что остров располагался близ оживленных морских путей; здесь в изобилии имелась пресная вода, бродили стада одичавшего скота, позволявшие пополнять запасы провизии. Ну и конечно, была возможность припрятать добычу, которая снижала маневренность пиратских кораблей.

Место зарытого клада обычно отмечали пушечными ядрами, якорными цепями или медными гвоздями, вбитыми в ствол пальмы. В дополнение к ним чертились карты и писались пояснительные грамоты. В качестве ориентиров указывались приметная скала или устье ручья, от которых нужно отмерить столько-то шагов на восход или закат солнца, а потом, как написано в одной из таких грамот, «...копать с пол-ярда. Там найдешь кувшин с шестью тысячами золотых монет, сундук с золотыми слитками, шкатулку с драгоценностями, на которых выгравированы инициалы принцессы из Капель-Белла и которые ценнее всего золота. Там же восемь рукояток от мечей, усыпанных бриллиантами, одно распятие, три пары тяжелых золотых подсвечников, 23 кремневых мушкета и пистоля».

Впрочем, куда хуже было другое — фальшивые карты и грамоты, заставлявшие с подозрением относиться к подлинным старинным документам. Американец Гордон стал одним из немногих, кто всерьез интересовался ими. Причем не последнюю роль сыграла книга Стивенсона, точнее, бросавшееся в глаза совпадение деталей с подробностями из дошедших до наших дней рукописей. Гордон, пожалуй, первым задался вопросом: а что, если описанное в ней правда, и «Остров сокровищ» действительно существует? Тогда имевшиеся у него пиратские грамоты, в которых, судя по всему, речь шла об одних и тех же местах, можно дополнить сообщениями писателя, и в итоге получить более или менее достоверные указания, где вести поиски.

После консультаций с географами Гордон пришел к выводу, что загадочный остров скорее всего и есть Пинос. Но подтвердить или опровергнуть догадку можно было только отправившись туда, чтобы попробовать отыскать клад. В начале 40-х годов прошлого столетия Гордон снарядил небольшую экспедицию и на собственной прогулочной яхте поплыл к Пиносу тем же маршрутом, каким шла у Стивенсона «Испаньола». В романе юный Джим Хокинс, сидя в бочке из-под яблок на палубе «Испаньолы», подслушал разговор одноногого Джона Сильвера, из которого следовало, что состоящая из бывших пиратов команда намеревается убить капитана и его друзей, чтобы завладеть кладом. И вот полтора века спустя на палубе своей яхты Гордон случайно услышал, как двое матросов сговорились проделать то же самое на обратном пути и с ним самим. Спасая свою жизнь, он привел яхту не к Пиносу, а к одному из островов Сан-Фелипе. Несколько дней американец делал вид, будто ищет клад, но, естественно, безрезультатно. Затем поспешил вернуться обратно, заявив, что его документы оказались подделкой.

По таким картам до сих пор ищут клады

Можно лишь гадать, насколько правдива рассказанная Гордоном история, поскольку слишком уж много в ней от Стивенсона. Не исключено, что кладоискатель просто-напросто все выдумал, чтобы оправдать свое фиаско. Однако на следующий год он организовал новую экспедицию к мысу Сан-Антонио на побережье Кубы, недалеко от Пиноса. По имеющимся у него данным, здесь налетел на рифы испанский галеон с грузом золота и серебра, которое после кораблекрушения было укрыто в одной из прибрежных пещер.

Гордона сопровождали четыре надежных компаньона. Но счастье опять отвернулось от него. На сей раз виноваты были местные жители. Они весьма неприветливо встретили приезжих американцев, следили за каждым их шагом и даже пытались забросать камнями. Чтобы не рисковать, Гордон покинул негостеприимный берег, пробив на мысе Сан-Антонио всего несколько часов. Когда катер отчалил, американцы ясно увидели у подножия одного из утесов наваленные огромной грудой камни, скорее всего скрывающие вход в пещеру с сокровищами. Впрочем, Гордон особенно не переживал, поскольку был уверен, что они от него не уйдут. Тем более из пиратских грамот он знал еще одно заветное место, в тридцати милях западнее.

Это оказалась небольшая бухточка, окруженная густым лесом, стеной спускавшимся к воде. Ориентиром должно было служить дерево-исполин, под корнями которого якобы захоронен клад. Но сколько американцы ни вглядывались с берега, обнаружить ориентир никак не удавалось. За прошедшие двести лет здесь появилось столько гигантских деревьев, что определить, какое из них имели в виду авторы грамоты, не представлялось возможным. Вероятнее всего, оно давно засохло и упало. Единственная надежда — разыскать его пень, если он вообще сохранился.

Несколько дней кладоискатели, чертыхаясь, лазили по колючему кустарнику, которым заросли берега бухты, пока не нашли у самой кромки

уходившие в воду толстые корни когда-то росшего тут дерева. Поскольку других вариантов не оставалось, Гордон предложил проверить дно бухты в этом месте. Через полчаса один из спутников наткнулся на бронзовую цепь. Восторгу кладоискателей не было предела: значит, пиратская грамота не обманула!

Зайдя по пояс в воду и ухватив цепь, пятеро американцев попытались вытащить ее. Но из этого ничего не получилось: чем сильнее они тянули, тем глубже увязали сами. Тогда кладоискатели соорудили на берегу импровизированный ворот, привязали к концу цепи трос и стали накручивать его на бревно. Медленно, буквально по сантиметру, что-то тяжелое неохотно высвобождалось из трясины. И вот, когда во взбаламученной воде уже можно было нащупать какой-то большой прямоугольный предмет — не иначе как сундук с золотом! — цепь лопнула. Прежде чем охотники за сокровищами пришли в себя и сообразили, что делать, таинственный предмет опять погрузился глубоко в ил. Не стоило и пытаться обнаружить его без специальных приспособлений. Так вторая экспедиция тоже потерпела фиаско.

Впоследствии Гордон еще не раз возвращался в неприметную бухту, но так и не смог разыскать клад. А преждевременная смерть помешала ему снарядить новую экспедицию.

СТИВЕНС ПРОДОЛЖАЕТ ПОИСКИ

Почти одновременно с Гордоном другой богатый американец, Стивенс, также поверивший в пиратские грамоты, направился к острову Пинос. За исходную точку он выбрал узенький пролив между Пиносом и островком, прозванный флибустьерами Островом скелетов, где, если верить роману Стивенсона, когда-то бросала якорь «Испаньола». Время, казалось, обошло стороной это место. Исследовав южное побережье острова, Стивенс обнаружил в зарослях остатки старинной бревенчатой пиратской крепости, а возле нее чугунные ядра. Не исключено, что как раз в этой крепости сражались герои Стивенсона — капитан Смоллет, доктор Ливси и Джим Хокинс против одноногого Джона Сильвера и его шайки, а найденные пушечные ядра были выпущены с «Испаньолы». Но вот приметных ориентиров, о которых говорилось в пиратских грамотах, нигде не было.

Плывя дальше на запад, Стивенс обследовал три бухты, прозванные флибустьерами Раем, Чистилищем и Преисподней, но, не обнаружив в них ничего интересного, направился к главной цели своего путешествия — мысу Пуэнтондель-Эсте на южном побережье Пиноса. Здесь он рассчитывал найти драгоценный груз испанского фрегата «Дон Карлос III». В 1828 году этот корабль вез жалованье испанскому войску в Мексике на сумму в пять миллионов долларов. Фрегат благополучно достиг Кубы, затем повернул к Юкатанскому проливу, после чего пропал без вести.

Через несколько месяцев на поиски отправили военный корабль, который натолкнулся на следы «Дона Карлоса III» на мысе Пуэнтондель-Эсте.

Испанцы обнаружили на берегу жалкую кучку ходячих «скелетов» — остатки команды с потерпевшего кораблекрушение фрегата. Поскольку ни одного офицера среди них не было, это показалось подозрительным. По тогдашнему обыкновению, всем уцелевшим учинили допрос с пристрастием.

Выяснилось, что лоцман, вступив в сговор с командой, направил судно на подводный риф. Матросы перебили офицеров, а золото перевезли на берег. Первое время они питались корабельными припасами, потом — тем, что удавалось найти на берегу или поймать в море. Многие умерли от голода.

Сокровища Острова скелетов ждут своих счастливыхчиков

Однако даже самые страшные пытки не смогли заставить оставшихся в живых признаться, где спрятаны деньги. Большую часть преступников испанцы расстреляли там же на мысе Пуэнто-дель-Эсте, нескольких главарей отвезли в Гавану и заточили в тюрьму. Тем удалось переправить на волю карту участка побережья с небольшим пояснением.

«...На берегу три дерева, в середине самое большое. В его корне медный гвоздь; от него на запад под землей протянута цепь — 20 шагов на север. Четверть на запад. Маленькое озерцо. Десять шагов назад от восходящего солнца. Небольшой холм, с него видно два берега в одну линию на запад и восток. Рядом родник. В тени холма, со стороны, противоположной роднику, зарыто три бочонка с золотыми монетами».

Возможно, преступники надеялись, что кто-то из сообщников разыщет клад и выкупит их у властей или что богатства по крайней мере достанутся их родственникам. Во всяком случае, карта каким-то непостижимым образом попала в Испанию к жене одного из заключенных. Карта бережно хранилась в семье, пока правнуки, не верившие в пиратскиеклады, не продали ее какому-то искателю приключений. Тот, в свою очередь, уступил старинный документ антиквару, в лавке которого на него случайно и наткнулся Стивенс.

Его судно подошло к мысу Пуэнто-дель-Эсте через 120 лет после кораблекрушения. Однако следы трагедии все еще были заметны на коралловом рифе в виде глубокого пролома. Ближе к берегу во время отлива нашлись и другие свидетельства — выступавшие из песка корабельные обломки.

После долгих поисков Стивенс установил, где на мысе когда-то росли три дерева, и даже разыскал высохшее русло родника у подножия небольшого холма. Но вот дальше возникло неожиданное препятствие. Склоны холма были покрыты таким густым кустарником, что применить металлоискатель оказалось невозможным. Чтобы расчистить заросли, требовались не дни, а недели. И потом, не исключено, что металлоискатель вообще не покажет наличие клада, поскольку неизвестно, на какой глубине он находится. Значит, придется рыть шурфы. А на это тоже уйдет немало времени. В довершение всего в округе не оказалось пресной воды. Взятый же с собой небольшой запас таял с молниеносной быстротой.

Скрепя сердце Стивенс решил покинуть Пинос. Можно представить, как терзался при этом американец: знать, что где-то рядом под землей лежат сокровища, и быть вынужденным отказаться от их поисков. Его немного утешил лоцман Фернандес, с которым он успел подружиться. Кубинец рассказал Стивенсу занятую историю о другом островке в Карибском море неподалеку от Ямайки — Кайо-Авалосе, также служившем пристанищем пиратам.

На протяжении долгих лет на нем жил американец по фамилии Браун, выстроивший себе легкое бунгало и добывавший пропитание охотой да рыбной ловлей. На Кайо-Авалос его привела «подлинная пиратская карта». Как это часто случалось, на месте выяснилось, что большинство указанных в ней ориентиров исчезло. Сохранились лишь две пушки, лежавшие близ берега на отмели, которые были хорошо видны при отливе. Эти пушки соприкасались дулами, образуя подобие стрелы, направленной в глубь острова на плоский утес. На утесе оказались высечены какие-то цифры и лицо, обращенное в сторону лагуны.

Браун долго ломал голову над этой загадкой и в конце концов пришел к выводу: криптограмма означает, что пиратские сокровища захоронены на дне; цифры же указывают расстояние от берега. Он решил отгородить лагуну от моря дамбой, а затем осушить ее. Несколько лет отшельник занимался возделыванием дамбы, но, так и не закончив ее, умер в 1925 году.

По словам Фернандеса, его отец сам видел две загадочные пушки. Но ни он, ни Браун не придали значения тому, что их дула залиты цементом. Через десять лет после смерти американца Кайо-Авалос посетили какие-то кладоискатели. Дождавшись отлива, они проломили цементные пробки в стволах пушек. Те оказались набиты золотыми монетами и драгоценностями. Судя по историческим хроникам, так поступал со своей добычей пират Лафит. Если бы Браун изучил старинные первоисточники, прежде чем отправляться на поиски клада, он наверняка бы нашел его.

Впрочем, и это еще не все. Если верить лоцману, в детстве он не раз бывал с отцом на Кайо-Авалосе. Однажды, играя в песке на берегу лагуны, Фернандес откопал чугунное ядро, от которого вниз уходила цепь. Мальчик позвал отца и дядю, рыбачивших неподалеку с лодки. Те взялись за лопаты и вскоре наткнулись на несколько досок с выжженными на них словами «Двенадцать апостолов». Очевидно, так называлось пиратское судно. Под досками показалась залитая смолой крышка большого котла, к ручке которого и был прикреплен конец цепи с ядром. Воодушевленные находкой, они принялись лихорадочно рыть дальше. Но тут начался прилив, и яма стала быстро заполняться водой.

Выбравшись на берег, отец с дядей попробовали тянуть за цепь. В этот момент стены ямы обвалились, и оба по горло погрузились в жидкую песчаную

кашу. Туда же сползла и цепь с ядром. Времени, чтобы попытаться достать ее, уже не было. Оставалось только одно: спастись самим. С трудом они кое-как выкарабкались из ямы-ловушки, отказавшись от мысли вызволить клад. Впоследствии отец с дядей часто поговаривали о том, чтобы отправиться на остров, но все откладывали экспедицию, потому что на раскопки ушло бы много времени, а обоим нужно было каждый день добывать хлеб насущный для своих немаленьких семейств.

Рассказ лоцмана, согласившегося за приличное вознаграждение показать скрывавший пиратские сокровища пляж, заставил Стивенса изменить планы. Он поспешил в Кингстон, где, не торгуясь, купил все необходимое для предстоящих работ: бензиновый двигатель, два насоса для откачивания воды и песка, доски и сборную арматуру для крепления стенок шахты.

К Кайо-Авалосу его судно подошло на исходе дня. Из-за мелководья пришлось встать на якорь метрах в трехстах от берега. Однако нетерпение Стивенса было так велико, что он уговорил лоцмана, не дожидаясь утра, спустить шлюпку и отправиться на разведку. Когда с последними лучами солнца они высадились в заветном месте на берег, в глаза им сразу бросилась окруженная высокими отвалами огромная яма, наполненная водой.

И все же у Стивенса еще теплилась надежда. Утром он перевез на остров свою технику и принялся откачивать воду. Когда ее уровень понизился на четыре фута, кладоискатель пустил в ход длинный шест, которым нащупал в глубине что-то твердое. Оба насоса опять заработали на полную мощность. Не прошло и получаса, как из воды показался деревянный щит из свежих досок с большим квадратным окном посередине. Стивенсу хватило одного взгляда, чтобы понять, что его опередили. Подозревать лоцмана в обмане было нелепо. Фернандес просто не знал, что его отец или дядя раскрыли кому-то свою семейную тайну. Ну а дальше сыграл свою роль слепой случай. Стивенс прекрасно понимал все это, но его разочарование было так велико, что он навсегда потерял интерес к пиратскимкладам и больше не вернулся на мыс Пуэнто-дель-Эсте.

ВЕЗЕНИЕ УИККЕРА

И все-таки, по крайней мере однажды, Пинос оправдал свое название «Острова сокровищ». Уже в 50-е годы прошлого столетия американец Уиккер, дотошно изучивший не один десяток пиратских грамот и карт, решил попытать счастья у подводного рифа в пяти милях от Пиноса. Это место заслужило у флибустьеров мрачную славу «корабельного кладбища»: слишком много судов, не имея на борту хорошего лоцмана, затонуло там во время шторма.

Если каждое десятое, пусть даже сотое судно везло ценный груз, шансы найти его не так уж малы, считал знаток старинных рукописей. Команда Уиккера, вышедшая в море из Майами на быстроходном катере, состояла из четырех человек: самого Уиккера, его сына Билла, механика Лавстоуна, в прошлом офицера береговой охраны, и лоцмана, кубинца Себастьяна, который много раз участвовал в подобных экспедициях и являлся опытным водолазом.

Переход из Флориды к Пиносу прошел без приключений. Но, когда они уже почти достигли цели, погода испортилась. Сильный ветер развел крутую волну. Тем не менее девятнадцатилетний Билл, прекрасный пловец, и

Себастьян уговорили Уиккера отпустить их для предварительного осмотра района предстоящих поисков, пока катер дрейфует в море. Захватив маски и дыхательные трубки, они на надувной лодке направились к подводному рифу, над которым кипели буруны и взлетали фонтаны брызг. С замиранием сердца отец следил в бинокль за тем, как сын и лоцман приближаются к линии прибоя. Огромные пенные валы то вздымали крохотное суденышко высоко на гребень, то швыряли в глубокую пропасть между ними. Уиккер уже жалел, что поддался их уговорам. Несмотря на искусство гребцов, лодка каждую секунду грозила перевернуться. И тогда... О том, что может случиться, страшно было даже подумать.

Впрочем, Билл и Себастьян и не собирались возвращаться. Напротив, они подошли к самому рифу и, чего-то выжидая, отчаянно старались удержаться на одном месте. Рискованный план стал понятен Уиккеру только тогда, когда лодка была подхвачена высоченным «девятым валом»: смельчаки решили проскользнуть на нем над рифом!

Им повезло лишь наполовину. Волна действительно перенесла их через подводный барьер. Но, поскольку коралловая гряда срезала подошву водяной горы, та, рухнув, перевернула лодку. Прошло несколько минут, прежде чем Уиккер разглядел в бурлящей белой пене оранжевый поплавок с вцепившимися в него Биллом и Себастьяном. Внезапно сын отделился от лодки и скрылся под водой. Вынырнув, он торжествующе поднял руку и помахал чем-то, зажатым в кулаке. Стало ясно, это «что-то», конечно, не простой коралл. Пока же нужно было думать о том, как помочь смельчакам.

Уиккер не сомневался, что Билл и Себастьян сумеют перевернуть лодку и добраться до берега. Но вот, чтобы принять их на борт, придется проплыть не меньше десяти миль на восток вдоль побережья и только там, под прикрытием небольшого мыса, попытаться пристать.

Когда Билл поднялся на катер и протянул отцу кусок коралла с вросшим в него золотым браслетом, Уиккер убедился, что не зря копался в архивах: в акватории за рифом на дне уцелели старинные сокровища!

Четыре дня американцы пережидали непогоду под защитой мыса. И лишь на пятый, когда шторм начал стихать, Уиккеру удалось провести катер узким извилистым проходом между подводными камнями за линию рифов и встать там на якорь. Поиски было решено вести по двое, чтобы страховать друг друга от нападения акул. Первыми под воду спустились с аквалангами Билл и Себастьян. Оставшиеся на катере Уиккер и Лавстоун с нетерпением ожидали их возвращения. Если первой паре повезет найти то место, где Билл поднял коралл с браслетом, это облегчит дальнейшие поиски. Тогда не придется наугад прочесывать всю акваторию, на что может уйти бог знает сколько времени.

Впоследствии Уиккер утверждал, будто бы с самого начала не сомневался в успехе. Однако, когда через два часа Билл и Себастьян подплыли к катеру с пустыми руками, лицо руководителя экспедиции, по свидетельству Лавстоуна, вытянулось.

— Надевайте быстрее акваланги. Нужно вам кое-что показать, — с каким-то озабоченно-огорченным видом сказал Билл.

— Что там? — не на шутку встревожился отец.

— Сами увидите, — сердито буркнул Себастьян.

Подождав, пока Уиккер и Лавстоун спрыгнут в воду, кубинец поплыл впереди, показывая путь, а Билл с гарпунным ружьем замыкал цепочку аквалангистов.

На затонувших судах таится множество ценностей

Себастьян остановился над небольшой прогалиной в коралловых зарослях и ткнул ружьем вниз. Ошеломленные Уиккер и Лавстоун не могли верить своим глазам. На дне, среди разросшихся кораллов, стоял железный сундук с откинутой крышкой, в котором лежали железные бруски. «Неужели золото?» — мелькнула у обоих одна и та же мысль.

Да, это было золото — вожденная мечта кладоискателей. К тому же в сундуке обнаружили еще и старинные золотые украшения. К вечеру все сокровища доставили на катер. На следующий день аквалангисты приступили к тщательному осмотру участка вокруг сундука. Работали втроем. Пока двое осторожно пробирались по дну между ветвистыми кораллами, третий с гарпунным ружьем на всякий случай плавал над ними, охраняя от акул и других незваных гостей. К счастью, пока продолжались поиски, ни те ни другие не побеспокоили кладоискателей. Тем более что прочесывание подводных зарослей оказалось ненеприятным: удалось

КЛАДЫ И СОКРОВИЩА: НАЙДЕННЫЕ И НЕНАЙДЕННЫЕ

найти немало драгоценных браслетов, ожерелий, брошей — по большей части вросших в кораллы. Кстати, одну из таких находок Уиккер позднее передал в музей.

Вообще же Уиккер и его спутники предпочли держать язык за зубами относительно подробностей своей экспедиции. В частности, осталась в тайне стоимость поднятых сокровищ. Это послужило пищей для самых фантастических слухов. Например, кое-кто из газетчиков писал, будто бы американцы обнаружили у побережья Пиноса чуть ли не штабеля цинковых ящиков с золотом и драгоценностями, причем поднята только часть, а еще больше осталось на дне. Подтекст был ясен: не упускайте шанса разбогатеть. Ведь не зря Стивенсон назвал Пинос «Островом сокровищ».

СОДЕРЖАНИЕ

Пиратство как оно есть

Краснобородая братия, или Грязная пена морей	6
Новая раса корсаров	7
Боевое крещение Барбароссы	7
Конец Краснобородого	10
Новая пиратская звезда	11
Битва при Форментере	12
Бегство из алькова	13
Все смешалось в Средиземноморье... ..	14
Последняя охота	15
Превратности... любви	18
Наследники Барбароссы, или Обнаженный меч ислама ..	20
Звезда Драгута	20
С Родоса на Мальту	23
Галеры святого Иоанна	24
Завоеванное бессмертие	25
Флот-мститель	27
Восхождение Мурада	30
Курс на Канары	31
Великий стратег	33
Викинги или пираты?	34
Свободные люди на галерах	35
Ганзейцы против корсаров	38
Метаморфозы Караузиуса, или Экскурс в прошлое	41
Предтеча морского могущества	42
Лига Пяти Портов	43
Графиня идет на abordaj	45
Задолго до Дрейка, или Холи и Пэй	45
Деяния фауэйских молодцов	47
Распоясавшиеся джентльмены удачи	48
Рабство и выкуп	51
Живой товар по разнарядке	51
«Жизнь» на галере	52
Одиссея мистера Окли	55
Удивительный исход, или Квакеры против турок	58
Храбрый идалго	61

СОДЕРЖАНИЕ

Раб в поисках философского камня	63
Смелый карлик	65
Борьба или выкуп?	66
Береговое братство	69
Кто такие буканьеры	70
Колония Левассера	74
Энциклопедия Эксквемелена	75
Кровожадный Лолонуа	80
Морган. Начало карьеры	83
Великий переход	89
Пират против пиратов	92
Цель — Тихий океан	93
Оправдание	99
Багамский рай	99
Набожные разбойники морей	100
Последние дни флибустьеров	102
Охотники за черепами	104
С помощью криси и Аллаха	105
Принц среди пиратов	106
Конец Раги	108
Белый раджа	109
Неминуемое поражение	112
Под знаком Южного Креста	114
Черные дела на «Утренней звезде»	115
«Проповедник» с кровавым прошлым	116
Удобное гнездышко	118
Белый пират	120
Гарем Плантейна	122
Страшный берег	124
Свирепые жоасми	125
Доу против военно-морского флота	126
В гостях у лжешейха, или История Томаса Хортонa ..	129
Эти неистребимые жоасми	132
Сумерки эпохи флибустьеров	134
Метаморфозы «черного птицелова»	134
Пираты на ниве работоторговли	136
Зерна могут прорасти	138
Пираты и современность	139
«Прыгай за борт, парень!»	144

Пираты в лицах

Королева флибустьеров	147
Неумная бестия	148
Кровавая Мэри	151
Черная Борода	155
Способный ученик	156
И маньяк, и садист	157
Конец негодяя	159
Одиссея капитана Кидда	162
Дитя своего времени	163
Честный среди головорезов	165
Коварный лорд	169
Бартоломью Робертс — великий пират Атлантики	170
Начало «карьеры»	170
Между двух континентов	173
Победа Огла	174
Долговязый Бен, или Архипират	176
Удачливый пират	180
Пират-путешественник Фрэнсис Дрейк	181
Робин Гуд моря-океана	188
В театре как в жизни	188
Загадка Черных Скал	190
Пираты против танкеров	190
Местный Бермудский треугольник	192

Пиастры! Пиастры! Клады и сокровища: найденные и не найденные

Гибель «Сан-Диего»	194
Галеон готов к плаванию	195
Перед лицом вечности	197
Находки	199
Непотопляемый адмирал	201
Сорок миллиардов на дне бухты Виго	201
Гибель «второго солнца»	202
Упорство банкиров	203
Драма в заливе	204
Под слоем ила	207

СОДЕРЖАНИЕ

Наследство Генри Моргана	208
Везет же некоторым!	208
Претенденты на славу	210
Увядший «Цветок моря»	212
История продолжается	213
Сокровища Оливье Левассера	215
Ищите... кто сможет!	216
Поиски Круза-Уилкинса	217
Ловушка пирата	219
Заклятие острова Оук	221
Шахта под дубом	222
Вниз, слой за слоем	223
Когда техника бессильна	224
Архивы	226
Призрачный клад	229
Пятнадцать человек на сундук мертвеца... ..	232
Таинственный «сундук»	234
Продолжение романа	237
Будут ли найдены сокровища	240
Остров Пинос: по следам Стивенсона	242
Гордон идет по следу	242
Стивенс продолжает поиски	245
Везение Уиккера	248

Николя Перье

Пираты

Всемирная энциклопедия

Редактор *Е. Яновская*
Оформление обложки *В. Ковригиной*
Верстка *Ю. Коротневой*
Корректор *О. Водовозова*

Подписано в печать 14.03.08. Формат 60×100 1/8
Тираж 5000 экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

ЗАО «Издательский дом «Гелеос»
115093, Москва, Партийный переулок, 1
Тел.: (495) 785-02-39. Тел./факс: (495) 951-89-72
www.geleos.ru

ЗАО «Читатель»
115093, Москва, Партийный переулок, 1
Тел.: (495) 785-02-39. Тел./факс: (495) 951-89-72

ООО «Нью Лайн Продакшн»
115093, Москва, Партийный переулок, 1
Тел.: (495) 785-02-39. Тел./факс: (495) 951-89-72